79 01/28

Экслибрисъ, штемп

1623

ИЗЪ БИБЛІОТЕКИ
ДЛЯ ЧТЕНІЯ
П. И. КРАШЕНИННИКОВА.

№

Н. КИММЕЛЬ
КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
ВЪ РИГѢ.

БИБЛІОТЕКА ЧЕРКЕСОВА
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.
№.....
Цѣна р. к.

Н. КИММЕЛЬ
КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
ВЪ РИГѢ.

79 01/28

УРАЛЬЦЫ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ВЛАДИМІРУ ИВАНОВИЧУ ДАЛЮ.

СОЧИНЕНІЕ

Павла Небольсина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ШТАБА ОТДѢЛЬНАГО КОРПУРА ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ.

1855.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 26 мая 1855 года.

Ценсоръ *Н. Пейкеръ.*

Гос. Историч. Научн. Б-ка
Инвент. № 311366
193 г.

УРАЛЬЦЫ.

(Посвящается Владиміру Ивановичу Далю).

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

I.

Минувшимъ лѣтомъ, въ Петергофѣ, по аллеѣ, ведущей къ Монплезиру, почти ежедневно, часу въ одинадцатомъ утра, прогуливалась молодая дама, довольно въ необыкновенномъ для Петербурга нарядѣ. Дама была въ самой лучшей порѣ жизни, лѣтъ, этакъ, подъ-тридцать; довольно миловидна собой, смугла, съ блестящими черными глазами, съ багрянымъ румянцомъ на щекахъ и съ синеватымъ отливомъ роскошныхъ чорныхъ волосъ. Ходила она обыкновенно въ темномъ шелковомъ платьѣ, фасона котораго нельзя было однакожь хорошенько распознать, потому что незнакомка носила постоянно большой бѣлый филейный, но довольно плотный и непрозрачный платокъ, тщательно заколотый на груди и совершенно скрывавшій верхнюю часть ея одежды. Наружу выходили только бѣлые, очень широкіе кисейные рукава, производившіе контрастъ и дисгармонію съ усвоенными современною модою рукавчиками. Загорѣлыя и нельзя сказать чтобъ маленькія ручки незнакомки не были, должно быть, пріучены къ лайковымъ перчаткамъ: она ихъ почти вовсе не носила, а если когда и надѣвала—то не другія какія нибудь, а именно шолковыя. Въ одной рукѣ у ней былъ маленькій, старомодный зонтикъ; въ другой—бѣлый батистовый платокъ, съ очень распущенными концами. Толпа гуляющихъ съ большимъ любопытствомъ оглядывала даму; но особенное вниманіе всѣхъ проходящихъ обращала на себя не

сама незнакомка, не распущенный ею носовой платокъ, даже не пышущее южною негою лицо, а длинная, очень длинная, плотная и спущенная по стану чорная коса ея, отъ самаго затылка, почти вплоть до пояса, прикрытая двуличневымъ изъ-зелена-лиловымъ шолковымъ платкомъ, прилаженнымъ такимъ образомъ, что, въ отношеніи къ косѣ, онъ образовывалъ нѣкотораго рода чехолъ, въ видѣ калпачка, постепенно все болѣе и болѣе съуживающагося. Въ конецъ косы, распространявшейся гораздо ниже пояса, вплетены были два пунцовые бантика съ развѣвающимися отъ нихъ концами лентъ.

Въ одно утро, незнакомка явилась къ Монплезиру позже обыкновеннаго, когда уже всѣ аллейки его заняты были блистательными и чудно-разодѣтыми дамами. Не обращая ни на кого особеннаго вниманія, она подошла къ фонтану и, подгорюнившись, стала прислушиваться къ завѣтному шуму дробящихся въ брызги струй.

— Кто бы это такая была? переговаривали въ шепотокъ между собою гуляющія. — Какое характерное лицо! Сейчасъ видна женщина юга!

— Это должно быть нерусская! замѣтила одна изъ дачницъ своему кавалеру.

— Да: что-то дышетъ востокомъ! отвѣчалъ догадливый денди.

— Непремѣнно Испанка! замѣтилъ его сосѣдъ.

— Ай, нѣтъ! сказала дама:—нѣтъ; въ ней видѣнъ отпечатокъ Азіи; не Турчанка ли это какая?

— Ахъ, ma chère, какая Турчанка? возразила пожилая и сановитая дама: — ты видишь, какъ она сложила руки: это русская манера.

— Если и не исключительно русская манера, по крайней мѣрѣ это общеславянская черта—подхватилъ другой кавалеръ. Я готовъ пари держать, что это австрійская Славянка, какая нибудь Иллирійка....

— Или Славонка!... поддержалъ его сосѣдъ.

— Быть можетъ Черногорка!

— Или Далматка...

— Сербіянка!... жеманно проговорила одна барышня.

— И какъ она смѣшно одѣта! Какъ странно!... Подойдите пожалуйста къ ней, поговорите, узнайте...

Красивый господинъ съ участьемъ подошелъ къ незнакомкѣ и съ самыми вѣжливыми пріемами обратился къ ней съ разговоромъ, начавъ рѣчь наугадъ, по русски. Незнакомка не затруднялась отвѣтами.

— Какъ вы основательно, прочно владѣете нашимъ языкомъ! замѣтилъ между прочимъ кавалеръ, сказавъ два-три слова о фонтанѣ, о садахъ.

— Чего? спросила незнакомка.

Это «чего» чрезвычайно изумило кавалера; онъ быстро выпрямилъ голову и съ какимъ-то недоумѣніемъ сказалъ ей:

— Вы славно говорите по русски!

— Чѣмъ славно?

— Я полагалъ, что вы Славянка...

— Какая, полковникъ?

— Вы... если смѣю спросить... вы славянскаго племени?

— Не слыхала, полковникъ, такого! отвѣтила дама, въ свою очередь тоже съ изумленіемъ поглядѣвшая на своего собесѣдника.

— Вы изъ какой земли?

— Я съ нашей стороны, полковникъ.

— Гречанка, вѣрно? или изъ Тифлиса?...

— Я съ Нижнихъ-Чировъ.

— Да вы — русскія?

— Русская, русская, полковникъ!

— Откуда же, скажите, изъ какой губерніи?... ужь не изъ Сибири ли?

— Нѣтъ, съ Нижнихъ-Чировъ, полковникъ: я съ Дону!....

— Какъ? съ Дону? такъ вы, значитъ, Дончиха?

— Донская казачка.

— Донская казачка? Скажите, пожалуйста! Вѣдь я и не подозрѣвалъ!

Остановимся на этомъ и спросимъ благосклоннаго читателя: можно ли ставить въ вину коренному петербургскому жителю ненаходчивость его въ томъ отношеніи, что онъ не узналъ въ незнакомой дамѣ донской казачки, не только по типическому ея наряду, но даже и послѣ опредѣлительнаго указанія

ея на свою родину, на Нижніе-Чиры? Безъ всякаго сомнѣнія, винить тутъ никого нельзя, вопервыхъ потому, что Нижніе-Чиры славны лишь въ своемъ муравейникѣ, а вовторыхъ, и это едва ли не главное, потому что въ Петербургѣ не только всѣ національности смѣшиваются, но даже мѣстные наряды, не взирая на всю свою щеголеватость и на характерность, смиренно уступаютъ свое мѣсто современнымъ столичнымъ модамъ. Мало ли здѣсь въ Петербургѣ живетъ татарокъ — но вы ихъ здѣсь не встрѣчаете, именно потому, что онѣ ходятъ въ нѣмецкомъ платьѣ. Найдутся здѣсь и Калмыки, но въ Петербургѣ и они щеголяютъ въ европейскомъ нарядѣ. Плсменныя отличія разныхъ народностей здѣсь уничтожаются совершенно, именно потому, что каждый хочетъ быть, въ столицѣ, вполнѣ современнымъ, и чтобъ не обращать на себя особеннаго вниманія, откидываетъ здѣсь не только наружные, внѣшніе признаки своихъ особенностей, но старается и въ тѣхъ случаяхъ, которые имѣютъ особенное значеніе для внутренняго его быта, подчинить свою личность общему направленію. Татарка не скрываетъ лица, бритоголовый Киргизъ щеголяетъ въ парикѣ, Цыганъ франтитъ во фракѣ, Калмычка носитъ чепчики и шляпки, и является въ театрѣ, Черкесъ полькируетъ: однимъ словомъ здѣсь, въ Петербургѣ, всѣ національности сливаются въ одинъ общій, русскій-пстербургскій типъ, и всѣ шероховатости сглаживаются.

Кто будетъ спорить, что мы еще очень мало знаемъ свое собственное отечество и далеко еще неполно изучили его изъ конца въ конецъ. И это вещь не непростительная. Скажутъ: «учитесь, читайте, изучайте наглядно». Но вѣдь этакъ хорошо и легко только совѣтовать, говорить на словахъ. Надо вспомнить то, что изучать наглядно и всецѣло можно только развѣ какое нибудь небольшое государство въ Европѣ, а не тотъ отдѣльный, громадный міръ, который называется Россіей. И это не потому, что Европа старше насъ годами, что наука пустила тамъ корни столѣтіями раньше, чѣмъ у насъ; а потому, что самая громадность нашего отечества исключаетъ всякую возможность окинуть его сразу однимъ взглядомъ, даже если мы орудіемъ этого обзора употребимъ наше умственное око. Вспомнимъ только то, что самыя ми-

ніатюрныя, самыя крошечныя по пространству наши области— это губерніи московская и тульская. Тульская губернія — самая маленькая; но все таки и она, по пространству, обширнѣе Бельгійскаго королевства, на столько, что изъ этого излишка мѣстности можно образовать препорядочное германское герцогство. Легко изучить наглядно Бельгію, Пруссію или какую нибудь другую европейскую державу, но есть ли возможность наглядно изучить такого исполина, какова Россія? Подумайте только о томъ, что еслибъ возможно было провести желѣзную дорогу отъ одного конца Россіи до другаго, то надо на парáхъ летѣть цѣлый мѣсяцъ, чтобъ напримѣръ изъ Калиша пріѣхать въ кр. Тигильскую. Пятьнадцать тысячъ верстъ отъ запада къ востоку! А отъ сѣвера къ югу, если взять напримѣръ хоть отъ Кóлы до Астарú—пять тысячъ четыреста верстъ. Возможно ли же при такихъ разстояніяхъ, при разности въ климатѣ и условіяхъ почвы и при разноплеменности населенія въ семьдесятъ милліоновъ душъ, возможно ли, при такихъ цифрахъ, въ наше время, имѣть мало-мальски стройное описаніе или сборникъ, изъ котораго можно бы довольствоваться удовлетворительными данными? Сдѣлано много, очень много сдѣлано, но много еще впереди предстоитъ работы.

Вѣроятно всѣмъ и каждому извѣстно, что напримѣръ екатеринославская губернія, такъ сказать, разбита на два участка: семь ея уѣздовъ составляютъ одно связное, неразрывное цѣлое, а восьмой уѣздъ, Ростовскій, перекинутъ далеко отъ общей территоріи губерніи и лежитъ въ предѣлахъ пограничной межи Земли Донскаго Войска, составляя отдѣльную единицу и примыкая одною стороной къ донской землѣ, другою — къ таганрогскому градоначальству, которое составляетъ тоже отдѣльную территорію, а третьею стороною соприкасаясь съ землей Азовскаго Войска.

Почти тоже надо будетъ сказать и о землѣ Уральскаго Казачьяго Войска. Область эта, по пространству своему уступающая нѣсколько площади Баварскаго королевства, но въ два съ половиною раза превосходящая площадь королевства Бельгійскаго, тянется по нижнему теченію рѣки Урала и съ одной стороны соприкасается съ предѣлами оренбургской, самарской

и той отдѣльной части астраханской губерніи, которая принадлежитъ Внутренней или Букеевской киргизской Ордѣ, а съ другой стороны прилежитъ къ той огромной русской области, которая носитъ названіе Зауральской-Степи, или Степи Киргизовъ Оренбургскаго Вѣдомства, отдѣляясь отъ нея рѣкою Ураломъ и, частію, Илекомъ. Только самый ничтожный клочекъ земли, въ родѣ республики Сан-Марино, или княжества Монако, или княжества Лихтенштейнъ, уединился отъ общей массы войсковыхъ земель и отдѣльнымъ участкомъ лежитъ въ оренбургской губерніи, именно въ оренбургскомъ уѣздѣ. Да, пожалуй, и еще можно указать почти на такой же крошечный участокъ, который тянется по нижнему теченію рѣки Илека и хотя неразрывно соприкасается къ общей массѣ войсковыхъ дачъ, однакожь, собственно говоря, представляетъ какъ бы вырѣзокъ той обширной области, которая, по пространству, малымъ чѣмъ уступаетъ площади оренбургской губерніи, но которая тоже лежитъ въ сосѣдствѣ этой губерніи и называется Землею Оренбургскаго Казачьяго Войска. Это раздѣленіе можно найдти на хорошихъ, новѣйшихъ картахъ, изданныхъ отъ правительства, а многіе нищущіе люди и то и другое и третье смѣшиваютъ безразлично.

Кажется, нельзя сомнѣваться въ томъ, что слова «хусаръ», «гайдукъ», «уланъ» и «казакъ», по первоначальному своему значенію, тожественны съ русскимъ словомъ «молодецъ», въ томъ смыслѣ, который это слово доселѣ соединяетъ въ себѣ, выражая идею человѣка, привычнаго къ удальству и къ отвагѣ. Въ странахъ Средней-Азіи отборная молодежь и доселѣ еще называется уланами (ула́нъ, угла́нъ или огла́нъ). Гусары и казаки, съ теченіемъ времени, стали обозначать тѣхъ людей, которыхъ молодечество, въ смыслѣ удальства, переходило, вслѣдствіе самовольства и наѣздовъ, извѣстные предѣлы и близко уже граничило съ разбоемъ. Отъ этого казаковать и гусарить значило почти тоже, что въ нынѣшнія просвѣщенныя времена значитъ затрогивать кого нибудь, притѣснять, обижать, насильствовать, разбойничать; слова гусарство, казачество и молодечество были равносильны грабежу. Смыслъ этотъ въ идеѣ «казака» общеизвѣстенъ, а на тоже-

ственность смысла въ словахъ «гусаръ» и «молодецъ» мы имѣемъ очень давнія доказательства, именно:

Въ наказѣ царя Іоанна III (въ 1502 году) великой княгинѣ Рязанской Аграфенѣ есть слѣдующая фраза: «а ослушается «кто и пойдетъ самодурью *на Донъ, въ молодечество*, и ихъ «бы ты, Аграфена, велѣла казнити, вдовьимъ да женскимъ «дѣломъ не отпираясь».

Въ законахъ царя Стефана Душана Сербскаго (§ 144) постановлено: «По всѣхъ земляхъ, и по градовохъ, и по жу«пахъ, и по крапштехъ *хусара* и *тата* да нѣстъ». *

Въ этомъ послѣднемъ случаѣ хусаръ поставленъ наравнѣ съ татемъ, а въ первомъ примѣрѣ молодечество и подвиги донской вольницы явно поставлены въ уровень съ разбоемъ.

Времена прошли. Слова гусаръ и казакъ потеряли это, теперь уже несовременное, значеніе; они употребляются для обозначенія извѣстнаго рода воиновъ, именно легкаго войска; но понятіе объ удальствѣ и молодечествѣ, въ теперешнемъ, разумѣется, значеніи этихъ словъ, составляетъ все такц неотъемлемую принадлежность и гусара и, особенно, казака.

Мѣстности, занимаемыя нашимъ казачествомъ, начиная отъ береговъ Дуная почти вплоть до самаго Амура, причины чисто топографическія, образъ домашнихъ занятій, средства къ благосостоянію, система воспитанія юношества, наконецъ самая цѣль существованія казаковъ, какъ военно-поселеннаго сословія, однимъ словомъ все, что объусловливаетъ внутренній бытъ казаковъ — все это вмѣстѣ сгруппировалось такимъ образомъ, что добрый казакъ, ужь по одному тому, что онъ казакъ, не можетъ не быть молодцомъ и удальцомъ, полнымъ отваги воинской.

Воинственность быта Уральскихъ казаковъ объусловливается прежде всего сосѣдствомъ ихъ съ Киргизами, прежде независимыми, буйными и хищными дикарями, а теперь покорными подданными Царя русскаго. Воинственный духъ ихъ поддерживается еще и доселѣ почти безпрестанными перевѣдками съ ближайшими нашими въ этой сторонѣ сосѣдями, съ

* Оба эти свидѣтельства заимствованы изъ „Чтеній“ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

вѣроломными и дерзкими полудикарями, каковы Хивинцы или Коканцы. Это обстоятельство и родъ службы, который несутъ Уральскіе казаки, въ связи съ бѣдностью почвы войсковыхъ казачьихъ дачъ, заставляетъ ихъ все свое благосостояніе основывать на разведеніи табуновъ и содержаніи обширныхъ стадъ домашняго скота; а эта отрасль домашняго степнаго хозяйства, въ свою очередь, поддерживаетъ въ казакѣ бодрость, бдительность, перенесеніе непогодъ и всевозможные физическіе труды и лишенія.

Но еще болѣе, чѣмъ степное скотоводство, развиваетъ въ этомъ отношеніи казака основная, исконная его промышленность, безъ которой казакъ никогда и нигдѣ не могъ существовать — именно рыболовство. Осѣдлость на большой рыбной рѣкѣ, близость моря, увлеченіе упроченіемъ себѣ выгодъ, доставляемыхъ этимъ сосѣдствомъ, образовываютъ изъ казака не только лихаго степнаго наѣздника, но и безстрашнаго моряка, привычнаго къ невообразимымъ для насъ, жителей болотъ и равнинъ, опасностямъ. *

II.

Для перваго знакомства съ Уральцами, мнѣ довелось быть свидѣтелемъ одной казачьей потѣхи, довольно характерно обрисовывающей тѣ манеры, съ которыми казакъ роднится съ юныхъ лѣтъ. Но для этого надобно предварительно разсказать слѣдующее.

* Статья эта находится въ тѣсной связи съ другою статьею объ Уральцахъ, напечатанною мною въ *шестой книжкѣ* Вѣстника Императорскаго русскаго географическаго общества за 1854 годъ.

Литература этого предмета не обширна. Хотя многія свѣдѣнія и чрезвычайно устарѣли, однакожь для желающихъ во всей обширности ознакомиться съ Уральцами и ихъ промыслами, я считаю долгомъ поименовать слѣдующія сочиненія:

1) Топографія Оренбургская, Петра Рычкова; Спб. 1762 г. 2 части.

2) Историческое и Статистическое Обозрѣніе Уральскихъ Казаковъ, А. И. Левшина. Спб. 1823 г. 2 части.

3) Исторія Пугачовскаго Бунта, А. С. Пушкина; Спб. 1834 г. 2 части.

4) Уральскій Казакъ, статья В. И. Даля въ „Нашихъ".

5) Башкирцы (не Башкирскаго, а Уральскаго войска) } статьи г. Желѣзнова, помѣщен-

6) Аханщики. } ныя въ Москвитянинѣ за 1854 г.

Подъ городомъ Уральскомъ съ весны устроивается, во всю ширину рѣки Урала, «учу́гъ», или, какъ въ другихъ мѣстахъ зовутъ, «колова» или «забо́йка», то есть перегородка, составленная изъ толстыхъ жердей и кольевъ. Цѣль устройства этого учуга́ та, чтобъ рыба, которая зашла изъ моря въ рѣку, не могла проникнуть дальше учуга́, вверхъ по Уралу. Учу́гъ этотъ стои́тъ нѣсколько ниже города Уральска, что́ и составитъ отъ взморья верстъ, примѣрно, пять сотъ съ небольшимъ.

Въ промежуткѣ этомъ, то есть на всемъ пространствѣ между учугомъ и устьями Урала, по войсковымъ обычаямъ, освященнымъ вѣковою давностью и потому имѣющимъ силу закона, ни одинъ казакъ не смѣетъ самовольно ловить снастями рыбу. Рыболовство производится здѣсь всею массою войска, разомъ и въ опредѣленные для того періоды времени; и распорядокъ этою отраслію общественнаго хозяйства, въ малѣйшихъ его подробностяхъ, лежитъ на обязанности Войсковой канцеляріи, которая уравниваетъ такимъ образомъ право пользованія промышленниковъ, назначаетъ мѣсто, время начала и окончанія лова, опредѣляетъ роды снастей и другихъ рыболовныхъ орудій и соображается притомъ со степенью вліянія одной системы рыболовства на другую, такъ какъ способы эти чрезвычайно разнородны. Нѣтъ надобности, я полагаю, говорить, что въ гражданскомъ быту казаковъ, наказный атаманъ представляетъ собою ту власть, которая въ другихъ губерніяхъ принадлежитъ гражданскому губернатору, а Войсковая канцелярія есть учрежденіе, равносильное въ губерніяхъ губернскому правленію.

По рѣкѣ Уралу, отъ Гурьева-городка до города Уральска, въ каждомъ форпостѣ, то есть селеніи (тоже что въ другихъ казачьихъ земляхъ называется станицей), и въ каждой такъ называемой крѣпости, независимо отъ мѣстныхъ начальниковъ, обязанныхъ охранять рѣку Уралъ, какъ отъ лова въ ней рыбы въ неположенное время, такъ и отъ шума около «ятовей», или логовищъ, въ которыхъ она сбирается, избираются еще особые дозорщики, изъ отставныхъ казаковъ, вся обязанность которыхъ состоитъ въ томъ, чтобъ охранять тишину и устранять всѣ случаи, которые могли бы испугать,

«всполо́шить» рыбу. Въ неуреченное время, дозорщики эти никому не дадутъ въ рѣкѣ выкупаться, никому не дозволятъ выкупать тутъ лошадь, или перегнать скотъ, не дадутъ воды зачерпнуть около ятовей, не дадутъ никому быстро и съ грохотомъ прокатиться по пловучему мосту у Гурьева; однимъ словомъ чрезвычайно строго блюдутъ за спокойствіемъ рыбы, отстраняя все, что можетъ произвести въ водѣ шумъ и такимъ образомъ, чрезъ эту среду, дойдти до чуткаго уха рыбы. Извѣстно, что сотрясеніе одного лишь атмосфернаго воздуха не производитъ на слуховые органы рыбы никакого дѣйствія.

Но такъ какъ отъ форпоста до форпоста велико разстояніе и за нѣсколько верстъ трудно усмотрѣть за нарушителями невозмутимой тишины береговъ: и свой братъ-казакъ можетъ рыбкой попользоваться, и сосѣдъ Киргизъ, сбираясь въ дальнюю прогулку, можетъ вплавь пуститься на лошади черезъ рѣку — то въ отвращеніе всѣхъ этихъ, вредныхъ для хозяйства, выходокъ, устроиваются между каждыми двумя селеніями три караульные пункта, «реда́нки» и «третѝнки», или «половины» и «трети». Караульный пунктъ на половинѣ разстоянія между двумя форпостами называется «половинкой»; а караульные пункты на половинѣ разстоянія между половинкой и форпостомъ именуются третями. Эти посты занимаютъ особые дозорщики изъ казаковъ линейной стражи.

По войсковымъ гражданскимъ уставамъ, ловъ рыбы, въ неположенное на то время, считается хищничествомъ; за него наказываютъ очень строго. При этомъ во вниманіе берется не цѣнность воровски пойманной рыбы, а вредъ, причиненный всему войску этимъ хищничествомъ, потому что испуганная, напримѣръ, ловомъ на ятови рыба не уплываетъ совокупно цѣлымъ стадомъ, а разметывается со страху въ разныя стороны, такъ что послѣ ее трудно не только поймать, но и услѣдить до новой ятови. Поэтому-то очень строго наказываютъ и тѣхъ, кто хотя и не ловитъ рыбы, но намѣренно, или и необдуманно, спугиваетъ ее съ ятови.

Итакъ, внизъ по рѣкѣ, начиная съ учуга, никто не долженъ ловить для себя рыбы не въ уреченное время. Однакожь по сю сторону учуга нѣтъ запрета на ту рыбу, которая,

еще до времени весенней постройки преграды, успѣла проскользнуть и пробраться вверхъ по теченію рѣки, далѣе за Уральскъ: здѣсь, въ извѣстное время, всякій воленъ хозяйничать, какъ ему угодно.

Потѣха, о которой я хочу разсказать, составляетъ отдѣльный видъ рыболовства, имѣющій примѣненіе только въ томъ случаѣ, когда войсковое начальство желаетъ оказать особенное вниманіе къ какому нибудь пріѣзжему посѣтителю и доставить ему удовольствіе на скорую руку полюбоваться Уральцами. Посѣтитель можетъ пріѣхать въ Уральскъ въ то время, когда войско рыбачитъ вдалекѣ отсюда, за нѣсколько сотъ верстъ, внизъ по Уралу или въ морѣ, и, не имѣя времени ѣхать на самое мѣсто общественнаго лова, лишенъ возможности составить себѣ хоть какое нибудь понятіе объ Уральцахъ. Эта потѣха устроивается экспромтомъ въ самомъ Уральскѣ: повѣщаются оставшіеся въ городѣ взрослые казаки и ребятишки; избираются человѣка два или три изъ извѣстныхъ своимъ искусствомъ водолазовъ и назначается мѣстомъ потѣхи рѣка Уралъ подъ самымъ учугомъ, но не ниже его, въ запретномъ мѣстѣ, а выше.

Такимъ же вниманіемъ господина уральскаго наказнаго атамана и я имѣлъ честь воспользоваться. Мы цѣлой компаніей помѣстились въ одномъ катерѣ, гребцами на которомъ были красавцы-Уральцы съ чорными окладистыми бородами,— и стали спускаться по рѣкѣ, ближе къ учугу, но такъ тихо, что едва-едва доходилъ до нашего слуха легкій шумъ, производимый греблею: казаки дѣйствовали веслами съ величайшею осторожностью.

Время было сумерками; полная луна едва-едва пробивалась сквозь листву отдаленныхъ деревъ, которыми окаймлялся весь лѣвый, низменный, киргизскій берегъ Урала, съ-изстари носящій у Уральцовъ названіе Бухарской-Стороны. Противоположный, здѣшній, нагорный берегъ, за которымъ тоже съ-издавна осталось названіе Самарской-Стороны, когда еще Уральцы, кромѣ Самары, никуда не ѣзжали — берегъ этотъ возвышался надъ водами Урала крутыми ярами, отъ которыхъ бѣжали чорныя тѣни и густою полосою ложились на рѣку, такъ что съ наступленіемъ полнаго вечера, не смотря на

свѣтъ луны, уже выглянувшей изъ за лѣса, но безпрестанно прятавшейся за тонкіе клубы облаковъ, ложе рѣки погружено было въ совершенный мракъ и по этому самому обманывало зрѣніе чрезвычайною отдаленностью и того и другаго берега: здѣсь яры́, а тамъ лѣсъ чорною стѣною нависли надъ водою и только вершины ихъ, особенно яро́въ, серебрились сіяніемъ мѣсяца.

Чѣмъ ниже мы спускались, тѣмъ яры́ становились и выше и круче; высота ихъ простиралась отъ пятьнадцати до двадцати аршинъ. Гребцы перестали грести; катеръ подавался впередъ, повинуясь лишь рулю да естественному теченію рѣки; разговоры между нами прекратились; воцарилась повсюду глубокая тишина. Вдали передъ нами рѣзко отдѣлилась чорная полоска, перебѣгавшая черезъ всю рѣку и, казалось, заграждавшая ей ходъ: это и былъ учугъ, до котораго намъ оставалось уже недалеко. Вниманіе наше устремлено было на горящій костеръ; повидимому онъ догонялъ насъ; костеръ этотъ былъ разложенъ на носу бударки, скользившей по рѣкѣ ближе къ лѣвому берегу.

— Это что за огонь плыветъ? спросили мы одного изъ нашихъ собесѣдниковъ.

— Это нарочно его развели на бударкѣ, чтобъ разбудить рыбу; теперь ночь и она спитъ.

— Что жь изъ этого будетъ?

— Рыба отъ сильнаго свѣта проснется и, обманутая имъ, поплыветъ туда же, куда направляется и костеръ. Костеръ идетъ къ учугу — и рыба туда же поплыветъ; но сквозь учугъ нельзя пробраться: между жердями тѣсно, рыбѣ тутъ не пролѣзть — она и будетъ толпами собираться у самого учуга: тутъ мы ее ловить и станемъ.

— Но бударка плыветъ у одного берега и огонь ея не захватываетъ даже середины рѣки: стало быть не вся рыба проснется?

— А вотъ съ другаго берега сдѣлаютъ «всполо̀хъ»: какъ бы крѣпко ни спала рыба — теперь непремѣнно пробудится. Посмотрите сюда....

Въ вечерней тиши раздался свистокъ и, въ тоже мгновеніе, съ нагорнаго берега посыпалось въ воду что-то очень тяже-

лос и послышались всплески. Воздухъ огласился буйливыми, но тонкими, голосами мальчишекъ — и человѣкъ больше ста ребятишекъ кубаремъ и съ разбѣга стали кидаться въ рѣку, внизъ головой. За десятками, колесомъ прыгающихъ въ воду, ребятишекъ, группами занимавшихъ вершинки яровъ, слѣдовали другіе десятки: и это безпрерывное прыганье удальцовъ совершалось съ такою быстротою, такъ безостановочно, что у насъ въ глазахъ зарябило и духъ захватило отъ страху за шалуновъ, которымъ рѣшительно ни почемъ сходили ихъ не совсѣмъ безопасные скачки. Погрузившись въ воду и вынырнувъ изъ глуби, мальчишки подплывали къ ярамъ и, какъ кошки, цѣплялись по крутымъ ихъ обрывамъ; хватались за спущенные имъ канаты, посредствомъ которыхъ вытаскивали ихъ на ровный берегъ, на высоту, и оттуда снова бросались они, одинъ за другимъ въ рѣку. Ребятишекъ здѣсь было собрано такое множество, скачки ихъ въ рѣку были такъ часты и безпрерывны, что я не умѣю иначе сравнить этого ни съ чѣмъ, какъ съ игрой шарами, колесомъ перекидываемыхъ въ рукахъ жонглёра.

— А знаете ли, что у насъ выдаются такіе удальцы, что, для всполоха рыбы, кидаются въ рѣку съ пяти и шести саженной вышины—верхомъ на конѣ? спросилъ меня одинъ Уралецъ.

— Вещь не невозможная; но я полагаю, что такихъ продѣлокъ можно ожидать уже отъ взрослыхъ казаковъ и то не во всякое время: такіе прыжки возможны развѣ тогда, когда человѣкъ сильно подгулятъ и когда онъ прійдетъ въ то состояніе, что ему и море поколѣно.

— Напрасно вы такъ думаете! Въ томъ-то и удаль, что этакимъ манеромъ казакъ тѣшится не спьяна и не сдуру, а въ трезвомъ состояніи, въ полномъ разсудкѣ, изъ одного удовольствія помолодечествовать. Онъ шутитъ этимъ.

— Опасная шутка: пожалуй еще расшибется...

— Нисколько не опасная: и расшибиться нельзя, только бы мѣсто было глубокое.

Между тѣмъ мы приблизились къ луговому берегу, но не успѣли доѣхать до него сажень двухъ-трехъ, какъ къ намъ,

по-поясъ въ водѣ, подошли два бравыхъ казака безъ шапокъ.

— Вотъ, атаманы-молодцы, надо бы намъ угостить пріѣзжихъ гостей: изловить бы для нихъ рыбки, — сказалъ, обращаясь къ нимъ одинъ изъ сидѣвшихъ въ катерѣ.

— Слушаемъ, ваше превосходительство; изловимъ! А какой прикажете?

— Ужь коли угощать — такъ угощать: поймайте осетрика.

— Яловаго, или какой попадется?

— Изловить, такъ конечно икрянаго.

— Слушаемъ, ваше превосходительство, слушаемъ: икрянаго — такъ икрянаго!.... Благословите-съ!

— Сый благословенъ Богъ нашъ, во имя Отца и Сына и Святаго Духа....

— Аминь! заключили казаки и, съ этимъ словомъ, оба юркнули въ воду.

Орудіемъ для лова, при этой потѣхѣ, водолазы употребляютъ одну «абра́шку» — большой, въ четверть аршина, острый крючокъ, съ жабёркой на внутренней сторонѣ тонкаго его конца. Длинный конецъ абрашки свободно повертывается на желѣзномъ кольцѣ, къ которому привязывается «темлякъ», то есть широкое тесемочное запястье, надѣваемое на кисть правой руки; самая же абрашка, когда нужно, крѣпко сжимается пальцами.

Увѣренность, съ которою водолазы выслушали приказаніе изловить абрашкой именно осетра, а не какую-нибудь другую рыбу, и притомъ непремѣнно икрянаго осетра, объясняется необыкновенною практичностью казаковъ въ этомъ дѣлѣ. И сами водолазы, люди уже пожилые, и ихъ отцы, и ихъ дѣды, и прадѣды ихъ, и пропрадѣды, — весь свой вѣкъ тѣмъ только и занимались, что ловили рыбу. Собственная приглядка къ дѣлу и опытность, и преданія, дошедшія до ловца изъ отдаленной старины, до такой степени изощрили его познанія, что казакъ, даже сидя подъ водою, по одной ощупи шмыгающихъ около него рыбъ, можетъ мгновенно сообразить: какая именно рыба попалась ему подъ руку? Если она именно такова, какая ему нужна, онъ, не теряя времени, всажи-

вастъ сѝ въ «тёшку», то есть въ брюхо, абрашку и вытаскиваетъ изъ воды вонъ.

Зачастýю, сплошь-и-къ-ряду, случается, напримѣръ, при ба́гренномъ рыболовствѣ, казакамъ продавать рыбу не по точному вѣсу, а на глазъ. Гдѣ тутъ съ вѣсами возиться? И вѣсовъ нѣтъ близко подъ рукой, да и дорога́ каждая минута при торгѣ, когда и самый уловъ рыбы еще горячо продолжается и надо дѣло покончить съ покупателемъ.

Часто, напримѣръ, случается, что какой-нибудь казакъ вдругъ нежданно вы́багритъ здоровенную пятипудовую бѣлугу. — Онъ на ней основываетъ всѣ свои надежды, потому что одна этакая рыба можетъ доставить ему хорошій кусокъ хлѣба. Товарищъ, казакъ-торговецъ сейчасъ же начинаетъ съ нимъ торговаться и даетъ ему за рыбу, положимъ, пятьдесять рублей ассигнаціями, увѣренный, что въ рыбѣ именно пять пудовъ вѣсу.

— Что́-ты, что̀-ты? Гляди-ко на рыбу! возражаетъ счастливецъ: — али не видишь, что товару на семьдесять пять рублей, на вѣрное?

Купецъ, съ своей стороны, возражаетъ на это и высчитываетъ ему все, что можетъ-быть оцѣнено на деньги:

— Эхъ хватилъ! семьдесять пять! аль самъ не видишь? Вотъ и считай. Икры пятьнадцать фунтовъ — это выходитъ двадцать два съ полтиной, да клею четвёртка — это два съ полтиной, да четыре пуда тѣла... ну, какіе же тутъ семьдесять пять рублей?

— И не пятьдесять же!

Спорющіеся начинаютъ торговаться, урывками, дорожа временемъ; иногда бьются объ закладъ: кто вѣрнѣе высчиталъ цѣнность рыбы? въ ихъ споръ принимаютъ участіе другіе, опытные люди, которые, въ свою очередь, то же держатъ между собою пари́ и дѣло, разумѣется, идетъ на рискъ, въ которомъ либо та, либо другая сторона можетъ нечаянно ошибиться.

Бѣлуга, которая на видъ кажетъ, что въ ней всего пудовъ пять вѣсу, дѣйствительно, можетъ содержать въ себѣ четыре пуда тѣла и пятьнадцать фунтовъ икры, съ четвертью фунта клея — такимъ-образомъ она, на мѣстѣ лова, сто̀итъ шесть-

десять пять рублей ассигнаціями; а такъ какъ купцу надо на нее выручить пятьнадцать процентовъ, то онъ, разумѣется, и не можетъ дать за нее, круглымъ счетомъ, дороже пятидесяти пяти рублей ассигнаціями.

Но даже и при очень зоркомъ взглядѣ, здѣсь можетъ произойдти ошибка. Признано и дознано, что если рыба жирна, то она и не такъ икряна; изъ тощей рыбы выходитъ болѣе икры; но тощая рыба и вѣситъ легче, а яловая жирная рыба, будучи тяжела, можетъ обмануть глазъ очень опытнаго человѣка. Такимъ-образомъ, если въ приведенномъ примѣрѣ, въ пятипудовой, по виду, бѣлугѣ окажется полпуда икры и четыре съ половиной пуда тѣла — то она будетъ стоить ужс не шестьдесять пять руб., а семьдесять семь руб. пятьдесятъ копѣекъ ассигнаціями. Кто грубѣе обманывается, тотъ больше терпитъ и убытку: быть можетъ, что въ бѣлугѣ, за которую казакъ взялъ предложенные пятьдесять рублей, неожиданно окажется тридцать фунтовъ икры и пять съ половиной пудовъ тѣла — тутъ ужь онъ въ большомъ убыткѣ, потому-что такая рыба стоитъ уже сто два съ полтиной, на ассигнаціи. Но, по привычности къ дѣлу, Уральцы рѣдко ошибаются. При такой опытности, отличить въ водѣ, по осязанію, породу рыбы — вещь еще менѣе затруднительная.

Юркнувъ въ воду, водолазы наши вынырнули у самаго учуга и, одинъ за другимъ, начали опускаться за поисками, проводя подъ водою отъ шестидесяти до ста секундъ, съ заткнутыми хлопчатою бумагой ушами. Пока одинъ отдыхаетъ, другой вышариваетъ правою рукой, на которой виситъ абрашка, рыбу; а лѣвою рукою придерживается за жерди учуга, такъ какъ, безъ этой предосторожности, его сшибло бы съ ногъ сильнымъ теченіемъ рѣки.

Безъ сомнѣнія, заказанной рыбы нельзя отыскать въ ту же минуту. Иногда она, быть можетъ, и скоро подвернется подъ руку, но тутъ же и ускользнетъ въ сторону, разсердивши водолаза до нельзя. Неудача тутъ весьма возможна. Мнѣ два раза случалось видать этотъ способъ ловли и, въ оба раза, водолазы больше часу времени теряли на поиски, передуясь одинъ другимъ. Но когда, наконецъ, казакъ удачно подцѣпитъ отыскиваемую имъ рыбу и вонзитъ ей въ тёшку аб-

рашку, то, разумѣется, сейчасъ же высовываетъ голову изъ воды, отряхивается отъ мокроты и волочитъ рыбу на берегъ.

Но случается, что волочитъ не казакъ рыбу, а рыба казака. Такой случай нерѣдко доводится видать. Изловитъ, напримѣръ, казакъ абрашкой бѣлугу, или матёраго осетра: рыба себѣ на умъ — понимаетъ, что ей карачунъ зададутъ, да и боль отъ абрашки тоже ее мучаетъ. Вотъ она и начинаетъ плёскомъ, хвостомъ, колотить казака по плечевой кости. Казакъ видитъ, что дѣло плохо, не хочетъ быть съ переломанной рукой, готовъ и отъ добычи отказаться, готовъ вывернуть кисть изъ подъ темляка и, выпустивъ изъ рукъ абрашку, распроститься съ рыбкой — да этого нельзя сдѣлать: «громада», «войско», народъ осмѣетъ, а народу зрителями собираются тысячи. Онъ поневолѣ и начинаетъ барахтаться и бороться съ осетромъ или бѣлугой, и борется до тѣхъ поръ, пока не перехитритъ ее и не осилитъ.

Но случается, что все таки осиливаетъ не казакъ рыбу, а рыба казака. Сильная рыба, исколотивъ водолаза плёскомъ, не давъ ему времени выпустить абрашку, рвется у него изъ рукъ и, пронзенная острымъ крючкомъ, стремительно кидается въ сторону, убѣгаетъ вверхъ по теченію и увлекаетъ за собою казака. Казакъ, при этомъ порывѣ, едва успѣваетъ опомниться: если онъ чувствуетъ въ себѣ довольно силъ, то начинаетъ сражаться съ рыбой, расчитывая, что рана ея, все болѣе и болѣе увеличиваясь отъ оттягиванія абрашки, истомитъ же таки ее наконецъ. Въ то время, когда правая рука казака занята противудѣйствіемъ стремленію рыбы, а лѣвая пособляетъ ему удерживать на водѣ равновѣсіе, онъ однакожь улучаетъ минуту и ухитряется то нанести ей изподтишка ударъ въ «башку» лѣвымъ кулакомъ, то, если можно, стиснуть ее обѣими руками и понажать хорошенько такъ, чтобъ она выкинула всю дурь изъ головы и безропотно ему покорилась.

Въ этой, занимательной для зрителей, борьбѣ человѣка съ рыбой, хорошій ловецъ долженъ непремѣнно сохранить все присутствіе духа и соблюсти всѣ условленныя ловецкимъ приличіемъ манеры, чтобъ и рыбѣ-то не поддаться, да и посмѣшища изъ себя не сдѣлать. При болѣе или менѣе удачныхъ

пріемахъ, въ этихъ опасныхъ случаяхъ, или казака сопровождаетъ ропотъ одобренія и ободрительная поддержка дружескихъ криковъ, или насмѣшки на него сыплются со всѣхъ сторонъ градомъ и ядовитый смѣхъ тысячи знакомыхъ голосовъ выпариваетъ изъ него послѣдніе остатки бодрости.

При одномъ изъ случаевъ рыболовства водолазами, я былъ свидѣтелемъ такого удальства уральской молодежи, которое очень близко достигаетъ крайнихъ предѣловъ неблагоразумія.

Учугъ, какъ извѣстно уже, состоящій изъ кольевъ и жердей не матсматически равной величины, поверхностію своихъ головокъ описываетъ чрезвычайно изломанную линію, возвышающуюся надъ уровнемъ воды аршина на полтора. Для скрѣпы этихъ кольевъ и жердей, къ нимъ, пониже вершинокъ, приколачиваются, горизонтально, плашки, доски или тонкія брёвна, служащія для нихъ устоемъ. Устой этотъ, тянущійся такимъ-образомъ, какъ и учугъ, во всю ширину рѣки, представляетъ собою чрезвычайно узенькую площадь. Казачья молодежь, для потѣхи самой себя и для доставленія удовольствія зрителямъ, ни сколько не считаетъ опаснымъ прогуливаться по этому устою. Въ ночномъ сумракѣ, силуэты нѣсколькихъ удальцовъ, рисовались на освѣщенной луннымъ сіяніемъ дали разными фигурами и только блескъ и сверканіе кованныхъ эполетъ свидѣтельствовали, что это не фантастическія созданія воображенія, а живые люди, молоденькіе урядники и офицеры, которые такъ, отъ нечего дѣлать, прогуливаются по дощечкамъ надъ водою и, для поддержанія равновѣсія, то присѣдаютъ безпрестанно на корточки, то ухватываются за вершинки жердей. Прошлись, прогулялись немножко, вернулись — и опасности слетѣть въ воду какъ не бывало!

III.

Еще есть одна, такъ сказать официальная, потѣха уральскихъ ребятишекъ. Это именно игра «въ городки». Въ городки играютъ въ продолженіе цѣлой зимы, но главное побоище бываетъ на масляницѣ, въ самомъ городѣ Уральскѣ, въ который гурьбой съѣзжаются всѣ мальчишки изъ окрестныхъ станицъ.

Устроивается эта игра такимъ-образомъ.

Въ двухъ-трехъ мѣстахъ главной, народной площади города Уральска строются городки: городокъ—родъ ледяной крѣпостцы, зданіе въ нѣсколько ярусовъ. Кабаны, служащія стѣнами и перекладинами нижняго яруса, бываютъ огромнѣе, и выше и толще. На вершинѣ перваго яруса строится второй рядъ, изъ меньшихъ по объему кабановъ; надъ нимъ возводятъ третій, четвертый и такъ далѣе, такъ что весь городокъ представляетъ родъ пирамиды, все болѣе и болѣе къ верху съуживающейся. Верхній ярусъ состоитъ только изъ одного кабана и на вершинѣ его водружается родъ знамени, или флюгера, изъ разноцвѣтной матеріи. Флюгеръ этотъ въ игрѣ такъ и называется—знаменемъ. Иногда просто выстраиваютъ бревенчатую крѣпостцу изъ тонкаго лѣса и на морозѣ поливаютъ водой, пока все зданіе совершенно не обледенѣетъ; прежде такіе ледяные домы ставились почти что на каждомъ перекресткѣ для потѣхи.

Когда городокъ выстроится, то назначается день штурма, оповѣщается непріятельское войско, то есть мальчишки, между рядами которыхъ никогда небываетъ молодыхъ людей старше четырнадцати лѣтъ, а обыкновенно лѣтъ десяти или двѣнадцати, и наконецъ командируется гарнизонъ. Гарнизонъ всегда состоитъ изъ взрослыхъ и уже пожилыхъ казаковъ.

Гарнизонъ соблюдаетъ строгую войсковую форму и бываетъ одѣтъ въ мундиры. Но вмѣсто пушекъ, для отраженія непріятеля, гарнизонъ, въ этой ребячьей потѣхѣ, употребляетъ орудія совершенно другаго рода. Какъ хорошій штуцеръ состоитъ изъ трехъ главныхъ частей — ложа, замка и ствола, такъ точно и орудіе этого импровизованнаго гарнизона состоитъ то же изъ трехъ частей—длинной жерди, мочальной веревки, и стараго лаптя: къ тонкому концу жерди, на длинной мочальной веревкѣ, привязывается старый лапоть. Но штуцеръ, въ дѣлѣ, безъ пули не имѣетъ значенія: и въ этой игрѣ тоже употребляются, но очень втихомолку, своего рода пули, строго-на-строго запрещенныя начальствомъ; но такъ какъ гарнизону отъ непріятеля частенько достается на порядкахъ, то чтобъ умѣрить горячность и запальчивость непріятельскихъ натисковъ, гарнизонъ, тайкомъ, употребляетъ, вмѣсто пуль, обломки негоднаго кирпича. Кирпичикъ обвертывается въ тряп-

ку и вкладывается въ носокъ лаптя, который послѣ этого замораживается. Орудіе, какъ видится, не хитрое, но недурно приспособленное къ отраженію враговъ.

Къ назначенному, для игры въ городки, часу вся площадь покрывается толпами народа разныхъ половъ и возрастовъ и разныхъ степеней общественнаго положенія. Полиція, которая въ казачьихъ областяхъ, вся состоитъ изъ чиновъ войсковаго сословія (точно также, какъ въ горныхъ областяхъ всѣ должности полицейскія замѣщаются чинами горнаго вѣдомства) — полиція блюдетъ порядокъ и предупреждаетъ, всѣми зависящими отъ нея средствами, возможныя нарушенія общепринятыхъ пріемовъ игры.

Когда пріѣдетъ войсковой наказный атаманъ или, вмѣсто него, кто-нибудь изъ членовъ войсковаго правленія, то, по данному знаку, непріятель начинаетъ сбираться на площадь и строится колоннами, въ томъ концѣ площади, который противоположенъ выстроенному городку.

Гарнизонъ всегда бываетъ пѣшій, непріятель же всегда на конѣ. Войсковыми обычаями издавна уже разрѣшено непріятелю рядиться во что ему угодно и потому, въ этой сборной конницѣ, прежде всего бросается въ глаза пестрота нарядовъ. Непріятель растягиваетъ свою колонну во всю ширину площади и на разномастныхъ коняхъ красуется разноцвѣтными костюмами. Съ одного фланга рѣзко отдѣляется отъ прочихъ мальчикъ, нарядившійся Туркомъ, въ огромной бѣлой простынѣ, навитой на голову вмѣсто чалмы и съ вѣникомъ или мётёлкой вмѣсто султана; съ другаго фланга вниманіе зрителя обращаетъ на себя другой мальчикъ, который выконючилъ у матери пеструю юбку, навязалъ ее на себя поверхъ казачьей куртки, на голову, вмѣсто шлема, надѣлъ бумажный калпакъ, снятый съ сахарной головы, а для приданія себѣ большей важности подвязалъ преогромные пеньковые усы и бѣлую бороду, скомканную изъ бумажныхъ обрѣзковъ. Рядятся—кто какъ умѣетъ и кто во что можетъ. Если нечего надѣть покрасивѣе — мальчишка выворотитъ, овчиной вверхъ, шубу, да надѣнетъ; не то сестра или тетка подвяжутъ ему шею большимъ краснымъ платкомъ и запустятъ за него гигантскіе полисоны; не то укроютъ его, вмѣсто епанчи, пестрымъ сит-

цевымъ одѣяломъ; однимъ словомъ уберутъ и прикрасятъ роденьку такъ, какъ дозволятъ достатки и подскажутъ вкусъ, фантазія, а подъ часъ и врожденная иронія. За то тѣ, у кого есть какія-нибудь мало-мальски доступныя средствишки, тѣ рядятся очень затѣйливо: подвязываютъ себѣ накладной животъ или горбъ, надѣваютъ красный кафтанъ, изъ золоченной бумаги свертываютъ себѣ подобіе эполетъ и аксельбантовъ, кускомъ синей или алой матеріи перевязываютъ себѣ грудь черезъ плечо, напяливаютъ на голову отжившую свой вѣкъ треугольную шляпу, обшиваютъ панталоны золотыми лампасами, и разными прицѣпками и висюльками стараются перещеголять одинъ другаго. Вся конница вооружена чѣмъ ни попало, тутъ и жерди, и короткіе шесты, и тупыя сабли, даже деревянные мечи; за поясомъ непремѣнно заткнутъ заряженный холостымъ зарядомъ пистолетъ.

Когда конница выстроится и совершенно изготовится къ бою, дается сигналъ — и грозный непріятель, съ страшнымъ гиканьемъ, въ маршъ-маршъ, бросается на крѣпостцу. Дѣтскій крикъ, шумъ, гамъ, выстрѣлы и конскій топотъ оглашаютъ всю площадь — и вотъ натискъ уже сдѣланъ. Но храбрый гарнизонъ, размахивая во всѣ стороны старыми лаптями, отстрѣливается ими, то награждая крикуновъ болѣе или менѣе меткими ударами, то спугивая лошадей, которыя мечутся въ сторону и обращаются вспять. Но тѣмъ то и важны эти игры для казачьихъ дѣтей, что они тутъ, съ малыхъ лѣтъ, пріучаются и владѣть собой и вѣрною рукою управлять конемъ. Чуть только конь думаетъ сдѣлать опасный прыжокъ, чуть только мальчишка потеряется, или подвергнется опасности получить не легкій ушибъ—это ничего, это казаку здорово — а болѣе серьозный толчокъ или ударъ, какъ старый казакъ, изъ числа досужихъ зрителей, уже является ему на помощь и избавляетъ его отъ всѣхъ страховъ и неловкихъ положеній. Безъ ушибовъ, безъ сомнѣнія, все таки дѣло не обойдется, но эти ушибы принадлежатъ къ тѣмъ, какимъ ребенокъ ежедневно подвергается въ обыкновенныхъ своихъ забавахъ съ товарищами, при играхъ въ лапту, въ пятнашки, въ чехарду и тому подобныя. Быть можетъ, что ему и хорошаго ту-

мака́ * зададутъ, быть можетъ, что ему и синяка́ подставятъ, но видѣть въ этой печальной необходимости что нибудь ужасное, вѣроятно никто не станетъ. Хорошая сторона этого та, что казакъ съ малолѣтства укрѣпляетъ свое здоровье, перестаетъ быть нѣженкой, пріучается ко всѣмъ невзгодамъ и дѣлается бодрымъ, сильнымъ, ловкимъ и крѣпкимъ воиномъ, котораго ни легкій обвалъ стѣны, ни тяжелая рана, ни морозъ, ни непогода не отвлекутъ отъ исполненія прямыхъ его по службѣ обязанностей.

Цѣль игры въ городки та, чтобъ именно пріучить ребятъ къ ловкости, къ отважности и къ славѣ. Послѣдняя цѣль достигается общими ободреніями тому, кто, сразившись съ гарнизономъ, вытерпитъ отъ него всѣ толчки, пробьется съ конемъ до самой крѣпостцы, взберется на льдистыя ея стѣны и торжественно овладѣетъ водруженнымъ на вершинѣ городка знаменемъ. Кромѣ одной чести, которою окружаютъ молодца всѣ его товарищи, кромѣ кликовъ одобренія, которыми сопровождаетъ его вся толпа народу, ребенка завлекаетъ еще и премія, назначаемая наградою побѣдителю. Премій этихъ бываетъ двѣ или три: самая главная за знамя, двѣ послѣднія за снятіе второстепенныхъ флюгеровъ, разставляемыхъ по угламъ втораго яруса крѣпостцы.

IV.

Когда «малолѣтокъ» выйдетъ изъ отрочества, подростетъ и достигнетъ лѣтъ шестьнадцати, тогда онъ частенько уже начинаетъ появляться въ дамское общество, именно въ кругъ дѣвушекъ, которыя гурьбами сбираются въ зимніе вечера, особенно въ праздники, другъ къ дружкѣ и, освобожденныя отъ надзора отцовъ, занятыхъ промыслами то на степи, то на рѣкѣ, и матерей, хлопочущихъ около хозяйства, — без-

* Слово „тумакъ“ имѣетъ, какъ извѣстно, нѣсколько значеній у Уральцовъ — во 1-хъ, какъ напримѣръ въ приведенной фразѣ, оно означаетъ ударъ кулакомъ въ спину или въ голову; во 2-хъ, тумакъ есть синонимъ малахàя—малахай извѣстнаго покроя киргизская мѣховая шапка съ ушами и назатыльникомъ; въ 3-хъ, тумакъ означаетъ у охотниковъ помѣсь бѣлаго зайца съ русакомъ и въ 4-хъ, помѣсь волка съ собакой.

заботно и на распашку, хотя и очень скромно, коротаютъ долгіе вечера на «посидѣнкахъ», или на «вечо̀ркахъ».

Обыкновенно, вечорки эти бываютъ у засватанной уже дѣвицы. У нея сходятся пріятельницы толпой, какъ казаки говорятъ — *штукъ* съ десятокъ, или и съ дюжину; одна изъ нихъ избирается невѣстою въ главныя подруги и уполномочивается распоряжаться всѣмъ хозяйствомъ, совершенно по своему благоусмотрѣнію; она надзираетъ за дѣвушками, назначаетъ игры, хлопочетъ объ угощеніи, запрещаетъ или разрѣшаетъ входъ постороннимъ кавалерамъ, однимъ словомъ вполнѣ разъигрываетъ роль хозяйки. Въ старину на вечоркахъ гостей ничѣмъ не угощали; нынче подаютъ чай, орѣхи и какія случится сласти: все это называется дошедшимъ до дальней глуши словомъ: «дессертъ». Главное угощенье составляютъ арбузныя сѣмячки, которыя всѣ лущатъ съ большимъ наслажденіемъ.

Сколько соберется у невѣсты подругъ, столько же столпится подъ окномъ и молодыхъ казаковъ: выпросивъ учтивымъ образомъ позволеніе посѣтить бесѣду, молодые люди получаютъ приглашеніе войдти въ избу и принять участіе въ играхъ.

Надобно знать, что Уральцы не говорятъ, какъ мы говоримъ, что напримѣръ «кавалеры обязаны занимать своихъ дамъ»; у нихъ выражаются проще: «робятамъ или холостя́гамъ надо заняться съ дѣ̀вушками». Какъ же это ребята занимаются съ дѣвушками? а очень просто—поклонятся, поговорятъ объ здоровьѣ, распросятъ объ тятенькѣ и объ маменькѣ, скажутъ какую нибудь крупную остроту или ловкій комплиментъ и сейчасъ же засядутъ «заниматься»: берутъ старую замусленную и замасленную колоду картъ и цѣлой компаніей начинаютъ играть либо «въ оста́вши», либо просто «въ дураки».

Послѣдняя игра общеизвѣстна; игра «въ оставши» тоже не хитра и проще не менѣе извѣстныхъ всѣмъ «мельниковъ». «Холостя́га» беретъ въ руки колоду и, поднося ее поочередно, то къ той, то къ другой собесѣдницѣ, предлагаетъ имъ выдернуть изъ середины какую нибудь карту. Какъ только кому нибудь выпадетъ дама — такъ колода бросается.

— Вы оставши! поздравляетъ казакъ счастливицу: — вы

королёвша! впрочемъ кому жь и быть королевшей, какъ не вамъ, Ульяна Назаровна-съ... такой хорошенькой?

— Цѣмъ зе халёсая? спрашиваетъ Ульяна Назаровна, ёжа жеманно губки, прикрывая лицо рукавчикомъ шубейки и непремѣнно, по модѣ, по обычаю, по долгу пришепетывая.

— Вы такая красавица-съ, особенно какъ вырядитесь въ этотъ сарафанъ, да въ эту-съ шубейку!

— Саляфанъ—какъ саляфанъ! сюбейка какъ сюбейка! отвѣчаетъ, немножко покраснѣвъ, Уралка и расправитъ пошире складки матерчатаго сарафана, охорашиваясь и половчѣе усаживаясь, а все таки безъ перемежки луща семячки.

— Ну, да ужь чего тутъ! Королевша — какъ быть надо королевшѣ.

— Усь пелестаньте... усь поля́ и иглю́ иглять!

— Пора такъ пора́!... Ну-съ, госпожа королевша: чѣмъ вы мнѣ быть прикажете?

— Вы много болтать любите—ступайте въ отсельники!

Идетъ холостяга вонъ изъ комнаты, становится за дверью и черезъ нѣсколько минутъ начинаетъ въ нее стучать.

— Кто присёль? спрашиваетъ королевша тоненькимъ голоскомъ.

— Отшельникъ! отвѣчаетъ казакъ, какъ можно баснстѣе.

— *За комъ?* (Уралка никогда не скажетъ: за кѣмъ?)

— За отшельницей.

— За какой за отсельницей?

— За Дуняшинькой.

Дуняшинька выходитъ за дверь, обмѣнивается поцѣлуемъ съ холостягой и, черезъ это сама дѣлаясь отшельницей, остается за дверью, а его выпускаетъ изъ сѣнцовъ въ комнату. Дуняшинька вызываетъ въ свою очередь Петрушу, Петруша Дашу, Даша—Стахѣя Иваныча, Стахѣй Иванычъ Аглаиду Митрофановну—и такъ этотъ круговой обмѣнъ поцѣлуевъ длится до тѣхъ поръ, пока всѣмъ одна и та же игра не прискучитъ.

Надоѣстъ одна игра, молодежь выдумаетъ новую: въ «угощеніе съ дессертомъ», въ «мостъ мостить», или въ «гвозди ковать», или «быть зеркаломъ», или «разносить цвѣты», и отму подобное. Эта игра совершенно другая: тутъ ужъ за дверь никто не выходитъ, а просто, при цѣлой компаніи, кла-

дутъ цвѣты въ корзину поцѣлуями, подчуютъ, будто чаемъ, поцѣлуями, мостятъ мостъ поцѣлуями; однимъ словомъ, всевозможными манерами разнообразятъ игру, лѣтъ двадцать пять изчезнувшую изъ Петербурга, гдѣ она прежде была очень обыкновенна, особенно на святкахъ, и гдѣ она потомъ смѣнилась безпоцѣлуйными фантами.

Есть и еще игра — въ сосѣди. Она состоитъ въ томъ, что каждый холостяга выбираетъ себѣ одну изъ дѣвицъ и такимъ образомъ всѣ разсаживаются на лавкахъ, парами. Оставшійся безъ дамы участникъ, или и участница, оставшаяся безъ кавалера, обходитъ всю комнату, останавливается у каждой пары и спрашиваетъ — дѣвушка дѣвушку, а парень парня — пріятенъ ли имъ сосѣдъ, или сосѣдка? Если дѣвица отвѣчаетъ, что ей сосѣдъ ея непріятенъ, то тотъ, кто обходитъ, покупаетъ непріятнаго сосѣда себѣ поцалуемъ и садится рядомъ съ нимъ; а та которая была имъ недовольна, или смотря по уговору игры, самъ непріятный сосѣдъ, оставляетъ мѣсто и смѣняетъ ту дѣвушку, которая обходила играющихъ. Если же сосѣдъ пріятенъ, то его съ сосѣдкой и не разрознываютъ.

На этакихъ вечеринкахъ очень часто случается, что кто нибудь изъ играющихъ, одна пара, или двѣ, или и больше, безпрестанно на всѣ вопросы отвѣчаютъ, что они, какъ сосѣди, другъ-другу пріятны. Такихъ сосѣдей перестаютъ уже безпокоить, и сами они, не слѣдя уже за ходомъ игры, предаются тихимъ и сладкимъ разговорамъ, которыхъ никто не станетъ ни подслушивать, ни выдавать. Чтобъ еще больше обезопасить себя отъ посторонняго вмѣшательства, пріятные другъ-другу сосѣди накрываются, оба вмѣстѣ, однимъ и тѣмъ же большимъ платкомъ и бесѣдуютъ между собою; подъ платкомъ лица обоихъ ихъ совершенно не видны, и каждый изъ играющихъ, болѣе или менѣе занятый своимъ сосѣдомъ, старается чужихъ секретовъ не проникать, чтобъ и его секретовъ никто не вѣдалъ.

Дѣвушка и парень, въ началѣ осени бывшіе совершенно чуждыми другъ-другу, къ зимѣ изъ подъ платка выходятъ уже совершенно влюбленными одинъ въ другаго, женихомъ и

невѣстой, которые успѣли уже обо всемъ между собой наговориться и порѣшить какъ слѣдуетъ дѣло — только и остается, что свадьбу свѣнчать, разумѣется, все таки заславъ предварительно сватовъ.

Просватанная дѣвушка сидитъ въ невѣстахъ съ мѣсяцъ, а иногда и болѣе. У ней каждый вечеръ собираются подруги, опять устроиваются «посидѣнки», на этихъ посидѣнкахъ устроиваются игры, а на играхъ устроивается будущность новыхъ паръ влюбленныхъ.

Вотъ наконецъ и свадьба. Свадьба играется у Уральцовъ точно также, какъ она играется и всюду въ православномъ мірѣ, особенно во всемъ придерживающемся старины, съ нѣкоторыми только особенностями въ частностяхъ.

Когда поѣдутъ брать невѣсту, то женихъ, по обряду, помолится Богу, и благословится у отца, у матери; потомъ запрягаетъ тагарку, то есть одноконную повозку, для себя и для свахи и, въ сопровожденіи полудюжины добрыхъ товарищей, тоже холостыхъ ребятъ, выѣзжаетъ изъ родительскаго дому. Товарищи идутъ впереди повозки пѣшкомъ, всѣ въ одинъ рядъ, и всю дорогу поютъ пѣсни. Подъѣзжаютъ къ невѣстину дому — но у нея, про этотъ случай, ворота давно заперты запоромъ. Молодцы съ разбѣга бросаются на нихъ, ломятся, напираютъ на обѣ половинки, раскачиваютъ ихъ, въ надеждѣ сломать воротній запоръ; кто нибудь старается перелѣзть черезъ заборъ тайкомъ и отпереть ворота; а не то принимаются рубить воротній столбъ топоромъ, которымъ запаслись про случай: обычай весьма знаменательный, очень ярко обрисовывающій нравы отдаленныхъ временъ.

Наконецъ ворота отперты; въ комнату входятъ дружки, сваха, холостяги и, послѣ нихъ, самъ женихъ въ полной формѣ, раздушенный и расфронченный, по принятому обычаю, въ «красномъ», то есть пестромъ, бухарскомъ халатѣ, подпоясанный краснымъ шолковымъ бухарскимъ поясомъ.

Къ-слову о нарядѣ, необходимо, я думаю, здѣсь прибавить, что казаки, въ городахъ и по форпостамъ, одѣваются различно. Казаки, состоящіе на службѣ, носятъ форменную одежду; чтожь касается до неслужащихъ, до мирныхъ гражданъ, не несущихъ службы лично, то высшій классъ обыкновенно носитъ

темносиніе казакины, съ косыми или прямыми воротниками, и форменныя фуражки съ козырькомъ. Такъ же одѣвается и простой классъ. По чекменю, по широкимъ шальварамъ, съ лампасами или выпушкой, по бородѣ, и по прическѣ нѣмецкой стрижки, никакъ нельзя отличить чиновнаго человѣка отъ простаго казака, кромѣ, разумѣется, внѣшнихъ знаковъ отличія, пріобрѣтенныхъ прежнею службою. Но простолюдье по форпостамъ и селеніямъ одѣвается, смотря по времени года, гораздо проще. То на казакѣ увидите ярга́къ изъ выдѣланной конины, то овчинный тулупъ, то шелковый бешметъ, то бумажный хивинскій халатъ на распашку, то такой же халатъ, до самаго пояса запрятанный въ кожанныя «обстоятельства». На головѣ либо фуражка, либо мѣховая русская старинная высокая шапка, либо киргизскій малаха̀й, либо что другое. Нарядной, парадной одеждой мущинъ, до начала нынѣшняго столѣтія, былъ малиновый длинный кафтанъ и высокій малиновый суконный калпакъ, о формѣ котораго можно составить себѣ понятіе, взявъ обыкновенную форменную казачью шапку, укоротивъ на цѣлыя двѣ трети мерлушчатую тулью и поднявъ кверху суконце, служащее ей выпускомъ. Синій кушакъ у пояса, киргизская калта́ (первообразъ солдатской лядунки или сумки), пороховница, ножъ и ружейная отвертка съ дробовницей, привѣшенныя къ поясу, кривая сабля при бедрѣ, добрая винтовка за плечами и длинная пика въ рукѣ — вотъ тогдашнее вооруженіе Уральца.

Что касается до Уралокъ, то и онѣ тоже нынче многое заимствовали у петербургскихъ модъ. Въ самомъ Уральскѣ даже нѣмецкое платье не новость. Конечно, чепчики, шляпки и открытые лифы не распространены вообще по цѣлому Уралу; даже тѣ дамы высшаго круга, которыя считаютъ себя поборницами европейской одежды, на балы, въ собранья и въ торжественные дни, непремѣнно надѣваютъ сарафаны, бархатные, матерчатые, либо парчевые. Нарядъ ихъ, въ полномъ смыслѣ слова, великолѣпенъ и чрезвычайно красивъ. Барышни носятъ на головѣ жемчужныя «ленты», то есть золотыя повязки съ жемчужнымъ кружевомъ, спускающимся до самыхъ бровей; дорогая шелковая, иногда затканная золотомъ, лента вплетается въ роскошную, спущенную вдоль

стана косу. Замужнія дамы носятъ «волосники», подъ которыя запрятываютъ всю косу, или «сорóки». Сорока — это головной уборъ въ родѣ тюрбана, или кокошника; но онъ къ затылку нѣсколько возвышается. Сорока всегда дѣлается изъ бархата, и спереди унизывается жемчугомъ и драгоцѣнными камнями (есть сорóки и въ три и въ пять тысячъ рублей серебромъ); поверхъ ея накидывается легкая кисейная фата, затканная серебромъ и золотомъ; фата заматывается около шеи и концы ея закидываются назадъ, спускаясь вдоль спины до самаго пояса. «Волосникъ» это узенькій, преимущественно палеваго, или оранжеваго, или розоваго, или голубаго цвѣта шолковый платочикъ (у старухъ волосники всегда темные), слегка обхватывающій голову у самаго темени и длинными, тщательно расправленными въ складкахъ, концами распущенный назади и раздуваемый при малѣйшемъ вѣткѣ.

Объ уральскомъ сарафанѣ можно себѣ составить понятіе по тѣмъ сарафанамъ, въ которые у насъ иногда наряжаютъ кормилицъ, съ тою только розницею, что сарафанъ дѣлается съ очень высокимъ, до самаго горла, лифомъ и съ тальей, которая опоясывается золотымъ или жемчужнымъ пояскомъ съ длинными кистями. Сарафанъ у шеи, по подолу, и не кругомъ, а только спереди, и вдоль стана обшивается въ два ряда золотымъ или серебрянымъ — глядя по цвѣту матеріи —кружевомъ или позументомъ, съ нѣсколькими по немъ металлическими блестящими пуговицами, изъ которыхъ такъ называемая «девятая пуговка» обыкновенно бываетъ крупнѣе и богаче другихъ. Рукава у параднаго сарафана бываютъ и кисейные и матерчатые; но верхняя ихъ часть, близъ плечь, на четверть выходящая изъ проймы, обшитой тоже позументомъ, всегда бываетъ матерчатая и другаго цвѣта чѣмъ остальная, нижняя, часть рукава. Эта верхняя часть, исключительно носящая названіе «выставки», отъ собственно такъ называемаго рукава, всегда широкаго, пышнаго, длиннаго и узенькаго у самой кисти, отдѣляется тоже позументомъ. Если къ этому наряду присовокупить серьги, ожерелье, большія булавки, безчисленное множество колецъ и перстенековъ, дорогіе «наручники», т. е. браслеты, цвѣтные башмачки и черевики, а иногда и модные прюнелевые полусапожки; бати-

стовый, обшитый дорогимъ кружевомъ и надушенный платочикъ въ одной рукѣ, и хорошенькій парасоль съ бахрамой въ другой; да прибавить къ тому же добрый слой румянъ и бѣлилъ, прекрасные глаза и миловидность — то портретъ Уралки кажется будетъ, внѣшнимъ образомъ, совершенно оконченъ.

Мы остановились на томъ, что женихъ съ «поѣзжаными» входитъ къ невѣстѣ. Невѣсту немедленно начинаютъ «убирать къ вѣнцу». Для этой цѣли, ее сажаютъ въ переднемъ углу и занавѣшиваютъ «индѣйской ширинкой».

Въ этой «индѣйской ширинкѣ», разумѣется, нѣтъ ничего индѣйскаго. Можетъ быть, прежде и употребляли для этого индѣйскую занавѣсь, но теперь идетъ въ дѣло цвѣтная шолковая матерія, величиной около квадратной сажени; на матеріи узорами вытканы разные пѣтушки: матерій съ другими рисунками при этихъ случаяхъ не употребляютъ. Ширинку эту держутъ за одинъ конецъ дружка, а за другой — «свя́тчій», или тотъ мальчикъ, котораго на нашихъ свадьбахъ обыкновенно называютъ «свѣшникомъ».

Стоя противъ передняго угла, мальчикъ во все горло безпрестанно выкрикиваетъ:

— У свя́тчаго, у свя́тчаго руки горятъ, полотенца хотятъ; платокъ подъ порогъ, ширі́нку за галстухъ!

Послѣ многократныхъ повтореній одного и того же причитанья, свя́тчаго дарятъ платкомъ, носовымъ, либо шейнымъ, либо и еще какими-нибудь бездѣлками.

За ширинкой, невѣсту наряжаютъ цвѣтами, либо живыми, либо искусственными; на голову надѣваютъ ей жемчужную сороку, повязываютъ расшитымъ блестками и золотою битью тарлатаномъ; наконецъ выводятъ изъ-за ширинки и сажаютъ за столъ, усадивъ рядомъ съ нею какого-нибудь мальчика изъ ближайшихъ родственниковъ.

Мѣсто подлѣ невѣсты женихъ долженъ себѣ выкупить у мальчика за «золотую гривну», то есть за четвертакъ, за полтинникъ, либо и за «лобанчикъ», глядя по достаткамъ.

Женихъ сидитъ рядомъ съ невѣстой битые полчаса; во все это время они другъ другу ни словечка не скажутъ, довольствуясь краснорѣчивымъ молчаньемъ. Невѣста, по обычаю,

краснѣетъ, потупляетъ глазки и кружитъ большимъ пальцомъ правой руки около лѣваго большаго пальца. Женихъ пыхтитъ и краснѣетъ и, не смотря ни на кого, кружитъ большимъ пальцомъ лѣвой руки около праваго большаго пальца; а не то сморкается, либо безпрестанно вытираетъ лицо шолковымъ платкомъ, либо, подъ веселую руку, перемигивается съ пріятелями. Все это кончается тѣмъ, что женихъ, по приглашенію дружки, беретъ невѣсту за руку и встаетъ съ прила́вка; тутъ оба они обратятся къ св. иконамъ, «положатъ началъ», то есть помолятся, вмѣстѣ со всѣми присутствующими, и потомъ ужь ѣдутъ всѣ въ церковь.

Если вѣнчаніе происходитъ въ концѣ мясоѣда, или когда у жениха не все хозяйство исправлено, то молодые супруги изъ церкви возвращаются пировать свою свадьбу въ женнину семью; въ противномъ случаѣ пиръ бываетъ у молодаго въ домѣ.

Дома, молодые усаживаются за столъ. Немного погодя, подходитъ къ нимъ дружка, тогда молодые встаютъ и подходятъ къ невѣстинымъ родителямъ благодарить ихъ за воспитаніе — это самая торжественная минута, обычай свято соблюдаемый.

Въ это время, женихова мать быстро поднимается съ мѣста, бросается на скамью, или на лавку, и начинаетъ скакать, прыгать, плясать, топаетъ ногами, прищелкиваетъ пальцами, хлопаетъ въ ладоши, бьетъ посуду, какая только попадется ей подъ руку, рюмки ли, стаканы ли, горшки ли или миски — она все бьетъ и колотитъ, крича безъ умолку: «двойни родила! двойни родила!» и выражая тѣмъ радость, что, вмѣсто одного дѣтища, Богъ наградилъ ее теперь парою. Ее поддерживаютъ и другіе гости: они тоже принимаются и плясать, и топать, и посуду бить.

За тѣмъ начинается настоящее пированье съ неумолчными пѣснями. Молодой является съ бутылкою водки, молодая съ подносомъ и рюмкою, позади ихъ дружка съ сухими «жемками», то есть съ мелкими пряниками, для закуски.

Вино обносятъ гостямъ, начавъ, разумѣется, съ отца и съ матери, и потомъ переходя, по очереди и по старшинству, къ

другимъ родственникамъ, а наконецъ и къ остальнымъ гостямъ, но не иначе, какъ по чинамъ и со всевозможными церемоніями, поклонами и упрашиваньями «не обезсудить, пожаловать — не поспѣсивиться и хоша пригубиться.» Первая рюмка, которая, какъ извѣстно, проходитъ коломъ, и вторая, пролетающая соколомъ, на долго задерживаютъ молодуху передъ гостями, которые, жалуясь, что вино «горько» и что его надо «подслатить», щедро одѣляютъ новобрачныхъ. Родственники кладутъ молодухѣ на подносъ побольше, у простолюдья по серебрянному рублику, а чужіе поменьше — по четвертачку, и по гривенничку, и даже меньше: иной и три копѣйки положитъ, и то нельзя обезсудить, коли больше не въ силахъ. Первая пирушка длится цѣлую ночь, иногда часовъ шестьнадцать сряду, а иногда и цѣлые сутки, безъ перемежки.

На слѣдующее утро, молодые ѣздятъ «на поклонъ» къ родителямъ невѣсты. Тутъ пируетъ вся женихова родня, тоже одѣляющая молодыхъ, чѣмъ кому подъ силу; но за то и молодые должны, по обычаю, одарить всю роденьку, поклонившись кому ситцомъ на рубаху, кому кисеей на рукава, кому платкомъ на галстухъ, а кому и матерьей на «выставки».

V.

Заживъ своимъ домкомъ, казакъ, естественно, долженъ быть вдвое противъ прежняго заботливѣе о своемъ хозяйствѣ и всегда готовъ на безпрестанныя отлучки по промысламъ. Бахчи съ арбузами и дынями семьи не прокормятъ; добыча солодковаго корня — бабье дѣло; содержаніе садовъ обычно только у немногихъ казаковъ, да и то уже зажиточныхъ и имѣющихъ осѣдлость около самаго Уральска и выше по Уралу; обзаводиться наживнымъ дѣломъ, баранами — не всякому подъ силу; хлѣба сѣять — почти негдѣ, особенно въ низовьяхъ рѣки; заниматься торговлей разными товарами — капиталу не хватаетъ. Благосостояніе Уральца зависитъ отъ рыболовства: оно, конечно, тоже много требуетъ денегъ, да за то, коли тутъ казаку не въ-моготу быть главнымъ дѣйствующимъ и независимымъ лицомъ, онъ идетъ либо въ работники къ богатому товарищу-рыбопромышленнику, либо со-

ставляетъ компанію, «артель», изъ такихъ же, какъ и самъ, несильныхъ средствами пайщиковъ.

Уральцы рыбачатъ въ своихъ водахъ круглый годъ. Если, напримѣръ, мы начнемъ годъ съ ноября мѣсяца, когда рѣки совершенно покроются льдомъ, то насчитаемъ слѣдующія видоизмѣненія общественнаго рыболовья.

Съ первыхъ чиселъ ноября начинается «рыболовство блесно̀й и строго̀й» (остро́гой, сандо̀вью): оно, по войсковымъ законамъ, производится только отъ Калёновскаго форпоста вплоть до Гурьева-городка. Калёновскій форпостъ на рѣкѣ Уралѣ, такъ же какъ и городъ Чорный-Яръ на Волгѣ, составляютъ двѣ весьма замѣчательныя точки: тутъ, по наблюденіямъ стариковъ, бываетъ постоянная грань между ранней весной и поздней зимой. Какъ весной, такъ и осенью, по одну ихъ сторону пыль и тепло̀, по другую — снѣгъ и холода́. Блесно̀й рыба удится, остро́гой она колется. Блесна̀ — удочка съ кованной, въ видѣ рыбки, пластинкой; на крючокъ для приманки насаживается кусочикъ рыбы, обыкновенно судака; блесно́й, черезъ маленькую прорубь, ловится только «судо̀къ» (то есть судакъ), да же́рехъ. Острога́ — родъ двухконечной заостренной вилы, насаженной на древко въ сажень длины. На конейцахъ намѣчены «жаберки́» или «жа́бри», чтобъ проколотая рыба сдерживалась на остресѣ. Острогой ловятъ рыбу, въ мелкихъ мѣстахъ, черезъ прорубь величиной въ квадратный аршинъ, не больше; она дѣлается въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ уже дослѣдовано, что рыба часто проходитъ. Прорубь накрывается шалашикомъ, подъ которымъ, въ совершенныхъ потёмкахъ, ловецъ сторожитъ рыбу, и какъ только она мелькнетъ его привычному глазу, какъ онъ уже намѣтился и всадилъ въ нее свое орудіе. Острогой ловится больше всс чорная, простая рыба; промысломъ этимъ занимается вся Линія; но не столько для продажи въ города, сколько для ежедневнаго пропитанія. Со вскрытіемъ льда этотъ видъ рыболовства прекращается.

Но какъ только ледъ подъ Уральскомъ окрѣпнетъ, то при первой же возможности начинается, цѣлою массою войска, «презентное багренье» или «багренье, на царскій-кусъ»: извѣстно, что Уральское войско доставляетъ икру и рыбу перваго

лова для Высочайшаго Двора. Презентное багренье продолжается только одинъ день, очень рѣдко долѣе, смотря по пропорціи улова, и производится при самой первой отъ города Уральска ѝтови. Весь уловъ, кромѣ мелочи, и полученная отъ него икра тотчасъ же укладывается въ повозки и, съ особенной депутаціей, везется на почтовыхъ въ Петербургъ. Въ настоящую минуту, я про ба́гренье, и вообще про самые значительные виды рыболовства, распространяться не стану, признавая нужнымъ сначала перечислить всѣ промыслы и потомъ дать о нихъ общее понятіе; исполнивъ это, я уже и перейду къ капитальнымъ особенностямъ.

Около пятьнадцатаго декабря начинается «малое ба́гренье»: оно происходитъ въ извѣстномъ пространствѣ, между городомъ Уральскомъ и Буда̀ринскимъ форпостомъ. Въ это же самое время, но уже въ самомъ низовьѣ Урала, въ его устьяхъ, производится такъ называемое «зимнее неводно́е рыболовство». Съ Рождества по Крещенье, происходитъ «большое ба́гренье», на пространствѣ, которое до сихъ поръ оставалось еще не початымъ, именно отъ Бударинскаго форпоста до Гурьева-городка, то есть, начиная съ того мѣста, гдѣ кончилось малое багренье и гдѣ началось зимнее неводно́е. Какъ только всѣ эти виды рыболовства прекратятся, то есть какъ только будетъ признано, что все, что можно было добыть цѣлою массою войска — уже добыто, Уралъ дѣлается свободенъ и каждый казакъ, вплоть до перваго марта, волент рыбачить на немъ чѣмъ угодно, гдѣ угодно и сколько угодно.

Между тѣмъ, съ половины декабря и тоже вплоть по мартъ мѣсяцъ, казаки рыбачатъ въ Черха́льскомъ-Морцѣ́, то естъ въ озерѣ Чалка́ръ, лежащемъ уже по ту сторону Урала, въ Киргизской Степи, а также и въ совершенно-противоположномъ краю своихъ владѣній, на рр. Узеня́хъ, въ сосѣдствѣ самарской губерніи и дачь Букеевскихъ Киргизовъ. Объ этихъ промыслахъ и здѣсь можно разсказать то, что заслуживаетъ любопытство, особенно на счетъ составленія компаній, «артелей», обычныхъ и всюду, но едва ли на Черха́льскомъ-Морцѣ́ не преобладающихъ.

Въ Черха́льскомъ-Морцѣ́ ловится только простая рыба: красной тутъ не бываетъ; ловятъ рыбу до тѣхъ поръ, пока снѣгъ

не сойдетъ и не пропадетъ всякая возможность рыбачить. Для надзора за правильностью лова назначается войсковымъ правленіемъ особый чиновникъ, то есть офицеръ, опредѣляемый какъ говорится въ просторѣчіи, «атаманомъ», или «начальникомъ рыболовства».

Рыбу тутъ ловятъ неводами, которые бываютъ сотъ по пяти сажень, обыкновенныхъ шести-футовыхъ. Невода вяжутся, какъ водится, изъ пеньковой пряжи. На верху, на «верхней подво́рѣ», то есть на томъ канатѣ, на которомъ пряжа садится, привязываются сухари́нные, то есть осокоревые, го́гли (го́голь значитъ поплаво́къ, или, какъ Уральцы говорятъ, напла́вокъ), для того, чтобъ верхняя подвора свободно плавала поверхъ воды; а на нижней подворѣ, для того чтобъ она ровно затонула, привѣшиваются глиняныя и, для того, чтобъ не размокли, обозженные какъ кирпичь, фунта въ два и въ три съ половиной вѣсу, подгрузки и коку́рки. Невода замётываютъ на серединѣ озера, саженяхъ на семи глубины, а вытаскиваютъ не у самаго берега, а на-льду въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ глубина озера доходитъ до двухъ саженей, и всю выловленную добычу дѣлятъ по числу паевъ.

Неводъ вещь дорогая и не каждый рыболовъ можетъ быть независимымъ и единственнымъ его владѣльцемъ. Большею частью, къ такому счастливцу вступаютъ въ компанію пайщики изъ «беззбруйныхъ» казаковъ. Обычаями принято соблюдать здѣсь тотъ расчетъ, сколько я могъ понять, что на каждыя сто сажень невода полагается восемь паевъ для припущенниковъ-казаковъ, примкнувшихъ къ такому владѣльцу. За право ихъ участія въ этихъ осьми паяхъ, владѣлецъ и себѣ беретъ тоже восемь паевъ на каждыя сто сажень; да кромѣ того за то, что неводъ этотъ его и что самъ онъ въ ловѣ тутъ же участвуетъ, ему принадлежитъ еще одинъ пай: такимъ образомъ на каждыя сто сажень невода приходится семнадцать паевъ, изъ нихъ восемь принадлежатъ пайщикамъ, а девять владѣльцу невода: кажется такъ. Расчеты выходятъ очень дробны, когда одинъ и тотъ же неводъ составляетъ общую собственность многихъ, напримѣръ трехъ или четырехъ хозяевъ, и когда къ нимъ, на пятисотъ сажен-

ный неводъ, примкнетъ человѣкъ семьдесятъ или восемьдесятъ беззбруйныхъ казаковъ.

Добытая лѣтней порой въ Узеняхъ, или въ Черха́льскомъ-Морцѣ́, рыба тутъ же, на мѣстѣ лова, складывается въ воза́, въ воза́хъ же и солится рядами, потомъ везется для продажи въ Уральскъ, а отсюда развозится въ сосѣдственныя губерніи; но та рыба, которая добывается въ морозы, развозится казаками въ окрестныя деревни ближайшихъ мѣстъ и преимущественно въ Александровъ-Гай.

Въ Узеняхъ ловятъ рыбу не въ самой рѣкѣ, которая по «мута́мъ», то есть по омутамъ, яминамъ, и глуби въ крутоберёгихъ мѣстахъ, для рыболовства не способна, а помелкимъ мѣстамъ, которыя, послѣ ска́та водъ, остаются понятыми отъ вёшнихъ разливовъ, по «зама́намъ», ильменя́мъ и маленькимъ, въ квадратную версту, морца́мъ. Степные, окруженные сушей, бассейны Уральцы называютъ: большіе — «ильменёмъ», поменьше ильменя — «озеромъ», что́ поменьше озера—то́ «котлубань», или, по нашему котловина; что́ больше ильменя—то́ «морцо́», а «зама́нъ» есть родъ ильменя же, но именно мелкое, низменное мѣсто, понятое весеннею водою. Порода рыбъ, болѣе всего, сазаны, щуки и караси; орудіе лова—неводъ, середина котораго выметывается по серединѣ рѣки, а крылья влекутся паралельно съ берегами.

Зимой прорубаютъ проруби. Изъ одной проруби въ другую прогоняютъ «прого́нъ», то есть шестъ, къ которому привязывается толстая веревка: она тоже, вмѣстѣ съ прогономъ, проходитъ отъ одной проруби въ другую. На нихъ, то есть на веревкѣ и на прогонѣ, держится весь неводъ. Тѣ вилки, посредствомъ которыхъ гонятъ прогонъ, называются «шаши́ло», а багоръ, которымъ вытаскивается изъ-подо-льда веревка, называется шаши́льнымъ багромъ.*

* За всѣ передаваемыя здѣсь свѣдѣнія, считаю долгомъ засвидѣтельствовать глубочайшую свою признательность тѣмъ лицамъ, изъ разсказовъ которыхъ настоящая статья составлена, именно:

Г. Наказному Атаману, генералъ-маіору Карлу Карловичу Гекe;

Г. Генералъ-маіору, Ѳедоту Григорьевичу Бизянову;

Г. Подполковнику, Ефиму Матвѣевичу Матвѣеву;

Рыба, которая, по обстоятельствамъ, не иначе можетъ быть продана, какъ въ самомъ городѣ Уральскѣ, сбывается съ рукъ пудами, а которая продается на мѣстѣ лова, та продается поштучно, «чóхомъ», то есть счетомъ, сообразно исчисленной разцѣнкѣ.

Въ Уральскъ свозится соленая рыба, коренная, или свѣжепросольная. Это происходитъ отъ того, что Уральцы, по закону, имѣютъ право для всевозможныхъ своихъ нуждъ свободно пользоваться солью изъ Индéрскаго озера, находящагося за рѣкою Ураломъ, въ Киргизской Степи. Но вывозить соль эту на продажу людямъ, не принадлежащимъ войсковому сословію, казаки, по войсковымъ обычаямъ, не въ правѣ:—ни въ натуральномъ видѣ, ни посоломъ въ рыбѣ, они не могутъ безпошлинно вывозить соль за черту войсковыхъ границъ свыше пяти пудовъ въ теченіи года, и то вмѣстѣ съ рыбою. Войсковое правленіе пользуется правомъ взымать съ высшаго количества провозимой рыбы соляную пошлину, именно десятину, которую и отдаетъ съ торговъ на откупъ: выручаемая за это сумма поступаетъ въ общественную войсковую казну и расходуется на необходимыя надобности и улучшенія цѣлаго сословія.

Когда рыба продается чóхомъ, стало быть на мѣстѣ лова, при какомъ бы то ни было случаѣ рыболовства, то она раскладывается рядами по льду. Покупатель видитъ собственными глазами всѣ ея достоинства и торгуется съ казакомъ по штучно или по сотенно. Если у одного и того же товара встрѣтятся двое или трое охочихъ покупателей, то они, по обычаю, обязаны «разойдтись жеребьями», то есть здѣсь купцы цѣнъ другъ другу не перебиваютъ, а предоставляютъ торговаться тому, кому̀ выпадетъ жеребей.

Представимъ себѣ, что трое покупщиковъ, Антипъ, Борисъ

Г. бывшему откупщику соляного сбора, помѣщику Виктору Ивановичу Звѣнигородскому;

Казаку Ѳаддею Ильичу Сладкову и *особенно* грáдскому казаку Сергѣю Васильевичу Щелкову.

Равномѣрно весьма много считаю себя одолженнымъ, къ прискорбію моему уже умершимъ, г. полковнику Стахѣю Дмитріевичу Мизинову, и *особенно* г. эсаулу Василью Никитичу Аничихину.

и Вавпло, всѣ разомъ и въ одно время подошли къ казаку торговать у него товаръ. Чтобы другъ другу пòпусту не вредить, они вытаскиваютъ изъ кошелей по мелкой мѣдной монетѣ, замѣчаютъ, каждый свой грошъ, чертою, закусивъ монету зубомъ, опускаютъ всѣ три гроша въ шапку и подставляя ее продавцу-казаку, приглашаютъ его «ловить». Чей грошъ продавецъ вынетъ — тотъ и дѣлается настоящимъ купцомъ: вынулся Вавилинъ грошъ—Вавило и покупаетъ рыбу, а Антипъ и Борисъ берутъ «отсталое», если, разумѣется, Вавило купилъ товаръ съ выгодой. Если, на примѣръ, за то, что̀ по настоящей цѣнѣ сто̀итъ сто рублей, Вавило сошелся съ продавцомъ на девяноста рубляхъ, то онъ и Борису и Антипу выплачиваетъ по три рубли, по тридцати по три копѣйки; если же Вавило не выгадалъ себѣ ничего, то и Борису съ Антипомъ ничего не достанется отсталаго.

Партіонныхъ покупателей въ Уральскѣ мало, небольше десяти человѣкъ, закупающихъ рыбнаго товару тысячь на двѣсти ассигнаціями. Большую часть добычи скупаютъ мелкіе капиталисты, «прасолы», отъ тѣхъ уже скупаютъ большіе купцы, а потомъ уже все это поступаетъ къ денежнымъ московскимъ купцамъ. Отъ московскихъ купцовъ перекупается этотъ товаръ на нашъ Мытный-Дворъ, а ужь съ мытнаго двора онъ перепродается, или сдается на коммиссію, мелочнымъ торговцамъ, Смурову, Елисееву, Бабикову и прочимъ «овошенникамъ» мелкой руки.

Тотчасъ послѣ Новаго-Года, начинается «аханное» рыболовство на Каспійскомъ морѣ; а весной, какъ только ледъ на Уралѣ вскроется, войско, опять таки цѣлымъ своимъ составомъ, принимается за «плавённое», или «вёшнее», или «севрюжное» рыболовство, подраздѣляемое на два вида; на «удáрное» или «харчевое» до Кругловскаго форпоста, и «не съ удару», внизъ оттуда по рѣкѣ до моря, и въ самомъ морѣ. Севрюжное рыболовство начинается въ половинѣ апрѣля, а оканчивается къ половинѣ іюня.

Когда все войско «пройдетъ» (внизъ по рѣкѣ), то казакамъ, не принимавшимъ, по недостаточности средствъ, участія вмѣстѣ съ «громадою», причемъ требовалось неукоснительнаго исполненія освященныхъ временемъ и необходимостью-бы о

чаевъ — предоставляется полная свобода рыбачить, какими угодно снарядами и орудіями, по всему, пройденному войскомъ, пространству рѣки Урала, только бы не въ близкомъ разстояніи и не впереди всѣхъ лодокъ.

Въ тоже время происходитъ вёшнее черха́льское рыболовство * и ловъ по «чорнымъ» рѣчкамъ и по всякимъ разливамъ. Чорною рѣчкою называется всякій протокъ или рукавъ Урала, выходящій изъ Урала и въ него же впадающій. Въ Уралѣ бываетъ красная рыба, но въ его протокахъ, вслѣдствіе особыхъ условій, она не водится, а водится одна чорна́я, то есть простая рыба. Это именно потому, что красная рыба въ тишь не заходитъ, а идетъ стадами только тамъ, гдѣ сильное теченіе.

Съ пятьнадцатаго іюня всякая, даже самая ничтожная, добыча рыбы въ рѣкѣ Уралѣ, начиная съ уральскаго учуга вплоть до самаго моря, строжайше запрещается всѣмъ и каждому.

Послѣ «аханнаго рыболовства», начиная съ половины марта и до половины мая, бываетъ «весенній курхай». И аханное и весенній курха́й производятся въ Каспійскомъ морѣ, въ которомъ Уральцы начали правильно рыбачить только съ 1816 года. Курхайскимъ это рыболовство называется оттого, что въ стародавніе годы казаки рыбачили въ такъ называемомъ Курхайскомъ-морцѣ, заливѣ морскомъ, или правильнѣе сказать, степномъ озерѣ, не прѣсномъ, а горькосоленомъ, соединенномъ съ Каспіемъ небольшою рѣчкою. Морцо́ это впослѣд-

* О рыболовствѣ въ Черхальскомъ-морцѣ сообщены мнѣ войсковымъ начальствомъ слѣдующія данныя:

		Число хозяевъ.	*Число рабочихъ.*			
			Иногородныхъ.	Киргизовъ.	Невольниковъ.	Бухаръ.
Зимнее рыболовство.	Въ 1846 году	323		98	неизвѣстно.	
	— 1847 —	299	25	89	91	
	— 1848 —	53	19	38	7	
	— 1849 —	255	150	106	9	
	— 1850 —	318	70	115	8	
Вёшнее рыболовство.	Въ 1846 году	400		80	неизвѣстно.	неизв.
	— 1847 —	150	2	25	7	неизв.
	— 1848 —	105	10	50	59	50
	— 1849 —	21	1	12	66	13
	— 1850 —	24	1	—	57	8

ствіи совершенно высохло и казаки въ немъ не ловили уже рыбы; между тѣмъ старинное названіе ловли на Курха́ѣ осталось въ войскѣ и перенесено на морской промыселъ. Въ 1847 и 1848 годахъ, морцо это снова понялось водою совершенно, оттого, что съ рѣки Урала въ него нанесло много вешней воды; оно стало прѣснымъ и по прежнему соединеннымъ, посредствомъ протока, съ моремъ. Съ лѣта 1850 года оно, говорятъ, опять пересохло.

Въ то же время, какъ производятся столь отличныя одно отъ другаго рыболовства — курхайское, севрюжное и по чорнымъ рѣчкамъ, — на Узеня́хъ происходитъ еще особый видъ вёшняго рыболовства, но не въ самыхъ берегахъ Узене́й, а въ озерахъ, образуемыхъ полою водою по обѣ стороны рѣчныхъ береговъ, въ низменностяхъ.

Около первыхъ чиселъ мая, когда вода въ Уралѣ начнетъ уже сбывать, отъ города Уральска до Гурьева-городка начинаются «запо̀ры» въ чорныхъ рѣчкахъ и ловъ матня́ми въ прора́нахъ.

Запо̀ры дѣлаются такимъ образомъ: какую-нибудь чорную рѣчку, у нижняго выхода ея въ Уралъ, запираютъ камышевыми заборами, кольями и толстыми, нарочно для того вязанными сѣтьми. Съ разливомъ рѣки, чорная рѣчка, иногда жаркимъ лѣтомъ совершенно высыхающая, теперь обильно наполняется вешнею водою; рыба гонится сюда теченіемъ, но, встрѣтивъ въ нижнемъ концѣ рѣчки запоры, и стало быть будучи сама запертою, остается здѣсь навсегда. До времени замерзанія рѣки сѣтей не трогаютъ и рыбу не вылавливаютъ: ловятъ уже тогда, когда рѣчка совершенно покроется льдомъ, что бываетъ около ноября мѣсяца. Стало быть, эти запоры почти тоже, что на волжскихъ промыслахъ называется «садка̀ми», съ тою разницею, что тамъ рыбу наловятъ и напустятъ въ эти заливчики, а здѣсь, на Уралѣ, рыба сама въ нихъ заходитъ. Казаковъ, изъявившихъ желаніе запереть рѣчку, войсковое начальство записываетъ въ шнуровыя книги; самое рыболовство этимъ способомъ производится компаніями, цѣлыми артелями казаковъ. Рыба окончательно вылавливается неводами; породы ея — судакъ, сазанъ и лещь.

Есть еще другаго рода запо́ры, называемые «сижа́ми».

Сижи употребляются на Уралѣ тотчасъ по окончаніи большаго багренья. Ихъ ставятъ у обоихъ береговъ Урала, оставляя середину рѣки свободною для прохода рыбы; на концахъ такого запора прикрѣпляются связанные изъ пряжи кутцы́, въ родѣ кошеля, или мѣшка, въ которые рыба и попадаетъ.

Въ самомъ Гурьевѣ, и ниже его, въ прора́нахъ, то есть отножіяхъ моря, узкою полосою врѣзавшихся въ материкъ и оканчивающихся озеркомъ, или ильменемъ, съ морскою водою, въ сентябрѣ и октябрѣ запираютъ стада самой мелкой рыбы матня́ми, сѣтьми, вязанными частико́мъ, то есть самыми мелкими ячейками. Загороженную такимъ образомъ отъ выхода рыбу сберегаютъ тутъ до замерзанія рѣки.

Съ первой половины августа, почти по ноябрь, на Каспійскомъ Морѣ производится «жарко́й ловъ», или «осенній курха́й» въ лѣвой сторонѣ устьевъ Урала, гдѣ Уральцы начали рыбачить только съ 1837 года въ видѣ опыта; окончательно же это рыболовство утверждено и признано выгоднымъ для войска только съ 1843 года. Глубокою осенью Уральцы дѣлаютъ себѣ притоны преимущественно на косахъ Стрѣлецкой, Гого́льской и на Раку́шечьемъ-проранѣ, изобилующихъ лебедями, гусями, утками и другими породами дикихъ птицъ, останавливающихся здѣсь на отдыхъ, при отлетѣ своемъ на зиму въ теплые края.

Съ двадцать четвертаго сентября на рѣкѣ Уралѣ производится «осенняя плавня», сначала отъ Калёновскаго форпоста до Редутскаго, а послѣ того отъ Гурьева-городка вплоть до самаго моря; на промежуточномъ же пространствѣ происходитъ между тѣмъ «осеннее неводное» рыболовство.

Все это оканчивается почти въ исходѣ октября, а вмѣстѣ съ этимъ заключается промысловый годъ.

VI.

До настоящаго столѣтія, рѣка Уралъ была такъ богата рыбою, что Уральцы одною этою промышленностью удовлетворяли всѣмъ своимъ потребностямъ и упрочивали свою зажиточность. Но когда, еще въ прошедшемъ столѣтіи, народъ началъ замѣчать въ родной рѣкѣ истощеніе этихъ естественныхъ богатствъ, то въ тоже время принялся обдумы-

вать свое положеніе и сталъ распространять виды на море и на морское рыболовство, которое, какъ выше замѣчено, возникло сначала въ 1816 году, а наконецъ въ 1843 году было вполнѣ упрочено за казаками.

Кажущееся оскудѣніе Урала и вліяніе его на обогащеніе казаковъ нельзя, съ одной стороны, не приписать увеличенію войсковаго народонаселенія, изобрѣтенію волжскими рыбопромышленниками новыхъ рыболовныхъ орудій и снарядовъ, вѣрнѣе достигающихъ своей цѣли, равно какъ и умноженію числа каспійскихъ промышленниковъ, перенимающихъ рыбу на пути и не допускающихъ ее въ рѣку Уралъ. Но съ другой стороны, опытные рыболовы указываютъ и на иныя причины. Главная та, что рыбу, въ прежнемъ необъятномъ количествѣ, не допускаютъ въ рѣку Уралъ естественныя затрудненія, положенныя самою природою. Большой трактъ, по которому стремилась прежде рыба, потерпѣлъ значительныя измѣненія: устья Урала мелѣютъ, вслѣдствіе ли пониженія водъ Каспія, или по причинѣ возвышенія морскаго побережья наносною землею — одинъ Богъ это знаетъ, только дѣло въ томъ, что устья рѣки замѣтно мелѣютъ, морскіе ильмени и заливы, обиловавшіе прежде рыбою, теперь совсѣмъ перссохли, засорились иломъ, пескомъ, занесены ракушей или заросли камышомъ: только при самыхъ сильныхъ морскихъ приливахъ въ бури, въ нихъ нагоняетъ вѣтромъ и воду и рыбу.

Кто, напримѣръ, не слыхалъ названія Богатый-Култу́къ? Култукъ, по русски, значитъ заливъ; но заливъ этотъ не даромъ съизстари прозванъ богатымъ. Еще въ восьми-сотыхъ годахъ въ немъ такая бездна была красной рыбы, что пловцы, проѣзжавшіе по немъ на лодкахъ, опасались, чтобъ ихъ не опрокинуло осетрами и севрюгами· рыба кишмя-кишѣла тутъ и спиралась въ несмѣтномъ множествѣ, такъ что одинъ слой ея стада буквально давилъ другіе слои. Теперь Култу́къ этотъ сухъ совершенно и безрыбенъ; надо ждать сильной моряны: тогда развѣ только нагонитъ въ него и воды и рыбы.

Та часть Каспія, которая общеизвѣстна подъ названіемъ Синяго-морца́, въ недавнія еще времена была настоящимъ

морскимъ заливомъ и богата морскою водою; теперь въ немъ нѣтъ и трехъ футовъ глубины; оно заросло камышами и изъ горько-соленаго сдѣлалось прѣснымъ, увлажаясь водою изъ волжскихъ «рóзсыпей». Устья рѣки Эмбы тоже давно обмелѣли.

Лѣтъ за-сорокъ назадъ, рѣка Уралъ вливалась въ море восемью устьями, изъ которыхъ четыре были судоходны: теперь вливается она только тремя, и самое глубокое изъ нихъ, во время морскаго отлива, то есть сгона воды верховою погодой (настоящихъ приливовъ и отливовъ въ Каспійскомъ морѣ не бываетъ) дѣлается до того мелкимъ, что по немъ нельзя проѣхать изъ моря въ маленькой «проѣздной» (или «подъѣздной») лодкѣ. При обмеленіи устьевъ и при пониженіи уровня водъ, противъ устій Урала образовались небывалые прежде острова и подводныя мели: стало быть рыбѣ и нѣтъ удобства входить въ рѣку, по прежнему, громадными и въ нѣсколько рядовъ расположенными стаями.

Какъ ни сомнительны, по разсказамъ, почти для всѣхъ, убыточны для очень многихъ и ничтожны для большей части казаковъ выгоды, теперь получаемыя отъ рыболовства, но привычка ли и наторѣлость въ дѣлѣ, съ которымъ народъ вѣками сроднился, или свѣтлыя, заманчивыя, никогда не покидающія его надежды на «авось» и вѣрную удачу, или закоренѣлое пристрастіе къ занятію, къ которому казакъ готовится точно какъ къ празднику, расчитывая пустить въ ходъ всю свою сметливость и все молодечество, или просто крайность и настоятельность нуждъ, при неплодородіи почвы, на цѣлыя четыреста верстъ, отъ Гурьева-городка вверхъ по Уралу, представляющей страшную пустыню, спаленную солнцемъ, изщеленную трещинами и богатую одними солонцами — или всѣ эти причины вмѣстѣ, только Уральцы все еще любятъ свой рыбный промыселъ и занимаются имъ съ большою охотою, съ увлеченіемъ, съ какимъ-то дилетантизмомъ.

Рыба, какъ извѣстно, раздѣляется на Уралѣ на два вида, на «красную» и на «чорную». Къ первому отдѣлу принадлежатъ всѣ тѣ породы рыбъ, у которыхъ спинную кость замѣняетъ хрящь, вязига. Сюда, стало быть, принадлежатъ: бѣлуга, осетръ, шипъ, севрюга и стерлядь; первыя три породы исключительно называются «толстою» рыбою. Изъ по-

родъ чорной рыбы первое мѣсто занимаютъ сомъ, сазанъ, судакъ и лещь; потомъ жерехъ, окунь, ёршъ, чехоня, и другіе мелкіе виды.

Цѣнность рыбы зависитъ отъ множества условій и обстоятельствъ. Она измѣняется, смотря по большему или меньшему требованію купцовъ на рыбный товаръ, для отправленія его въ столицы и во внутреннія губерніи; а купцы требованія свои основываютъ на расчетѣ времени, къ какому товаръ этотъ можетъ быть доставленъ на мѣсто сбыта: осенью, напримѣръ, къ началу Рождественскаго поста, зимою — къ концу его и ко времени масленицы, а лѣтомъ къ извѣстнымъ ярмаркамъ. Что касается до частностей, то уже по самому роду и виду своему, одна рыба всегда имѣетъ передъ другой извѣстный перевѣсъ. Осетръ дороже бѣлуги и шипа; шипъ иногда дороже бѣлуги, но дешевле севрюги, которая тоже уступаетъ въ цѣнности осетру; но и бѣлуга, зимняго лова, сравнительно говоря, оцѣнивается дороже чѣмъ осетръ, приготовленный для продажи лѣтомъ и даже осенью. Стерлядь ловится весьма рѣдко и на пуды не продается. Чорная рыба всегда дешевле красной, но сомъ дороже сазана, сазанъ дороже судака, судакъ дороже леща, лещь дороже жереха. Прочая мелкая порода употребляется только для домашнихъ надобностей, а въ продажу идетъ весьма рѣдко.

Кромѣ зависимости цѣнъ отъ требованія кущовъ, отъ предпочтенія одной породы рыбъ другой и отъ времени расцѣнки, потому что товаръ становится лѣтомъ дешевле, осенью поднимается въ цѣнѣ, а зимою достигаетъ самой высокой цѣнности, потому что тогда рыба продается свѣжею, замороженною и вѣрнѣе можетъ быть доставлена на главные рынки, — многое обусловливается еще и особенными обстоятельствами, упрочивающими такъ сказать вкусность, внутреннее достоинство рыбы. Такъ, напримѣръ, рыба, пойманная въ Уралѣ, предпочитается той, которая поймана въ морѣ; «яловая» рыба всегда цѣннѣе «пòротой», то есть той, изъ которой вынута икра; въ бѣлугахъ, напримѣръ, крупнина рѣшительно ни въ какой расчетъ не берется, а осетръ чѣмъ крупнѣе, тѣмъ дороже цѣнится; бѣлуга же считается лучшею, если она ни слишкомъ мала, ни слишкомъ огромна, именно отъ трехъ до

семипудоваго вѣса. Въ рыбѣ много значитъ возрастъ: если молода она — то худа, если стара — то крѣпка и деревяниста; если у рыбы «башка» велика — она только напрасно въ счетъ идетъ: вѣситъ много, а толку мало.

Уральцы, какъ исконные рыбаки, совершенно увѣрены въ томъ, что рыба родится и ростетъ красная—въ Каспійскомъ морѣ, а чорная и въ морѣ, и въ рѣкахъ и въ озерахъ. Въ подтвержденіе этого предположенія, они приводятъ то, что на Уралѣ считается за большую рѣдкость увидать «малька» (малёкъ — маленькая рыбка, малецъ) изъ красныхъ породъ, между тѣмъ мальки чорныхъ породъ встрѣчаются и въ Уралѣ и въ другихъ рѣкахъ и въ озерахъ милльонами милльоновъ. Кромѣ того Уральцы приводятъ еще то доказательство, что севрюжьихъ мальковъ въ Уралѣ рѣшительно никогда не случалось встрѣчать никому, между тѣмъ, какъ положительно извѣстно, что севрюга мечетъ икру и въ Уралѣ; по этому они и предполагаютъ, что либо вымётанная красною рыбою икра вовсе пропадаетъ въ пресныхъ водахъ Урала, либо вылупившаяся изъ яичекъ икры рыбка тотъ же часъ скатывается теченіемъ въ море: иначе въ Уралѣ севрюжьихъ мальковъ было бы такое же множество, какъ и мальковъ чорныхъ породъ.

Рыба выпускаетъ созрѣвшую икру предпочтительно весною; но вѣроятно не въ одно только это время, или, лучше сказать, не всѣ породы рыбъ мечутъ икру въ одинъ и тотъ же періодъ времени. И это Уральцы основываютъ на томъ, что весною, когда севрюга выкинула уже всю икру — осетръ, большею частью, ловится съ икрою еще недозрѣвшею. Любопытно то, что осетры съ несозрѣвшею икрою ловятся во всякое время года; но въ пойманныхъ весною осетрахъ, вмѣсто икры, большею частью оказываются простые пласты жира янтарнаго цвѣта (будучи вытопленъ, жиръ этотъ, хотя и посоленный, весьма скоро горкнетъ).

Разгуливая въ морѣ, красная рыба, къ веснѣ, подходитъ къ берегамъ, вѣроятно для того, чтобъ выпустить икру; покрайней мѣрѣ объ чорной рыбѣ Уральцамъ положительно извѣстно, что она на весну забирается на мелкія мѣста, поросшія травою и кустарникомъ: тутъ икра ею выметывается и оплодотворяется. Въ маѣ мѣсяцѣ, какъ только вода начнетъ

теплѣть и съ тѣмъ вмѣстѣ цвѣсти, рыба отъ прибрежій уходитъ въ глубь моря; потомъ съ половины іюля, когда вода дѣлается холоднѣе, рыба опять приближается къ берегамъ, но въ меньшемъ, противъ весенняго, количествѣ; въ особенности севрюга. Оставшаяся близь морскихъ береговъ рыба, на зиму избираетъ себѣ тутъ постоянныя мѣста, логовища, которыя и называются «ятовями». Зимой, подо льдомъ рыба нейдетъ; развѣ только въ первые заморозцы и по наступленіи оттепелей.

Подошедшая къ морскому побережью рыба, старается держаться предпочтительно въ такихъ мѣстахъ, до которыхъ доходятъ вливающіяся въ море рѣчныя воды и, при первой возможности, входитъ въ самую рѣку; однакожь на переходъ ея съ одного мѣста на другое огромное вліяніе имѣетъ погода. Рыбу инстинктомъ тянетъ весною къ берегу, но вѣтры разгоняютъ ее то въ ту, то въ другую сторону, и рыба, особенно съ выпущенною икрою, до того отъ этого утомляется, что совершенно обезсилѣваетъ и поневолѣ становится покорною теченію: куда вѣтеръ подуетъ, туда и ее волною морскою несетъ — явленіе презнаменательное, даромъ что сильная и пользующаяся вѣсомъ бѣлуга можетъ, по видимому, бороться съ любою волной. И диви бы она одна была одинешенька, а то цѣлымъ стадомъ устоять противъ напора не можетъ.

Въ рѣку Уралъ рыба входитъ весною и осенью; весною однакожь больше чѣмъ осенью, а севрюга почти исключительно весной: разумѣется, сила этого вторженія рыбы находится въ прямой зависимости отъ направленія вѣтровъ. Если весною и осенью вѣтры дуютъ съ югозапада, то Уральцы счастливы, сколько потому, что этими вѣтрами вгонитъ съ моря въ Уралъ много и воды и рыбы, столько же еще и потому, что этими же самыми вѣтрами пригоняетъ дождь, который, для казачьихъ безлѣсныхъ, обильныхъ только пескомъ и солонцами, земель, крайне необходимъ для орошенія полей. Вѣтры сѣверозападный, сѣверный и сѣверовосточный отгоняютъ воду отъ берсговъ, а слѣдовательно и отъ устьевъ Урала въ такой степени, что въ морѣ, на нѣсколько верстъ, иногда на нѣсколько десятковъ верстъ отъ берега, дно совершенно высыхаетъ;

а гдѣ не бываетъ воды, тамъ о рыбѣ и говорить нечего. Восточный вѣтеръ тоже весьма неблагопріятенъ Уральцамъ, не только по отгону рыбы, но еще и потому, что этотъ вѣтеръ дуетъ предпочтительно весною, бываетъ весьма продолжителенъ и при томъ такъ сухъ, что въ нѣсколько сутокъ совершенно пожигаетъ всѣ злаки: степныя равнины, поросшія молоденькою травкой, изъ зеленыхъ дѣлаются желтыми и бурыми; хлѣбъ весь посыхаетъ, и хоть иногда и поправляется, благодаря спасительному и нежданному дождику, но уже уродитъ далеко не то, чего можно было ожидать, судя по первымъ всходамъ.

И такъ, при благопріятномъ для Уральцовъ вѣтрѣ, красная рыба идетъ въ рѣку Уралъ, какъ говорится, стадами, ста́ями, гуртами, косяками, табунами, руно́мъ. Но замѣчательно, что севрюга продолжаетъ свое шествіе только до той поры, пока «не выбьетъ» всю икру: какъ только она икру выпустила, сейчасъ же обращается въ море и идетъ чрезвычайно быстро, въ сравненіи съ тѣмъ ходомъ, когда была икряною.

Рыба, вошедшая въ Уралъ осенью, остается въ этой рѣкѣ на всю зиму. Она цѣлыми обществами занимаетъ избранныя ятови; выпускаетъ изъ себя слизь, одѣвается этою, такъ называемою «рубашкою», какъ щитомъ, предохраняющимъ ее отъ внѣшнихъ препятствій, и приходитъ почти въ безчувственное состояніе или въ оцѣпененіе. Войсковое начальство командируетъ опытныхъ казаковъ для наблюденія за рыбою и для донесенія войсковой канцеляріи, о томъ во первыхъ, какъ великъ изъ моря входъ рыбы и во вторыхъ, гдѣ и какія именно мѣста избрала она себѣ для ятовей.

По вскрытіи въ Уралѣ льда, красная рыба идетъ снизу вверхъ, сначала «толстая», а потомъ севрюга. Предполагаютъ, и, кажется, очень ошибочно, что весною идетъ собственно та толстая рыба, которая зимовала въ Уралѣ и, во время общественнаго осенняго и зимняго рыболовства, осталась непойманною: такой рыбы немного сбережется; она почти вся достается въ добычу. Севрюга никогда не доходитъ до Уральска: если ее на пути не изловятъ казаки, то прежде чѣмъ она дойдетъ до него, ужь успѣваетъ выбить всю икру и уходитъ назадъ, въ море.

Осенью, красная рыба опять идетъ изъ моря вверхъ по Уралу, но медленнѣе весенняго; она пріостанавливается въ избранныхъ ею на зиму мѣстахъ и тутъ, во время ясной погоды и, преимущественно, при восходѣ и при закатѣ солнца, поднимается на поверхность воды, ныряетъ, опять появляется на поверхности, а иногда съ-горяча, даже и вовсе изъ воды выпригываетъ: это она «играетъ» по выраженію ловцовъ.

Такъ какъ рыболовство въ войсковыхъ водахъ, т. е. въ извѣстномъ участкѣ Каспійскаго моря и въ нижней половинѣ рѣки Урала, принадлежитъ всему войсковому сословію въ полномъ его составѣ; такъ какъ всѣ воды состоятъ въ общемъ и нераздѣльномъ пользованіи цѣлаго войска; такъ какъ ни какая ловля не можетъ быть производима не въ положенное время, и такъ какъ всякій шумъ и стукъ на водѣ имѣетъ вліяніе на ятовныя мѣста и можетъ разогнать съ нихъ рыбу: то, по всѣмъ этимъ основаніямъ, для уравненія правъ казаковъ пользоваться ловомъ и для охраненія устьевъ рѣки Урала отъ безпрепятственнаго входа рыбы изъ моря, на войсковыхъ водахъ соблюдается извѣстный порядокъ распредѣленія мѣстъ для лова и разставляется особенная стража, кромѣ третинокъ и реданокъ, о которыхъ я имѣлъ уже случай прежде упомянуть.

Чтобъ читатель могъ составить себѣ достаточное понятіе объ устьяхъ Урала и морскомъ побережьѣ я приглашу его сообразить слѣдующія данныя.

Устья Урала идутъ отъ Гурьева-городка верстъ на четырнадцать. Если изъ этихъ устьевъ выѣхать въ море, то вправо, верстъ за тридцать за пять, будутъ лежать извѣстныя Юсуповскія-Воды и, на грани ихъ съ казачьими водами, лежитъ островъ «Пороховйнный-Бугоръ». Въ противуположную сторону, на такое же разстояніе, то есть въ лѣвую руку отъ устьевъ, островъ «Гранный-Бугоръ» отдѣляетъ войсковыя воды отъ такъ называемыхъ «Эмбенскихъ водъ каспійскаго вольнаго промысла» (гдѣ всякій Русскій вправѣ рыбачить, со взносомъ ничтожнаго акциза). Противъ самыхъ устій Урала лежатъ слѣдующіе острова: ближе къ устьямъ вправо — Маячный Бугоръ, влѣво — Воровской-Прорáнъ, еще лѣвѣе, ближе къ Гранному-Бугру — Дуванная-коса; во вто-

ромъ ряду, дальше въ море, расположены, почти противъ самыхъ устій — Стрѣлецкая-коса, влѣво отъ нея нѣсколько островковъ, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ Мокрыя-косы; еще дальше въ море, какъ бы уже въ третьемъ ряду — прямо противъ устьевъ Урала Пѣшно́й-островъ, на лѣво отъ него Гого́льская-коса, а на право Бабинская-коса. Между Пороховы́ннымъ-Бугромъ и Ба́бинской-косой, но гораздо глубже обоихъ ихъ въ море, лежитъ Бакса́йская-коса, а за Гого́льскою-косою, еще дальше въ море, лежатъ Камы́нины-острова, или просто островъ Камы́нинъ. Между буграми Граннымъ и Пороховиннымъ полагается, кажется, семьдесятъ верстъ разстоянія попрямой линіи: таково владѣніе Уральскихъ казаковъ по одному протяженію, или въ ширину. Что касается до длины, то точнаго исчисленія тутъ нельзя сдѣлать. Уральцы имѣютъ право рыбачить до шестисаженной глубины; поэтому, въ обыкновенную погоду права Уральцовъ въ глубь моря распространяются съ одного конца верстъ на восемдесятъ, а съ другаго верстъ на сто; а когда верховымъ вѣтромъ сгонитъ много воды, то Уральцамъ надо отъѣзжать очень далеко въ открытое море, на что они и безъ того имѣютъ, какъ и каждый изъ насъ, полное право: въ открытомъ морѣ рыболовство для всѣхъ, по закону, вольное.

Со вскрытія до закрытія льдомъ морскаго побережья, ловъ рыбы, на всемъ пространствѣ между Бабинской-косой и Дуванной, вообще морскимъ рыбопромышленникамъ-казакамъ воспрещается; пространство это остается свободнымъ и назначается для входа рыбы въ рѣку Уралъ: только одно исключеніе изъ этого бываетъ, именно когда цѣлое войско, въ полномъ составѣ, идетъ походомъ на севрюжье и плавённое рыболовства и когда оно минуетъ именно этотъ, для всѣхъ другихъ случаевъ заказно́й, участокъ.

На Про́рвинскомъ и Гра́нномъ бугра́хъ, на островахъ Камы́ниномъ и Пешно́мъ, на косахъ Гого́льской, Мо́крыхъ, Стрѣле́цкой, Ба́бинской и Бакса́йской, и еще на нѣкоторыхъ главныхъ пунктахъ, на однихъ постоянно, а на другихъ только весною и осенью, находятся казачьи отряды при извѣстномъ числѣ урядниковъ и офицеровъ, и на каждомъ посту́ по одному и по два человѣка изъ избранныхъ цѣлымъ обще-

ствомъ и заслуживающихъ довѣрія отставныхъ казаковъ. Команды эти, имѣя въ своемъ распоряженіи лодки «косны́я» (большія) и «подъѣзды́я» (челночки), обязаны наблюдать, во 1 хъ, чтобы рыболовство на морѣ производилось лишь въ дозволенныхъ предѣлахъ и отнюдь не распространялось бы за черту заказны́хъ участковъ и во 2-хъ, чтобы въ общественныхъ войсковыхъ водахъ не было производимо тайнаго «облова» со стороны вольныхъ астраханскихъ рыбопромышленниковъ, которые, иногда, по старой привычкѣ, забираются сюда въ тихомолку, въ надеждѣ хорошей наживы. Ихъ, безъ сомнѣнія, ловятъ, но они увертываются отъ дальнѣйшаго преслѣдованія, складывая всю вину на бури и на противные вѣтры, будто бы занесшіе ихъ сюда противу воли; а если ихъ станутъ уличать наличною, находящеюся у нихъ на судахъ, рыбою, то они непремѣнно будутъ увѣрять, что добыли ее не здѣсь, а въ эмбенскихъ или астраханскихъ дачахъ и везутъ на ватагу, или на складочное судно: отговорокъ можно придумать много, самыхъ правдоподобныхъ.

Каспійское море, въ уральскихъ дачахъ, покрывается льдомъ въ ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ; а отъ льда морскіе берега очищаются въ концѣ марта и въ первыхъ числахъ апрѣля. Рѣка Уралъ становится нѣсколькими днями раньше, а вскрывается нѣсколькими днями позже, чѣмъ взморье. Разумѣется, это послѣднее замѣчаніе относится къ мѣстности, ближайшей къ городу Уральску; а что касается до устьевъ, то они покрываются льдомъ въ одно время съ взморьемъ, а вскрываются иногда нѣсколькими днями ранѣе того, чѣмъ морскіе берега очистятся ото льда.

Рыболовство въ уральскомъ войскѣ, естественно, раздѣляется на морское и на рѣчное. По общественнымъ, издавна существующимъ постановленіямъ, имѣющимъ поэтому силу непреложнаго закона, въ морскомъ рыболовствѣ могутъ участвовать, лично и черезъ нанятыхъ, за извѣстное вознагражденіе, уполномоченныхъ, но непремѣнно коренныхъ же Уральцовъ, всѣ чиновники (то есть офицеры) и казаки, ихъ вдовы и жены тѣхъ, которые находятся на службѣ внѣ войсковыхъ предѣловъ. Въ рѣчномъ же рыболовствѣ могутъ принимать уча-

стіе и казаки и чиновники, не иначе какъ лично и притомъ только тѣ, которые состоятъ въ войскѣ на льготѣ, то есть не находятся ни при кордонной службѣ, ни при должностяхъ по войсковому управленію: это установлено на томъ основаніи, что такіе чиновники получаютъ жалованье, а простые казаки — подможныя деньги. Ограниченіе это не распространяется на ловъ чорной рыбы въ рѣчкахъ и озерахъ, а относится только до значительныхъ, капитальныхъ добычъ въ самомъ Уралѣ, каковы напримѣръ бáгренье, севрюжье рыболовство и осенняя плавня́. Кромѣ того, нельзя упустить изъ вниманія правила, по которому простые казаки и урядники не вправѣ участвовать, въ одно и тоже время, и въ морской и въ рѣчной добычахъ.

Сверхъ показанныхъ ограниченій, надобно еще и то замѣтить, что въ багренномъ рыболовствѣ, несостоящіе на службѣ отставные казаки и «малолѣтки», то есть молодые люди, недостигшіе 21-го года, могутъ участвовать не иначе, какъ по «печаткамъ», выдаваемымъ изъ Войсковой канцеляріи со взыманіемъ трехрублеваго акциза. «Печатки» по нашему — билеты, а называются они печатками потому, что къ нимъ прикладывается войсковая печать.

Послѣ такихъ вступительныхъ объясненій, можно, я думаю, приступить и къ самому описанію тѣхъ главныхъ видовъ общественнаго рыболовства, о которомъ мы не успѣли еще сказать ничего. Начнемъ съ рыболовства морскаго.

VII.

Въ Каспійскомъ морѣ бываютъ три общественные лова: вёшній курха́й, осенній курха́й или жарко̀й ловъ и аха́нное рыболовство.

Морское рыболовство производится цѣлымъ обществомъ казаковъ не на всемъ пространствѣ войсковыхъ водъ, а въ опредѣленныхъ лишь для того участкахъ, а именно: оба курха̀я— съ правой стороны отъ устій Урала отъ Бабинской-косы до Порохови́ннаго-бугра́, а съ лѣвой стороны отъ Дуванной-косы вплоть до Граннаго бугра; аха̀нное же имѣетъ обширнѣйшіе предѣлы и производится — въ правой сторонѣ начиная

съ Маячнаго-бугра до бугра Пороховйннаго, а въ лѣвой сторонѣ отъ Воровскаго-Прорана до Граннаго-бугра.

Мѣста лова тоже опредѣлены: при обоихъ курха́яхъ рыбачатъ вдали отъ устьевъ, чтобы не помѣшать рыбѣ идти въ рѣку Уралъ, а въ аханномъ, то есть зимою, какъ можно ближе къ устьямъ, въ томъ вниманіи, что зимой рыба находится постоянно на избранныхъ ею мѣстахъ и въ Уралъ уже не входитъ.

Нельзя при этомъ не замѣтитъ, что стаи рыбъ, помѣстившіяся на зимовку вблизи самыхъ береговъ, не рѣдко гибнутъ ужасно: сѣверный вѣтеръ подо льдомъ сгоняетъ воду отъ береговъ; ледъ, прикрѣпленный къ береговымъ окраинамъ, не уносится вмѣстѣ съ водою, а всею тяжестію упадаетъ на дно и давитъ собою рыбу. Случается, по вскрытіи льда, и то, что внезапно поднявшійся вѣтеръ такъ быстро сгоняетъ отъ береговъ воду, что стада рыбъ не успѣваютъ уплыть вмѣстѣ съ волнами въ море и остаются въ до-того-тощихъ водою впадинахъ, что, напримѣръ, бѣлуга лежитъ тутъ, только на половину своей толщины увлаженная водою: она скоро дѣлается добычею какой нибудь ничтожной птицы, которая, въ сообществѣ себѣ подобной мелюзги, заклевываетъ несчастную и разрываетъ ее въ клочки. Вѣтеръ можетъ скоро стихнуть или перемѣниться, тогда море опять войдетъ въ свои предѣлы; а случается и то, что бурею такъ много приподниметъ воды къ противоположному берегу, что ходенёмъ ходящія волны сами собой идутъ назадъ, даже противъ напоровъ вѣтра.

Сильными вѣтрами совершенно распахиваетъ все дно у взморья, которое, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, высыхаетъ иногда верстъ на тридцать. Бѣда, коли такая погода застигнетъ аханщиковъ, да еще въ морозы; бурей разбиваетъ и ломаетъ ледъ страшно-огромными льдинами, такъ что непривычному человѣку и не въ-догадъ, что его отъ твердаго льда умчало въ открытое море, особенно если оторванная льдина занимаетъ пространство нѣсколькихъ десятковъ квадратныхъ верстъ, что, къ несчастью, повторялось неоднократно.

Много бываетъ и другихъ несчастій. Такъ въ 1845, или

*

въ 1846 году, воду отогнало тоже очень далеко; мореходныя суда совершенно обмелѣли; все дно морское зачерепи́ло морозомъ. Но, съ перемѣной вѣтру, пригнало снова воду; волны приподняли ледъ и погнали его къ берегамъ: острыми краями льдинъ, точно бритвой, изрубило всѣ снасти, срѣзало всѣ суда и нанесло страшные убытки несчастнымъ ловцамъ, потерявшимъ черезъ это до шестидесяти тысячь рублей вещественнаго капитала. Въ 1851 году, въ февралѣ, опять повторился подобный же случай: сѣвернымъ вѣтромъ съ сильною бурей и штормомъ взломало ледъ и уничтожило всѣ снасти и суда, а съ береговъ степныхъ загнало бездну скота, овецъ, особенно лошадей, въ Баксáй-рѣку и всѣхъ ихъ занесло бураномъ.

Для опредѣленія времени начала и окончанія того или другаго вида морскаго рыболовства, принято въ основаніе: а) по весеннему курха́ю — крайняя возможность ловли рыбы съ судовъ. Астраханскіе ловцы отправляются на подобный же ловъ гораздо раньше Уральцовъ, вывозя лодки и рыболовные запасы въ море по льду: по этому они начинаютъ рыбачить прежде чѣмъ морскіе берега совершенно ото льда очистятся. Уральцамъ можно бы, казалось, дѣлать тоже самое, но разница существенная состоитъ въ томъ, что Астраханцы, вольные ловцы, могутъ рыбачить въ открытомъ морѣ вездѣ, гдѣ найдутъ это для себя выгоднымъ, тогда какъ Уральцы, въ видахъ общественной войсковой пользы, ограничены, въ этомъ отношеніи, и мѣстомъ лова и извѣстнымъ, уже заранѣе обычаями опредѣленнымъ, количествомъ сѣтей: въ первомъ случаѣ берется во вниманіе вліяніе этого промысла на рѣчныя рыболовства; а во второмъ имѣется въ виду уравненіе правъ на добычу въ общественныхъ водахъ. б) На осенній курхай Уральцы выѣзжаютъ тоже позже Астраханцовъ и тоже по дѣльной причинѣ, именно потому, чтобъ не помѣшать рыбѣ, разгуливающей около береговъ, свободно входить въ устья Урала. в) Аха́нное рыболовство тоже могло бы начинаться ранѣе того, чѣмъ оно открывается, но и тутъ въ основаніе принимается тотъ расчетъ, чтобъ пойманная на аха́нахъ добыча не могла понизить цѣнъ на рыбу, пойманную при ба́греньѣ. Оканчивается аха̀нное рыболовство къ первому

марта, потому что въ это время ледъ въ морѣ начинаетъ изчезать и проѣздъ становится крайне опаснымъ.

На томъ основаніи, что въ морѣ, весною и осенью, рыба огромными стаями держится близь береговъ и, предпочтительно, въ тѣхъ мѣстахъ, куда достигаютъ прѣсныя воды Урала — права курха̀йскихъ ловцовъ на занятіе мѣстъ для лова бываютъ не одинаковы.

Предъ началомъ лова, съ Баксàйской-косы, или съ Пороховѝннаго-бугра, съ Гра̀ннаго-бугра и съ Ба̀бинской и Дува̀нной косъ, отъ берега вглубь моря, проводятся прямыя линіи выставкою кольевъ и пловучихъ знаковъ на легко видимомъ одинъ отъ другаго пространствѣ: эти прямыя линіи называются ба̀кенами. Въ первыхъ двухъ линіяхъ, какъ самыхъ отдаленныхъ отъ устьевъ, промышленники выкидываютъ свои сѣти по жеребью; но количество сѣтей ограничивается общимъ, между желающими тутъ рыбачить, опредѣленіемъ. Въ остальныхъ двухъ линіяхъ, право на выставку сѣтей, на основаніи давнихъ обычаевъ, опредѣляется войсковымъ начальствомъ, именно: каждый простой казакъ вправѣ выставить шесть сѣтей, а урядникъ девять; чиновникъ-оберъ-офицерскаго знанія выставлятъ вдвое противъ простаго казака; полковникъ втрое; а подполковникъ и войсковой старшина только въ два съ половиной раза противъ казака. Сколько вправѣ выставить Уралецъ генеральскаго чина и сколько полагается сѣтей на каждаго изъ двухъ, назначенныхъ атаманами, чиновниковъ и ихъ помощниковъ мнѣ неизвѣстно. Отставные чиновники штабъ-офицерскаго чина пользуются тѣми же правами, какія имѣли до отставки; а вдовы и жены чиновъ, находящихся въ отсутствіи, на службѣ, внѣ войсковыхъ предѣловъ — по званію своихъ мужей. Назначенное каждому количество сѣтей, промышленникъ обязанъ выставить въ три линіи, то есть, другими словами, каждому казаку отводится, по жеребью, такое пространство въ морѣ, чтобъ въ ширину своего участка онъ могъ выставить въ одну линію третью часть, предоставленныхъ ему по чину, сѣтей, полагая каждую сѣть въ двѣнадцать сажень; за этой первой линіей, онъ выставляетъ второй такой же рядъ сѣтей, и наконецъ третій рядъ. Стало быть, напримѣръ, войсковой

старшина занимаетъ своими орудіями доставшійся ему участокъ моря въ шестьдесятъ сажень ширины и въ каждой изъ трехъ линій выставляетъ по пяти сѣтей; простой же казакъ располагается на пространствѣ двадцати четырехъ сажень и выставляетъ только по двое сѣтей въ каждомъ изъ трехъ ихъ рядовъ. За этими опредѣленными тремя линіями, каждому казаку, какого бы онъ чину ни былъ, предоставляется полное право выставить сѣтей, сколько ему заблагоразсудится, гдѣ ему угодно и сколько онъ это въ силахъ сдѣлать.

Но такъ какъ весь снарядъ для морскаго лова обходится чрезвычайно дорого, потому что мореходныя суда, принадлежащія къ нимъ лодки, оснастка, прислуга, ея содержаніе, двухъ-мѣсячный запасъ провіанта, соль для посола рыбы, сѣти и всѣ принадлежности къ нимъ стоютъ большихъ денегъ, то казаку, и не простому, а даже иному полковнику, нѣтъ никакой возможности довольствоваться только тѣмъ числомъ сѣтей (а стало быть и улавливаемою посредствомъ ихъ добычею), какое ему предоставлено по общему обычному положенію. Между тѣмъ усилить свои средства и занять большимъ количествомъ судовъ и лодокъ мѣста за линіями — не всякому по силамъ и по карману. Чтобъ облегчить себя въ этомъ отношеніи, у Уральцовъ и введено въ обычай составлять компаніи, или какъ на ихъ языкѣ говорится — «артели». Но и въ этомъ случаѣ, чтобъ предотвратить монополію и не дать какой нибудь сильной артели захватывать море на большое пространство и въ лучшихъ при томъ для ловли рыбы мѣстахъ (а эти мѣста зависятъ отъ направленія вѣтра, въ данное время, и отъ сосѣдства съ устьями Урала) — войсковыми обычаями установлено: право каждой артели ограничивать только девяносто девятью сѣтями, по тридцати по три сѣти на каждую линію, или, круглымъ счетомъ, четырьмя стами саженями ширины морскаго участка, хотя бы, по числу компаніоновъ артели, она имѣла бы право и на большее пространство.

Въ артели на каждую лодку, не на парусное судно, а на весельную лодку, полагается по двѣсти сѣтокъ, каждая въ двѣ сажени, при четырехъ человѣкахъ рабочихъ, а на каждомъ суднѣ (морской расшивѣ или кусовой) круглымъ сче-

томъ полагается пять лодокъ. На лодкахъ заметываютъ сѣти; самое же судно служитъ «ста́номъ», или «ко̀шемъ», гдѣ сложены всѣ припасы и гдѣ наловленная рыба заготовляется и солится до отвоза на берегъ. Рыба складывается и солится рядами и ярусами въ трюмѣ. *

Прежде еще чѣмъ рыболовство откроется, всѣ промышленники съѣзжаются въ Гурьевъ-городокъ и тамъ, по своему выбору и желанію, записываются у атамана, то есть начальника рыболовства, той или другой бакенной линіи. Предъ наступленіемъ срока окончательнаго выхода въ море, каждый атаманъ собираетъ всѣхъ казаковъ, изъявившихъ желаніе рыбачить во ввѣренномъ его надзору участкѣ, и, въ ихъ присутствіи, начинаетъ метать жеребій: кому именно, или какой именно артели, и гдѣ именно занимать въ морѣ мѣсто. Участки эти занумеровываются такимъ образомъ, что первый нумеръ считается съ трехчетвертной глубины отъ берега въ море; за нимъ идетъ второй нумеръ; тамъ третій, четвертый и такъ далѣе. Стало быть первый нумеръ ближе къ берегу, второй дальше, третій еще дальше и такимъ образомъ все глубже и глубже въ море.

Когда дѣло съ жеребьями будетъ покончено, и мѣста, счастливыя и несчастливыя, удачныя и неудачныя, раздадутся,

* Вѣрныхъ и точныхъ свѣдѣній о степени обширности этого лова представить нѣтъ возможности; причинъ на это много; одна изъ нихъ та, что полныя статистическія свѣдѣнія ведутся только съ 1846 года. Изъ полученныхъ мною свѣдѣній видно слѣдующее, конечно, многое лишь приблизительно, по новости дѣла.

На Курха̀нахъ находилось:

		Хозяевъ и компаніоновъ казачьяго сословія.	Рабочихъ:		Сѣтей.	Судовъ.	Лодокъ.	Бударъ.
			изъ-за Урала.	Киргизовъ.				
На вёшнемъ курха́.	Въ 1846 г.	1,146		774	60,105	70	326	85
	1847	1,512	—	736	43,249	87	321	—
	1848	1,460	176	592	39,855	55	308	—
	1849	795	15	605	34,759	63	313	123
	1850	1,266	13	773	49,766	63	345	173
На осенній курха́.	Въ 1846 г.	540	200	40	10,000	37	105	35
	1847	490	9	173	8,560	32	73	52
	1848	85	6	162	5,095	26	75	11
	1849	112	6	422	13,988	20	123	19
	1850	226	4	193	10,180	22	106	28

казаки выѣзжаютъ въ море и тамъ атаманъ прежде всего выставляетъ бакены, а потомъ уже въ этой, обозначенной бакенами, чертѣ отмѣриваетъ каждому промышленнику, или артели, слѣдующій имъ по жеребью участокъ. Самыми счастливыми и удачными мѣстами почитаются нумера седьмой, восьмой, девятой и десятой: въ остальныхъ все зависитъ отъ случая и удачи. Если вѣтеръ дуетъ съ моря, счастье клонится на сторону тѣхъ, которые расположились ближе къ берегу; перемѣнится вѣтеръ и подуетъ съ берега — счастье переходитъ къ тѣмъ, которые рыбачатъ дальше отъ береговъ. Выѣзжаютъ даже верстъ за восемьдесятъ отъ береговъ, — бываетъ и ближе, но преимущественно собираются верстъ за сорокъ и за пятьдесятъ отъ прибрежій.

Каждый казакъ - рыбопромышленикъ на отведенномъ ему участкѣ тотчасъ же выставляетъ всѣ сѣти; при благополучной погодѣ ежедневно нѣсколько разъ, а обыкновенно раза два, объѣзжаетъ свой участокъ, рѣдко самъ, больше дѣйствуетъ черезъ рабочихъ, «перебираетъ порядки», то есть осматриваетъ сѣти, вынимаетъ попавшуюся въ нихъ рыбу, отсылаетъ въ кошъ, то есть на станъ; порванные рыбою снаряды замѣняетъ новыми и распоряжается всѣмъ, чтобъ нигдѣ не упустить своихъ выгодъ. Разумѣется, чѣмъ больше попадаетъ въ сѣти рыбы, тѣмъ чаще перебираются и сѣти, и стало быть тѣмъ выгоднѣе для казака—хозяина, и тѣмъ больше хлопотъ его работникамъ; бываетъ и на оборотъ.

Вынутую изъ сѣтей рыбу везутъ, какъ я уже сказалъ, на станъ и тамъ ее «раздѣлываютъ», то есть распластываютъ и превращаютъ въ товаръ. Распластанную рыбу солятъ, вынувъ предварительно изъ нея икру, внутренности, хрящь и пузырь. Пузырь, или клейну, отмачиваютъ не менѣе сутокъ въ водѣ, чтобъ кровь на немъ не засохла; иначе онъ будетъ никуда негоденъ. Клейны вынимаютъ изъ воды въ ясную погоду; каждый пузырь разрѣзывается и разстилается на доскѣ, клейною вверхъ; когда она просушится, тотчасъ отдираютъ ее отъ плѣнки, называемой «сдиркомъ» и потомъ либо складываютъ клей въ пачки, листами, либо каждую клейну, то есть каждый листокъ ея, закручиваютъ и свертываютъ въ такъ называемый «корлухъ», либо въ подковку.

Сдирки съ клею, вмѣстѣ съ внутренностями, то есть съ потрохомъ, идутъ въ пищу рабочимъ; потрохъ этотъ очень вкусенъ, но народъ имъ пренебрегаетъ, а питается охотнѣе маленькими бѣлужонками, которыя, по мелкотѣ, въ продажу нейдутъ. Тутъ экономничать не любятъ.

Рыбій хрящь тоже сперва вымачиваютъ въ водѣ; потомъ изъ него вытягиваютъ, то есть изгнетаютъ изъ средины его рукою, при помощи большаго пальца, жидкое вещество называемое «скрыпъ», или спинной мозгъ, и такимъ образомъ превращаютъ хрящь въ «вязигу»; потомъ вязигу сушатъ, вяжутъ ее въ пучки, большею частью по двадцати пяти прутьевъ на пучокъ, и въ этомъ видѣ, то есть пучками, продаютъ, но уже не счетомъ, а на вѣсъ.

Рыбу разрѣзываютъ ножомъ по самой серединѣ тёшки и, распластавъ такимъ образомъ, солятъ пластами же, ярусъ на ярусъ. На сотню рыбъ, соли идетъ, глядя по обстоятельствамъ, восемь, десять и двѣнадцать пудовъ.

На Курхайскомъ рыболовствѣ, съ самаго начала лова, попадаетъ болѣе всего бѣлуга и, отчасти, осетры; но въ продолженіе самаго рыболовства ловится предпочтительно только одна севрюга, и самаго высокаго достоинства: другія породы не попадаются въ это время. Но какъ только начнутъ появляться сазанъ и севрюга съ вымётанною икрою—а это бываетъ около первыхъ чиселъ мая, то это служитъ уже вѣрнымъ признакомъ того, что красная рыба скоро изчезнетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ покончится и вся добыча. Тогда ужь начинаютъ казаки ловить чорную рыбу, но не всегда на продажу, а больше для собственнаго пропитанія. Въ старые годы, чорная рыба и провоза не стоила; но теперь, просоленная въ корень, она составляетъ замѣчательную статью торговли. Если сотня свѣжепосоленной рыбы вѣситъ, примѣрно, пятьдесятъ пудовъ, то пока ее довезутъ до Уральска, она успѣетъ уже повысохнуть и, стало быть, потерять часть своего вѣса, такъ что въ Уральскѣ, въ той же сотнѣ рыбъ, будетъ уже не 50, а только тридцать пудовъ вѣсу. Эта рыба не доходитъ до Москвы, а распродается по приволжскимъ губерніямъ и на нижегородской ярмаркѣ: въ жаркое лѣто, особенно къ концу, она совершенно высохнетъ и «затолокнѣетъ», а при неубе-

режьѣ, отъ воздуха и зарождающагося червя, особенно если рыба была некруто посолена, приходитъ въ негодность.

Уральцы приготовляютъ превосходнаго качества балыки; но не въ очень большихъ запасахъ, такъ что они не составляютъ значительнаго предмета торговли; рыба продается преимущественно соленою и сушеною, слѣдовательно вяленою, подъ названіемъ «коренно́й» или «жарко̀й». Послѣ этого товара, главныя статьи икра, клей и вязига. *

Обыкновенно на весеннемъ курха́ѣ добывается, однихъ только севрюгъ, отъ шестидесяти до семидесяти тысячь штукъ: стало быть, по меньшей мѣрѣ, получается отъ этого, кромѣ коренной рыбы, еще шесть тысячь пудовъ икры, сто пудовъ клею и сто пудовъ вязиги.

Вотъ изъ этой-то, преимущественно севрюжьей, икры Уральцы и приготовляютъ такъ называемую «па́юсную» икру (свѣжая, то есть малосольная, выдѣлывается изъ всѣхъ сортовъ красной рыбы). Считаю вовсе нелишнимъ изложить здѣсь уральскій способъ приготовленія икры.

Вынутая изъ рыбы икра кладется на грохо̀тку (длинное четырехугольное рѣшето особаго устройства, съ скважинами въ величину зеренъ икры); грохо̀тка эта накладывается на «чума́нъ» (родъ большаго корыта не съ развалистыми, а довольно у́зкими краями), либо на «пересѣкъ» (то есть лагу́нъ, или боченокъ, сдѣланный изъ липоваго дерева и распиленный на двѣ равныя части). Въ чуманъ, или въ пересѣкъ, наливается свѣжая вода и насыпается соль, сообразно съ пропорціей икры: эта посоленная вода называется «тузлу́къ». Для такъ

* Изъ сотни рыбъ, круглымъ счетомъ, получается:

вязиги 4 пучка, то есть 6 фунтовъ; цѣна	50 — 60	руб. асс. за пудъ.
клею 7 фун. (обыкновенно пудъ клею получается изъ 600 севрюгъ);	320	— — — —
икры 10 пудовъ;	40 — 50	— — — —
рыбы 50—60 пудовъ;	4	— — — —

Икра, клей и вязига идутъ въ Нижній-Новгородъ, въ Москву и, черезъ Ярославль, въ Петербургъ: прямо въ Петербургъ Уральцы товару на продажу не отправляютъ.

Провозныя цѣны (въ 1850 году):

въ Нижній:	изъ Гурьева 3 р. 50 к. ас.;	изъ Уральска 1 р. 30 коп. ас.
— { Москву / Ярославль	— — 4 р. 50 к. и 5 р. —	— 3 р. 50 к. и 4 р. ас.

называемой свѣжей икры идетъ фунтъ соли на пудъ икры (при свѣжей икрѣ воды вовсе не употребляется), а при выдѣлкѣ па́юсной икры расчетъ совсѣмъ другой. Чѣмъ тузлу́къ круче и солонѣе — тѣмъ лучше; но вся важность тутъ не столько въ количествѣ соли, сколько во времени, употребленномъ на посолъ, или, собственно говоря, въ продолжительности мѣшанія сырой икры въ тузлукѣ. Обыкновенно берется тузлуку́ въ полтора раза больше противъ пропорціи икры (именно на пудъ послѣдней нужно полтора пуда тузлуку́): засо́льщики, уже по величинѣ зерна, дѣлаютъ свои соображенія о томъ: долго ли нужно мѣшать въ тузлукѣ икру, чтобъ она совершенно просолилась? По окончаніи этой операціи, икра отливается въ рѣшо́та, тузлу́къ отдѣляется и идетъ на новые запасы икры. Въ то время, когда икра, положенная на грохо́тку, протирается, зёрна, падая сквозь отверстія рѣшета, въ чуманъ, оставляютъ послѣ себя на грохоткѣ слизи и жилы, или такъ называемыя «вы́бонни»; ихъ употребляютъ въ пищу пока онѣ еще свѣжи и вкусны; будучи же насыщены солью, онѣ горькнутъ и, какъ негодныя къ употребленію, бросаются. Когда вся икра проскочитъ въ чуманъ, то грохо́тки снимаются и потомъ уже засольщики начинаютъ ее мѣшать въ тузлукѣ «мѣша́лками», то есть шестами, длиною въ сажень, стесанными книзу лопаточкой. Когда икра «доспѣетъ», то есть осолится на столько, сколько нужно, и выльется на рѣшота, причемъ весь тузлу́къ стечетъ въ особое помѣщеніе, въ новый чуманъ, то ее перекладываютъ въ «пещерки» (пещеро́къ — небольшой рогоженный кулёкъ) и кладутъ подъ «жомъ» (гнётъ, прессъ) такой тяжести и на такое время, чтобъ изъ икры вся вода была выжата. Каждый пещеро́къ можетъ вмѣщать въ себѣ 3—4 пуда икры. Когда наполнятъ съ десятокъ такихъ, прессованныхъ уже, пещерко́въ, тогда икру окончательно перекладываютъ въ липовыя и, очень рѣдко, въ осиновыя бочки, изнутра обложенныя холстомъ, предварительно смоченнымъ въ рыбьемъ жирѣ. Эта икра называется «салфеточною». А то и просто икру перекладываютъ въ бочки, безъ холщевой обложки. Бочка икры вѣситъ съ та́рою 27 пудовъ, а brutto 25 пудовъ. Точно такая же икра укладывается, вмѣсто бочекъ, въ холщевые мѣшки для розничной

продажи и для «презентовъ» Высочайшему Двору: эта икра называется «мѣшóчною». Когда эта икра испортится, то есть совершенно высохнетъ, окрѣпнетъ и затолокнится, тогда она принимаетъ тотъ видъ, въ какомъ обыкновенно распродается въ мелочныхъ нашихъ лавкахъ, подъ исключительнымъ названіемъ паюсной икры, которую надо уже рубить хорошимъ ножомъ и жевать очень здоровыми зубами, чтобъ переработать ее для принятія въ желудокъ. «Садкóвая» икра — это общее названіе всякаго рода свѣжей, то есть малосольной, икры; она укладывается въ такъ называемые садкóвые или липовые боченки. Чистый вѣсъ ихъ четыре и пять пудовъ; въ самомъ боченкѣ считается тары, т. е. дерева, 25 фунтовъ. Полусадкóвый боченокъ считается вполы; а малые боченки бываютъ отъ 10 до 18 фунтовъ чистаго вѣса. Стало быть, выраженіе *настоящая* садковая икра неимѣетъ ровно никакого значенія, кромѣ того, что это такъ называемая свѣжая икра.

Балыковъ у Уральцовъ продается очень мало — во всемъ войскѣ пудовъ пятьсотъ, можетъ быть и больше, но ужь никакъ не болѣе тысячи пудовъ. Лучшіе балыки приготовляются изъ шиповъ и изъ осетровъ, а также и изъ бѣлуги. Высшіе сорты выдѣлываются въ Уральскѣ (тамъ пудъ балыка продается по 40 руб. асс.), въ Гурьевѣ городкѣ промышленность эта менѣе удачна (пудъ продается по 28 руб: асс:), потому что тамъ и слишкомъ жарко и слишкомъ сыро; да и рыбы хорошей не остается, кромѣ бѣлуги, почти никакой никогда, а вся лучшая рыба везется на продажу въ Уральскъ: оттого и балыки въ Гурьевѣ выходятъ не хороши.

Уральскіе балыки, безспорно, превосходны, но нельзя не замѣтить, что они уступаютъ въ своемъ достоинствѣ высшимъ сортамъ, то есть старательно приготовленнымъ, балыкамъ астраханскимъ и донскимъ. Уральцы отдаютъ даже предпочтеніе сальянской икрѣ передъ собственною своею, кромѣ бáгренной, и говорятъ, что причина этого заключается въ томъ, что ихъ, уральская икра, безпрестанно, во время пути отъ Гурьева и до Уральска, и отъ Уральска до обѣихъ столицъ, подвергается безперемежной тряскѣ, тогда какъ сальянская икра везется водой, постоянно, вслѣдствіе этого,

сохраняетъ въ себѣ надлежащую степень влажности, а отъ этого она и лучше, и мягче.

По окончаніи Курха́я, зажиточные промышленники весь товаръ, и рыбу, и клей, и вязигу, и икру, везутъ въ Уральскъ либо для продажи съѣхавшимся сюда иногороднымъ купцамъ, либо для отправленія собственными средствами во внутрь Россіи, по заказу, на ярмарки, особенно въ Нижній-Новгородъ. Менѣе состоятельные промышленники весь добытый ими рыбный товаръ продаютъ своимъ капитальнымъ собратамъ, икру и клей вѣсомъ, вязигу — пучками, а рыбу счетомъ, по-сотенно. При этомъ каждая, напримѣръ, севрюга, въ которой мѣры меньше аршина, считая отъ глаза до нарòста, или до «краснаго-пера», называется «недомѣркомъ»: два такихъ недомѣрка, или «чòлбыша», считаются за одну рыбу. Это правило, соблюдаемое, еще въ строжайшей степени, астраханскими капиталистами, у которыхъ за одну рыбу берется три «чолбыша»—учрежденіе очень старое: на него есть много указаній въ актахъ историческихъ, относящихся еще къ началу XVII столѣтія. Эта продажа, близъ мѣстъ добычи, производится на пристани у Сухой-Подстёпки, въ 12 верстахъ отъ Гурьева-Городка.

VIII.

Намъ остается теперь сказать нѣсколько словъ о послѣднемъ видѣ морскаго рыболовства, именно объ аха́нномъ.

«Аха́нное», или зимнее, морское рыболовство производится тѣмъ же порядкомъ, съ тѣми же жеребьями и съ тѣми же ограниченіями правъ рыбопромышленниковъ, какъ и на рыболовствѣ курха́йскомъ, съ тою разницею, что казаки выѣзжаютъ въ море не на судахъ, а по льду, въ саняхъ. Называется же это рыболовство аханнымъ, потому что рыба тутъ ловится «аха́нами». Аха́ны — это такія же, двѣнадцати-саженныя въ длину, сѣти, какія употребляются и на курха́яхъ, съ тою разницею, что въ сихъ послѣднихъ сѣти имѣютъ по 18 ячей при двухсажéнныхъ стѣнкахъ сѣти, у аха́новъ же считается тоже 18 ячей, но ячеи эти нѣсколько мельче, да и стѣнки, то есть ширина, сѣти бываютъ обыкновенно пятисажéнной мѣры, или и глубже. Впрочемъ обыкновенно бываетъ

такъ, что чѣмъ дальше въ море, тѣмъ крупнѣе ячей, потому что на глуби и рыба крупнѣе водится.

Аха́ны употребляются такимъ-образомъ, что сначала на льду пробиваютъ проруби прямыми линіями. Конецъ ахана привязывается къ длинному шесту, посредствомъ котораго сѣти эти и тянутся во всю линію, занимая каждая по двѣ проруби. Чтобъ проще пояснить это, представимъ себѣ двѣ проруби, разстояніемъ одна отъ другой на двѣнадцать сажень; одну прорубь отмѣтимъ буквою *а*, другую буквою *б*. Сначала аханъ просовывается въ прорубь *а*; одинъ его конецъ, придерживается подво́рою на поверхности проруби, посредствомъ палки или доброй жерди; другой конецъ просовывается «прогно́момъ», то есть шестомъ съ шишкой на концѣ, до проруби *б*; тамъ онъ вынимается посредствомъ багра́ на поверхность льда и опять нацѣпляется, надъ прорубью, на палку. Отъ нижней поверхности льдины до дна морскаго, глубина бываетъ разная, и семь сажень, и мельче, и глубже; а глубина, или «стѣнь» аха́на имѣетъ пять, а если ячейки очень крупны, то и болѣе, сажень. Аха́нъ никогда не бываетъ крѣпко натянутъ— (иначе рыба будетъ понимать грозящую ей опасность), а держится «на́-слабкѣ», то есть въ водѣ играетъ; рыба на ходу тоже «суводи́тъ», то есть производитъ неравномѣрное колебаніе окружающей ее влаги: отъ этого она не замѣчаетъ аха́на и запутывается въ немъ; да и вообще ее загоняетъ, наталкиваетъ на аха́нъ теченіемъ, которымъ самоё её несетъ въ ту или другую сторону. Разумѣется, что въ сильные вѣтры рыбы не ловится; потому-что бурнымъ теченіемъ поднимаетъ всѣ аха́ны, не смотря на пригрузки.

Аха́нъ нижнею подво́рою касается почти самаго дна морскаго; если глубина будетъ простираться даже до семи сажень, то широкая «стѣнь» аха́на, вымокшая и тяжелая, опускается ниже и ниже въ воду: а такъ какъ рыба идетъ почти у самаго дна, то ее на аха́ны и наноситъ.

Аханы выставляются рабочими по указанію хозяевъ, которые сами ѣздятъ съ ними по морю и указываютъ гдѣ нужно «выставить мѣсто», то есть поставить аханъ. Рабочая артель (уже не въ смыслѣ компаніи) состоитъ изъ четырехъ, а двой-

ная изъ осьми работниковъ *. На обязанности этихъ рабочихъ лежитъ нѣсколько разъ въ день «наслушивать» аханы, то есть взяться рукой за конецъ ахáна и, по тяжести его, сообразить попала-ли въ него добыча. «Наслушавъ», что въ ахáнѣ есть что-то, работникъ вытаскиваетъ его изъ проруби (спустивъ, разумѣется, одинъ конецъ и вытягивая вонъ изъ проруби за другой) и вынимаетъ изъ него либо осетра, либо севрюгу, либо шипа, либо бѣлугу, а не то и просто большущую льдину. Опорожнивъ аханъ, работникъ снова опускаетъ его въ воду.

На аханное рыболовство выѣзжаетъ казаковъ гораздо меньше, чѣмъ на прочіе морскіе промыслы**. Причина та, что обзаведеніе ахáнщика стóитъ очень дорого, а это не всякому Уральцу съ руки и возможно только людямъ зажиточнымъ, а зажиточностію славятся большею частью одни Гурьевцы. Изъ нихъ выдаются такіе богачи, что выѣзжаютъ подводахъ на пятидесяти, то есть имѣютъ до пятидесяти человѣкъ работниковъ. Всякому казаку на каждый возъ необходимо имѣть: работника, лошадь съ збруею и попоною, сани со всѣмъ прибором, пятьдесять штукъ ахáновъ, а каждый ахáнъ стóитъ отъ рубля до полуторыхъ рублей серебромъ: это ужь одно составляетъ значительный капиталъ, если присовокупить къ тому двухъмѣсячный запасъ провіанта и фуража. Кромѣ того, на каждый ахáнъ нужно имѣть достаточный запасъ дубильной травы (кермéка), на каждый ахáнъ нуженъ камень, фунтовъ семь или восемь, да конецъ веревки, сажени въ 3½ или въ четыре,

* Кромѣ этой рабочей артели, въ аханномъ рыболовствѣ бываютъ артели и самихъ хозяевъ, то есть компаніи казаковъ-промышленниковъ; эти артели, на общемъ основаніи, занимаютъ участки по жеребью же.

** Изъ сообщенныхъ мнѣ въ Уральскѣ войсковымъ начальствомъ свѣдѣній, видно, что за послѣдніе пять лѣтъ обширность аханнаго рыболовства выражалась слѣдующими данными:

	Войсковыхъ чиновниковъ и казаковъ.	*Рабочихъ:*		*Число ахановъ.*
		Иногородныхъ.	*Киргизовъ.*	
Въ 1846 году	425	неизвѣстно.	17	неизвѣстно.
— 1847 —	131	8	297	22,163
— 1848 —	319	20	307	29,745
— 1849 —	267	19	253	30,935
— 1850 —	214	24	324	32,595

да шесты для прого́новъ, да жерди для кольевъ, на которыхъ аха́нъ придерживается у проруби: мелочей, хотя и ничтожныхъ, но все же имѣющихъ цѣнность, тутъ множество; стало быть и одинокому казаку-небогачу, на свой единственный пай, расходовъ приходится очень много.

На аха́нномъ рыболовствѣ ловится предпочтительно бѣлуга; очень мало бываетъ осетровъ. Старики разсказываютъ, что въ давнія времена въ аханы попадались бѣлуги пудовъ въ двадцать, даже въ сорокъ и больше, а осетры пудовъ въ восемь и въ девять; но теперь считается большою рѣдкостью поймать двадцатипудовую бѣлугу или семипудоваго осетра. Севрюги въ аха́ны попадается довольно; порядочно бываетъ и шипа и бѣлорыбицы.

Рыба здѣсь не раздѣлывается, то есть не распластывается и не солится; вообще у нея распарывается одна только тёшка и выдѣлывается клей и икра, но уже не вязига: она, вмѣстѣ съ внутренностями, остается въ рыбѣ, которая и продается цѣльною, то есть «коло́дкой». Икра приготовляется въ началѣ лова малосольною, то есть, что́ мы называемъ, свѣжею, а подъ конецъ лова—паюсною, извѣстными уже намъ, изъ предъидущаго, способами.

Аханная рыба, замороженная на мѣстѣ лова, и икра * рас-

* На аханномъ рыболовствѣ, по разсказамъ старыхъ рыбопромышленниковъ, зис ужинающихъ, по видимому, полнаго довѣрія, ловится, примѣрно:

Бѣлуги	отъ 30	до 40,000	пудовъ.
Шипа		до 1,000	—
Севрюги		до 5,000	—
Бѣлорыбицы (кромѣ бѣлорыбицы, *другихъ породъ черной рыбы*, въ аханахъ не ловится)		до 500	—
Осетры — составляютъ рѣдкое исключеніе			
Икры всего-на-все на аха́нномъ рыболовствѣ добывается		до 2,000	—

Клей продается и окончательно приготовленный, и сырой, вмѣстѣ со сдирко́мъ. Сырой клей скупается въ Гурьевѣ, потому только, что онъ дешевъ на видъ, и именно, при цѣнѣ въ 320 руб ас. за пудъ чистаго клея, платятъ 60 рублей ас. за пудъ сыраго клея со сдирко́мъ. Извѣстно, что изъ четырехъ фунтовъ такого клея получается ровно фунтъ чистаго. При этомъ надо замѣтить, что сдирокъ составляетъ 30 — 50% общаго вѣса свѣжей кленины; онъ никуда нейдетъ въ дѣло; обдѣланный и высушенный, клей теряетъ $^3/_4$ первоначальнаго вѣса.

Бѣлужья икра, вынутая въ аха́нномъ рыболовствѣ, считается лучшимъ сортомъ.

Въ шипѣ икры бываетъ, сравнительно, меньше, чѣмъ въ осетрѣ или бѣлугѣ, одинаковаго съ нимъ вѣса.

купается въ Гурьевѣ поджидающими уже тамъ ловцовъ скупщиками этого товара и потомъ вывозится въ Россію черезъ Уральскъ, гдѣ со всей добытой аханами свѣжепросольной икры, при вывозѣ изъ войсковыхъ предѣловъ, взимается по ¹/₄ коп. сер. съ пуда пошлины въ войсковую казну.

Если ахàнная рыба послѣдняго лова прибудетъ въ Уральскъ уже во время оттепелей, и если не станетъ возможности отправить ее безъ поврежденія внутрь Россіи, то она упадаетъ въ цѣнѣ и распродается весьма дешево: изъ этихъ-то большею частью остатковъ, Уральцы и заготовляютъ балыки, которые, въ свое время, отправляются на нижегородскую ярмарку.

Въ аханы нерѣдко попадаютъ тюлени. Въ войсковыхъ дачахъ тюлени водятся въ весьма значительномъ количествѣ. Но такъ какъ они ложатся на островахъ и косахъ, находящихся противъ устьевъ Урала, то, изъ опасенія, чтобы шумъ, производимый при тюленьемъ боѣ, * не пугалъ рыбы и не препятствовалъ ходу ея изъ моря въ Уралъ, Уральцы не ходятъ на добычу тюленя.

Въ бакенной линіи, которая проводится по близости береговъ, ловъ производится только до того времени, пока не наступятъ постоянные морозы. Какъ только такіе морозы настанутъ — казакъ со всѣми припасами отправляется въ глубь моря, верстъ за полтораста и за двѣсти, искать ятовей, то есть просто на-удалую, искать счастья и рыбной добычи, и ѣдетъ до тѣхъ поръ, пока не встрѣтитъ такого тонкаго льда, что онъ и гнется и ломится подъ санями и отбиваетъ у казака всякую охоту ѣхать еще дальше въ открытое море.

Удалой Уралецъ, при неудачѣ въ ловѣ, молится горячими молитвами, чтобъ Господь послалъ ему съ берега вѣтерокъ: это значитъ, что казакъ желаетъ, чтобы вѣтромъ оторвало льдины отъ береговъ, пододвинуло ихъ подальше, а вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобъ и его подальше отнесло въ глубь моря, гдѣ ему думается найти неисчерпаемое обиліе рыбы. Это-то и называется «быть въ относѣ», что̀ впрочемъ нерѣд-

* О тюленьемъ боѣ астраханскими промышленниками я напечаталъ въ прошломъ 1854 году отдѣльную статью въ журналѣ „Пантеонъ“.

ко совершается далеко противъ желанія рыбопромышленника и такъ нежданно, что одна половина артели остается на одной льдинѣ, а другая на другой.

«Относъ» дѣло не шуточное, однакожь и не всегда опасное, разумѣется не для насъ, привыкшихъ ко всѣмъ удобствамъ дороги, горожанъ, а для такого отчаяннаго удальца, каковъ уральскій казакъ. Неопасно оно оттого, что пространство между берегомъ и отнесенною отъ него льдиной, точно какъ около мели, скоро замерзаетъ, черезъ что промышленнику представляется возможность сообщенія съ Гурьевымъ. Надо замѣтить и то, что на морѣ, ледъ, въ сравненіи съ рѣчнымъ льдомъ, при одинаковой толщинѣ, гораздо крѣпче, или, какъ Уральцы говорятъ, вязче: подъ человѣкомъ, или подъ обозомъ, онъ сильно гнется, однакожь далеко не такъ скоро подламывается, какъ это бываетъ на рѣкѣ.

Чѣмъ глубже въ море уѣзжаетъ казакъ на саняхъ, тѣмъ положеніе его становится опаснѣе и опаснѣе, нежели какъ было около бакеновъ. Здѣсь, вблизи устьевъ, около острововъ и мелей, ледъ прочный и, какъ Уральцы выражаются, стоячій; тамъ, въ открытомъ морѣ, онъ ходячій, то есть безпрерывно перемѣняющій свое положеніе; здѣсь, кругомъ промышленника — сосѣди и всюду виднѣются артели его товарищей-казаковъ; тамъ казакъ, совершенно какъ въ пустынѣ, одинокъ, окруженъ только своими рабочими и оторванъ отъ цѣлаго міра; здѣсь живетъ онъ рѣшительно какъ дома, безъ особенно тяжкихъ заботъ; тамъ дрожитъ за каждую минуту, зная, что жизнь его виситъ на волоскѣ.

Каждая артель размѣщается особымъ станомъ, становищемъ, кошемъ; это — кошары, войлочные шатры, на подобіе киргизскихъ джуламеекъ, въ видѣ усѣченнаго конуса. Внутри кошаровъ, на снѣгу, разложены пучки камыша и подстилки изъ сѣна, замѣняющія всякую мебель, диваны и кровати; въ самой серединѣ расчищено мѣсто для огня. Вокругъ кошаровъ разставлены сани, къ которымъ привязаны лошади, защищаемыя отъ холоду и бурановъ (снѣжныхъ мятелей) длинными и широкими войлочными попонами. Лошади сберегаются за изгородью, устроиваемою изъ заготовленнаго для топлива ка-

мыша, мѣшковъ съ овсомъ, иногда сѣна и прочаго. По мѣрѣ того какъ измѣняется направленіе вѣтра — и изгородь переносится на другую сторону кошаровъ.

Надобно замѣтить еще и то, что когда море покрывается льдомъ, то ледъ этотъ время отъ времени по немножку ломаетъ и крошитъ. Отъ этого на льду образуются ледяные бугры и кочки — это «храпы». Тутъ, льдины, нагроможденныя одна на другую въ безпорядкѣ, подвергаются постоянному вывѣтриванію; если ихъ растопить въ котлѣ, то соляныя частицы выпаряются и остается чистая вода: эту-то воду и пьютъ люди, а самъ по себѣ ледъ и соленъ и горекъ. Но чтобъ поить лошадей, къ этой операціи прибѣгать невозможно: топлива мало; его надо беречь; лошадямъ задаютъ толченые храпы, и коли случится — то онѣ и снѣгъ ѣдятъ. Конечно, отъ этихъ лишеній лошади очень худѣютъ, но за то онѣ весной отъѣдаются въ волю.

Недавно, мы имѣли случай читать описаніе бѣдствій, претерпѣвасмыхъ аханщиками на морѣ (въ Москвитянинѣ, за 1854 годъ). Авторъ, самъ казакъ и самъ, какъ видно, на дѣлѣ знакомый съ ахàннымъ рыболовствомъ, чрезвычайно картинно и съ сочувствіемъ изобразилъ бѣдствія своихъ товарищей по промыслу. Вотъ, въ краткихъ словахъ, смыслъ его разсказа, въ связи съ переданными мнѣ въ Уральскѣ свѣдѣніями.

Непревычному къ морю человѣку очень трудно сначала догадаться, что онъ находится «въ относѣ». Отломленныя льдины бываютъ иногда длиной верстъ въ тридцать, въ сорокъ и даже въ пятьдесятъ. Если промышленникъ находится въ серединѣ такой льдины, то ему и въ умъ не прійдетъ, что его несетъ по морю: этого незнакомый съ дѣломъ человѣкъ ни почему примѣтить не можетъ: льдина движется тихо и народъ, на ней находящійся, рѣшительно не чувствуетъ этого движенія. Отломъ льдины, конечно, сопровождается трескомъ, но случается такъ, что или люди проспятъ этотъ трескъ, или трескъ, раздавшійся вдали, не донесется до ихъ слуха. Они узнаютъ объ этомъ либо по пугливымъ движеніямъ лошадей, либо по киданію лота, либо по солнцестоянію. Они помнятъ, что легли спать головой къ востоку, а теперь, проснувшись, видятъ, что изголовья ихъ очутились на западъ: вѣрный при-

*

знакъ, что льдину оторвало и перевернуло въ сторону. Ни мало не медля, они опускаютъ лотъ, то есть канатъ съ привязаннымъ къ нему камнемъ, и еще вѣрнѣе убѣждаются, что находятся не на стоячей, а на пловучей льдинѣ. Этотъ же самый лотъ указываетъ и на теперешнюю ихъ глубину и на качество морскаго дна: мягкое ли оно, или песчаное, или илистое. Промышленики не теряютъ присутствія духа и довольно спокойно продолжаютъ рыбачить, потому-что знаютъ по опыту, что разстояніе между ихъ льдиной и «чернями», то есть взморьемъ, Богъ дастъ, скоро занесетъ молодымъ льдомъ и скуетъ морозомъ — тогда можно будетъ убраться домой подобру-по-здорову. Не занесетъ полыньи морозами и не свяжетъ оторванной льдины съ твердыми льдами въ черняхъ — такъ и это не бѣда: рано ли, поздно ли — все же ее принесетъ легонечко къ новой сплошной ледяной массѣ, не тутъ, такъ въ другомъ мѣстѣ на Кіянь-морѣ (такъ Уральцы зовутъ Каспій), либо у Марышлака (такъ Уральцы называютъ полуостровъ Мангышлакъ), либо у Колпиннаго-Кряжа (окра́ины полуострова Бузачи).

Когда «зары́къ», то есть разсѣлина между льдинами, полынья́, подмерзнетъ, хоть на полтора или на два вершка толщины, Уралецъ преспокойно перебирается на крѣпкій ледъ; но такъ какъ тутъ очень легко случиться, что сани его будутъ проваливаться, то сметливый казакъ подвязываетъ къ ихъ задку́ арканъ, а конецъ его затыкаетъ себѣ за кушакъ. Чуть только ледъ хрустнулъ, подломился и сани окунулись въ волны, казакъ выскакиваетъ изъ нихъ на ледъ, тянетъ сани изъ провала за арканъ, облегчаетъ ихъ отъ излишней тяготы и груза, выбрасывая рыба-по-рыбѣ добытую поклажу, и опять ѣдетъ-себѣ впередъ.

Если разсѣлины не широки, не шире, по крайней мѣрѣ, полуторыхъ аршинъ, то казакъ, въ крайнихъ случаяхъ, спасается, перескакивая съ льдины на льдину; на этакомъ пространствѣ и лошадь, безъ особыхъ понужденій, духомъ перемахнетъ черезъ щель вмѣстѣ съ санями. Но если пространство между пловучею льдиной и стоячимъ крѣпкимъ льдомъ очень широко и долго не замерзаетъ — такъ ужь тутъ казаку плохо приходится. Но русская натура—чудная натура! Казакъ и тутъ

не впадетъ въ унынiе, не повѣситъ носъ, не прiйдетъ въ отчаянiе, не скорчитъ безнадежной гримасы: онъ только лишнiй разъ-другой почешетъ въ затылкѣ, раскинетъ умомъ-разумомъ и, благословясь, принимается «мостить мостъ» изъ льдинъ.

Мостъ мостятъ вотъ какимъ манеромъ. Съ одного конца пловучей льдины, на которой стоитъ народъ, выкалываютъ пешнями (небольшими желѣзными ломами) длинный кабанъ льду и, на арканахъ, которыми его опутываютъ, подталкиваютъ его къ разщелинѣ, шестами и баграми приставляютъ его къ своей пловучей льдинѣ, у окраины которой вбиваютъ пешни и къ нимъ прикрѣпляютъ первый кабанъ. Потомъ идетъ въ дѣло второй кабанъ, тамъ третiй, и такимъ образомъ мостъ изъ льдинъ готовъ. Разумѣется, такiе мосты нельзя мостить при значительной ширинѣ разщелины. Въ такихъ случаяхъ казаку остается одно средство: махнуть по-морю аки по-суху—просто на саняхъ. Казакъ рѣжетъ лошадь, дѣлаетъ изъ шкуры два бурдюка, надуваетъ ихъ воздухомъ, подвязываетъ по бурдюку къ каждому полозу и, употребивъ, вмѣсто веселъ, оглобли, садится въ сани и ввѣряетъ себя велѣнiямъ судьбы. Онъ только жизнь спасаетъ, а вовсе уже не заботится о покинутой добычѣ и цѣнныхъ снарядахъ. Онъ знаетъ, что дастъ Богъ день, дастъ Богъ и пищу: а впрочемъ, что будетъ—то будетъ, а будетъ то, что Богъ дастъ: Его святая воля!

Но вотъ, не дай Боже, когда льдина шибко сойдется съ другою льдиной, когда начнется «ломъ»: раздается страшный шумъ, трескъ и стукъ ужасный, льдины ползутъ на льдины, огромные обломки ихъ трутся одни объ другiе, вертятся, одна на другую напираетъ, подпираетъ ее, вздымаетъ ее горой, громоздится еще выше и уничтожаетъ все на своемъ стремленiи: тутъ совершается едва вообразимыя уму сумятица и хаосъ. Отъ этого такъ называемаго «лома», въ разныхъ мѣстахъ моря, вздымаются цѣлыя гряды высокихъ бугровъ, называемыхъ «шиханами».

Уральцы, еще издали заслышавъ ломъ, начинаютъ чутко прислушиваться къ далекому стону и шуму и торопливо готовятъ лошадей. Если ломъ, сколько можно положиться на

чувство слуха, приближается къ нимъ, то промышленники кидаются искать спасенія, предоставляя себя инстинкту лошадей, которыя скачутъ въ противоположную отъ лома сторону. Если ломъ близко отъ кошаровъ, казаки бросаютъ все, и рыбу, и «збрую», то есть снасти, и ужь не думаютъ ни о «выдираніи» разставленныхъ въ морѣ ахановъ, ни о сбереженіи товара, ни о чемъ, а только, въ торопяхъ, захватываютъ за пазуху, сколько попадется хлѣба, садятся на лошадей, запряженныхъ въ пустыя сани, и мчатся, куда вынесетъ ихъ вѣрный конь. Но скоро ихъ встрѣчаетъ новое бѣдствіе: ледъ не сдерживаетъ, сани проваливаются, впереди страшныя полыньи, передъ глазами ходенёмъ-ходящія волны; съ каждымъ шагомъ ледъ становится тоньше и тоньше; у окраинъ его появляется «саушъ», то же что сибирская «шуга» — мелкія, жидкія, въ родѣ каши сгустившіяся льдинки; казаку, повидимому, нѣтъ ужь никакого спасенья — и онъ, опять уже при послѣдней крайности, начинаетъ готовить «пузыри», то есть бурдюки.

Участь бѣдныхъ животныхъ, не менѣе того, очень жалка. Когда казакъ былъ еще не въ явной опасности, и тогда ихъ, бѣдняжекъ, плохо кормили: вмѣсто воды, ихъ поили толченымъ льдомъ; овса въ запасѣ было мало: въ кормъ лошади подмѣшивали собственный ея навозъ. Но наступала пора, что казаку и самому ѣсть было нечего: онъ рѣзалъ лишнюю лошадь и питался ея «маханиной» (мясомъ); оставшіяся въ живыхъ животныя были безгласными зрителями ея мученій и издыханія, предчувствуя участь, имъ самимъ грозящую. Теперь, когда Уральцу надо думать только о самомъ себѣ, надо спасаться отъ бѣды, спасаться отъ товарищества привычной къ нему скотины, могущей присутствіемъ своимъ затруднить его избавленіе отъ видимой смерти, ему ужь некогда, ему нельзя милосердствовать къ безсловеснымъ; онъ прикалываетъ ихъ одну за другою или связавъ имъ ноги, сталкиваетъ ихъ съ льдины въ море; несчастный конь бьется подъ ножомъ, захлебывается въ волнахъ, старается какъ нибудь зацѣпиться за окраины и выползть, выскочить оттуда — но и послѣднія силы его оставляютъ: онъ гибнетъ и срывается подъ льдины.

Случалось, хотя и рѣдко, что и человѣкъ гибъ, потонувъ

въ морскихъ пучинахъ, либо замерзнувъ во время блужданія по неизмѣримому пространству покрытаго льдомъ моря. Случалось, что астраханскіе ловцы спасали отъ близкой смерти Уральца, безнадежно отнесеннаго въ морскую даль пловучими льдами, на которые ловецкое судно нечаянно наносило погодою или приманкою добычи тюленя-бѣлячка́. Случалось и то, что на Уралъ возвращался, едва волоча ноги, одинъ конь казачій, впряженный въ пустыя сани, въ которыхъ сѣдокомъ сидѣлъ лишь обледенѣлый трупъ хозяина, погибшаго голодною смертью: и не одно когда-то близкое ему сердце трепетно сжималось въ груди родныхъ и товарищей, которые набожно крестились объ упокоеніи души бездольнаго аханщика и тихо приговаривали: «царство ему небесное — не ной его косточки на томъ свѣту́»!

ПАВЕЛЪ НЕВОЛЬСИНЪ.

УРАЛЬЦЫ.

(*Посвящается Владиміру Ивановичу Далю*).

СТАТЬЯ ВТОРАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

IX.

По предположенному порядку, мы дошли до капитальныхъ видовъ рыболовства Уральскихъ казаковъ въ самомъ Уралѣ. Теперь рѣчь пойдетъ про ба́гренье, малое и большое, про неводное рыболовство, осеннее и зимнее, и про плавни́, вёшнюю и осеннюю, съ присовокупленіемъ краткихъ замѣтокъ о другихъ сторонахъ быта Уральцевъ.

Начнемъ съ ба́гренья.

Въ старые, хоть и не въ очень еще давніе, годы, ба̀гренье производилось не такъ, какъ оно теперь бываетъ. Прежде оно вотъ какъ водилось.

Въ назначенный для ловли день, казаки-промышленики съ разсвѣтомъ, а охотники и до разсвѣта, выѣзжали, въ числѣ нѣсколькихъ тысячь человѣкъ, на опредѣленное, заранѣе назначенное, сборное мѣсто, за нѣсколько верстъ до той ятови, которую предполагалось на этотъ разъ «разба́грить».

Каждый казакъ выѣзжалъ въ маленькихъ одиночныхъ санкахъ, въ которыя впряжена была привычная къ суматохѣ, но горячая и легкая на ходу лошадь. Въ саняхъ у казака заготовленъ былъ разный запасъ: пешня́, чтобъ пробить прорубь; лопата, чтобъ расчищать ее и выбрасывать изъ нея ледъ; нѣсколько багровъ, чтобъ вонзать ихъ, одинъ за другимъ, или глядя по надобности, черезъ прорубь, въ рыбу, и одинъ или два подба́гренника, чтобъ подтянутую багромъ къ проруби

рыбу, ловчѣе подцѣпить и вѣрнѣй вытащить на ледъ. Багры укладывали на саняхъ такъ, что ихъ желѣзныя острія ровно лежали на гужáхъ хомута у оглобли, а багровúща тащились, сзади саней, по снѣгу. Багровúща эти, смотря по обстоятельствамъ, бываютъ разной длины, и въ шесть, и въ семь, и даже въ двѣнадцать сажень. Собственно багромъ называется заостренный крюкъ изъ одного желѣза, либо желѣза со сталью: онъ прикрѣпляется къ вязовой, а иногда и къ березовой, въ сажень длины, палкѣ, съ которою «счáливаютъ», то есть связываютъ одинъ или два шеста изъ длинныхъ и тонкихъ сосновыхъ либо еловыхъ жердей. «Подбáгренникъ»— тотъ же багоръ, только прикрѣпленный къ небольшому, аршина въ два съ половиной, вязовому шесту.

Когда народъ начиналъ, бывало, съѣзжаться на сборный пунктъ, — каждый казакъ старался занять своими санями выгоднѣйшее мѣсто и стать въ первыхъ рядахъ на такую позúцію, съ которой ему вѣрнѣе и удобнѣе можно было бы пустить лошадь во весь опоръ и мчаться на добычу. Шуму, гаму, споровъ, толкотни, брани, ругательствъ, толчковъ и драки бывало бездна; но «атаманъ» (начальникъ рыболовства) и при немъ нѣсколько человѣкъ «эртаýльныхъ» (урядниковъ и казаковъ, назначаемыхъ на помощь къ атаману для полицейскихъ распорядковъ) унимали шумъ, прекращали безпорядки и тутъ же, смотря по важности вины нарушителей благочинія, налагали наказаніе. Такъ-какъ дѣло было спѣшное, все точно горѣло, все требовало немедленнаго рѣшенія, то и расправа бывала самая короткая: у провинившагося казака обрубали багры и гужи́ — и дѣлу конецъ. Конечно, безъ затрещúнъ, заушéній и волосной расправы въ прежніе годы и тутъ необходилось; но все это дѣлалось живой рукой и право на участіе въ добычѣ не подвергалось никакимъ важнѣйшимъ нарушеніямъ. Но такъ-какъ дѣло было минутное, кипучее, гдѣ каждый дорожилъ мгновеніемъ, то конечно, для виновнаго, обрубленіе багровъ и гужей было наказаніемъ самымъ чувствúтельнымъ: занявшись исправленіемъ попорченной збруи, неуважившій, въ горячую минуту, чужихъ правъ казакъ, поневолѣ терялъ выгодное мѣсто, упускалъ дорогую минуту и оставался позади всѣхъ. Тому же наказанію подвер-

гали и того, кто не должнымъ, не прямымъ путемъ, а окольной дорогой проникалъ ближе къ ятови * и не честнымъ средствомъ старался очутиться впереди всѣхъ на сборномъ мѣстѣ.

Но вотъ ужь близко десяти часовъ. Народъ трепетно заволновался, чувствуя, что наступаетъ долго-жданное мгновеніе. Вонъ и пушкарь расхаживаетъ около орудія, и фитиль курится; всѣ ждутъ сигналу: какъ только выпалятъ изъ пушки, такъ всѣ и пустятся къ ятови. Отъ нетерпѣнія дрожь пробираетъ каждаго; мускулы лица судорожно напрягаются; чуткое ухо прислушивается къ малѣйшему шороху; глаза горятъ и точно лезутъ вонъ изъ орбитъ, слѣдя за всѣми движеніями и пушкаря, и атамана, и разсчитывая какъ бы предупредить сосѣдей промышлениковъ. Казакъ тутъ самъ не свой: сердце такъ и стучитъ въ груди, духъ такъ и замираетъ отъ ожиданія. И лошади какъ будто чуютъ сами къ чему ихъ готовятъ: то-и-дѣло прядутъ ушами и звонко бьютъ копытами о-земь; а глаза такъ и сверкаютъ, такъ и пышутъ огнемъ. Бывалые на скачкѣ кони ржутъ и, отъ нетерпѣпія, такъ и топочутъ копытами, такъ и перебираютъ ногами, такъ и пляшутъ на мѣстѣ; паръ такъ столбомъ и валитъ изъ расширенныхъ, медленно поводимыхъ ноздрей скакуна.

Не успѣлъ еще выстрѣлъ прогрохотать и отдаться эхомъ, какъ уже все кинулось къ рубежу. Самъ атаманъ, промаячивъ къ сигналу, бросился въ сани къ тому, у кого лошадь попрытче. Войско, цѣлой громадой, безъ памяти, летитъ впередъ. Тысячи народу гикаютъ въ бѣшеной скачкѣ; казаки мчатся къ ятови, стараясь обогнать одинъ другаго; крикъ, ревъ, вой, давка, сумятица страшная; каждый горячится, каждый изъ себя выходитъ; постигшее всѣхъ увлеченіе доходитъ до бѣшенства.

* Было уже сказано, что „ятовь“ есть то мѣсто, гдѣ рыба останавливается на зимнее пребываніе. Замѣчено, что рыба постоянно, изъ году въ годъ, собирается на однихъ и тѣхъ же лучшихъ ятовныхъ мѣстахъ. Эти мѣста всѣмъ извѣстны. Но кромѣ того, казаки вообще слѣдятъ за рыбой: они безпрестанно, особенно въ заморозы, ѣздятъ на рѣку, присматриваются къ движеніямъ рыбы и замѣчаютъ какая и гдѣ именно рыба выбираетъ себѣ мѣсто на зимовку, и не ошибаются въ этомъ оттого, что въ эту пору, особенно въ ясную погоду, рыба играетъ и всплываетъ на поверхность воды.

У кого лошади рѣзвѣе, тотъ выѣзжаетъ дальше всѣхъ впередъ, становится гдѣ ему удобнѣе и занимаетъ мѣсто какое ему понравится, только бы не переѣзжалъ за указанную на сей день границу; а у кого лошади поплоше—тѣ остаются позади и становятся, гдѣ мѣсто посвободнѣе.

Съ 1821 года эти порядки измѣнены. Поводомъ къ прекращенію скачки и къ замѣну ея пѣшимъ походомъ послужило то обстоятельство, что въ исходѣ 1821 года, по случаю перемѣнной погоды и большихъ оттепелей, ледъ на рѣкѣ Уралѣ былъ такъ тонокъ и ненадеженъ, что допустить скачку значило бы явно подвергать войско видимой и несомнѣнной опасности. Тогда и придумали учредить тотъ способъ, который наблюдается и понынѣ: войску дозволено выѣзжать къ сборному мѣсту на лошадяхъ съ санями, но казакамъ вмѣнено въ обязанность останавливаться и выжидать сигнала на берегу; а уже отсюда, вплоть до ятовей, пускаться къ рубежамъ не иначе, какъ пѣшкомъ, кому угодно — въ перегонку: мѣра чрезвычайно благоразумная, но, какъ все въ мірѣ, представляющая и своего рода выгоды и своего рода неудобства; но здѣсь важно то, что неудобства эти весьма чувствительно перевѣшиваются массою удобствъ и общимъ выигрышемъ въ общественномъ отношеніи.

Прежній образъ производства багренья былъ одною изъ важныхъ побудительныхъ причинъ къ тому, что каждый казакъ, что́ называется изъ кожи лѣзъ — обзавестись добрымъ скакуномъ.

Другаго рода выгоды состояли въ томъ, что при поломкѣ снасти, при надобности долгій багоръ замѣнить короткимъ, или на оборотъ, казакъ весь свой запасъ имѣлъ при себѣ, въ саняхъ, и не терялъ драгоцѣннаго времени, чтобъ прерывать занятія, оставлять добычу и бѣжать сломя-голову на берегъ, за запасною збруею, какъ это теперь дѣлается: пока казакъ взадъ и впередъ сбѣгаетъ сажень за сто, или болѣе — въ это время могутъ найдтись ему соперники и выловить всю рыбу, которая, по праву первоначальнаго овладѣнія, должна бы принадлежать ему.

Присовокупляютъ сюда иные еще и то обстоятельство, что у казака, отказавшагося отъ безумной скачки, могутъ совреме-

немъ, ослабѣвать тѣ чувства запальчивости, смѣлости, рѣшимости, безстрашія и проворства, которыя одинаково необходимы и для воина въ дѣлѣ, и для «багрáчéя» на бáгреньѣ. При прежнихъ скáчкахъ бывали примѣры, что неловкій и робкій казакъ подвергался большой опасности, отъ множества непредвидимыхъ случаевъ: у него, отъ худой запряжки коня, либо дугу выбьютъ, либо задѣнутъ за багры, за гужъ, либо все переломаютъ въ сумятицѣ; онъ неловко остановится, чтобъ привесть все въ порядокъ — на него наѣзжаютъ сзади скачущія сани, мнутъ его, ломаютъ ему руки, ноги, лошадь топчетъ его копытомъ — несчастія были возможны на каждомъ шагу: зная все это, казакъ и берегся отъ всякаго лиха. Такая предусмотрительность чрезвычайно быстро развивала въ немъ и духъ и тѣло.

Всѣ эти причины уважительны только отчасти, но не совсѣмъ, какъ читатель можетъ и самъ это видѣть: коней хорошихъ всегда можно пріобрѣсти, лишь стало бы на то охоты, да достатка, а объ азіатизмѣ и бѣшенной, безумной удали жалѣть иного нечего: разумная, сознаніемъ вызванная храбрость и упражненіями развитая ловкость всегда выше невѣжественнаго молодечества и случайной увертливости.

При новыхъ распорядкахъ на багреньѣ, права на добычу рыбы совершенно уравновѣшиваются *. Прежде какой нибудь бѣдняга казакъ стушевывался, уничтожался передъ богачомъ, потому-что только у богача или у зажиточнаго человѣка была несомнѣнная возможность содержать лихихъ и рѣзвыхъ лошадей: теперь и бѣднякъ не унываетъ и не теряетъ надежды на улучшеніе своей доли, доселѣ, быть можетъ, горькой, но теперь зависящей только отъ удачи, да отъ Божьяго благословенья. Богачъ при неудачѣ на багреньѣ не разорится въконецъ; а бѣднаго выручитъ изъ бѣды матерый осетеръ: уловленная рыба снабдитъ бездольнаго горемыку и хлѣбомъ, и сукномъ, и надежнымъ конемъ, и добрымъ оружіемъ, только бы Богъ послалъ счастья. Ужь это одно, при новыхъ порядкахъ, чрезвычайно важно для всей массы войска.

* Только женщины, да Башкирцы лишены права участвовать въ багреньѣ. Послѣдніе рѣшительно исключены изъ всѣхъ правъ на рыболовство и отъ сопряженныхъ съ тѣмъ обязанностей по внѣшней выкомандировкѣ на службу.

Кромѣ того, въ прежніе годы, каждый казакъ-промышленикъ, долженъ былъ имѣть для одного себя лошадь, збрую и всѣ рыболовныя принадлежности; онъ обязанъ былъ, задолго до-начала рыболовства, хорошо кормить коня овсомъ, что̀ здѣсь, на Уралѣ, составляетъ большой разсчетъ, потому-что овесъ дорогъ и сто́итъ временемъ до полтины серебромъ за пудъ: теперь этихъ совершенно лишнихъ и весьма цѣнныхъ для казака расходовъ нѣтъ, и, стало быть, большинство казаковъ, то есть люди недостаточные, бѣдные, облегчены очень и очень.

Въ прежнія времена нерѣдко случалось, что казаки, опережая одинъ другаго на скачкѣ къ ятови, иной разъ другъ у друга переламывали, а случалось и просто на-лету перехватывали, всѣ багры, такъ-что иной горю́нъ, прибывъ на ятовь и лишившись возможности добывать рыбу, долженъ былъ выкланиваться и вымаливать себѣ нужные инструменты у товарищей, которымъ багры были самимъ нужны.

Въ этихъ униженныхъ просьбахъ проходило время, когда дорога была каждая минута, потому-что каждая минута во время ба́гренья можетъ доставить казаку такія матеріальныя выгоды, какихъ онъ, въ другое время, не пріобрѣтетъ инымъ трудомъ, хотябы самымъ продолжительнымъ и самымъ утомительнымъ. Да кромѣ того, за снабженіе нуждающагося нужнымъ количествомъ багровъ да подбагренниковъ, иные добрые товарищи не упускали случая поживиться хорошими магарычами, которые, въ недобрый часъ, могутъ бѣда-какъ-жутко отозваться тому, кто въ нуждѣ прибѣгнулъ къ посторонней помощи: теперь эти случаи гораздо рѣже могутъ представляться.

Въ прежніе годы памятенъ былъ не одинъ примѣръ, что при скачкѣ, на багреньѣ, тому отдавили ноги, тому переломили руку, того санями переѣхали: теперь подобныя несчастія и невозможны.

Однимъ словомъ, при нынѣшнихъ распорядкахъ, выигрываетъ большинство, теряютъ очень немногіе, и то развѣ-лишь посторонніе зрители, для которыхъ уже прошла пора чудныхъ, раздражающихъ нервы и потому очень занимательныхъ живыхъ картинъ сумятицы, бѣшенства и доходившей до само-

забвенія жажды наживы, съ какими Уральцы пускались прежде въ скачку на ятовъ,

Теперь, какъ и прежде, съ наступленіемъ зимы, какъ только ледъ окрѣпнетъ дотого, что можетъ сдержать на себѣ, на данномъ, небольшомъ впрочемъ участкѣ, тысячь семь, восемь, даже десять тысячь, народу, Войсковая канцелярія опредѣляетъ заслуженнаго изъ чиновниковъ въ «атаманы», то есть въ начальники багреннаго рыболовства — а это отличіе рѣдко повторяется два раза въ продолженіе цѣлой жизни казачьяго чиновника—и назначаетъ день и мѣсто для багренья, опредѣляя для каждаго дня добычи извѣстныя границы, дальше которыхъ, на этотъ день, ни одинъ казакъ не осмѣливается переступать для ловли рыбы. Такія опредѣленныя на каждый день пространства называются рубежами. Каждый рубежъ войско проходитъ въ теченіе одного дня; въ праздники добычи не бываетъ, а происходитъ днёвка; въ слѣдующіе дни войско опять проходитъ отъ рубежа и до рубежа.

Во время «малаго багренья» войско совершаетъ свои походы, на пространствѣ около осьмидесяти верстъ (отъ города Уральска до Бударинскаго форпоста), дней въ пять, небольше. Во время «большаго багренья», отъ Бударинскаго до Калёновскаго форпоста, на пространствѣ ста десяти верстъ, полагается семь рубежей, именно:

Первый день, или первый рубежъ, отъ урочища Кервертистый ерикъ до Кожехаровскаго форпоста.

Вторый рубежъ—отсюда до Лбищенскаго форпоста;

Третій рубежъ — до Набатова-яра, повыше Горячинскаго форпоста;

Четвертый рубежъ—до Мергеневскаго форпоста.

Пятый рубежъ — до Каршовскаго устья, то есть до устья «старицы (то есть стараго главнаго русла) въ нынѣшній Уралъ.

Шестой рубежъ — до Сахарной крѣпости, или, собственно, до Сахаринскаго устья старицы.

Седьмой и послѣдній рубежъ — отсюда до Калёновскаго форпоста.

Въ то время, когда войско подойдетъ къ Калёновскому форпосту, дальнѣйшее низовье рѣки Урала бываетъ уже все

разбито только-что кончившимся тамъ такъ-называемымъ плавённымъ рыболовствомъ. Такъ-какъ, во время этого рыболовства казаки успѣютъ уже выловить тамъ почти всю красную рыбу, а остается лишь одна чорная рыба, то въ послѣдніе годы, именно съ нынѣшняго десятилѣтія, казакамъ дозволено, и на пространствѣ ниже Калёновскаго форпоста до самаго Гурьева-городка, по окончаніи багренья, рыбачить какъ кому угодно.

Первое багренье называется малымъ, а второе большимъ, именно потому, что при первомъ, сравнительно говоря, рубежей бываетъ меньше, чѣмъ при второмъ, которое, кромѣ того, бываетъ и продолжительнѣе, потому-что, считая тутъ дневки, оно производится въ теченіе 10—12 дней; да и рыбы на первомъ багреньѣ ловится гораздо меньше, чѣмъ на послѣднемъ.

X.

Въ назначенный для багренья день, раннимъ утромъ, всѣ казаки, имѣющіе право на участіе въ этомъ рыболовствѣ, съѣзжаются къ тому мѣсту, гдѣ начнется багренье. Каждый, вооружившись пешнёй, лопатой, парой багровъ и подбагренникомъ, становится на мѣсто, на берегу, стараясь быть поближе ко льду, чтобы удобнѣе оттуда броситься на рѣку и бѣжать на ятовь. Тишина соблюдается тутъ всевозможная, чтобъ не всполошить рыбу.

Ровно въ десять часовъ, по знаку атамана надъ рыболовствомъ, раздается пушечный выстрѣлъ и, въ тоже мгновеніе, народъ съ берега изчезаетъ. Не успѣешь глазомъ мигнуть, какъ казаки уже разсыпались по рѣкѣ, въ тысячѣ мѣстахъ пробили проруби и уже запустили туда багры, длинные, отъ собственной тяжести перегибающіеся, какъ соломинка съ полнымъ колосомъ, и несмѣтнымъ множествомъ, точно лѣсъ какой, мгновенно вырастающіе на всемъ пространствѣ рубежа.

Иной счастливецъ только-что съ размаха вонзитъ багоръ въ прорубь, смотришь — ужь вытаскиваетъ либо осетра, либо бѣлугу, одинъ, либо съ помощью артельщиковъ *, смотря

* Передъ начатіемъ рыболовства, казаки соединяются въ артели по нѣскольку человѣкъ, съ цѣлью помогать другъ другу на ловлѣ и добычу дѣлить поровну.

по величинѣ рыбы и по вѣрности, съ какой вцѣпился въ нее острый крюкъ багра. Другаго «угораздитъ» подцѣпить такую огромную рыбищу, что она сама вытащитъ у него изъ рукъ багоръ и, стремительностью своего бѣга, собъетъ съ ногъ разсчитывающаго на богатую поживу бѣдняка. Тотъ, съ горяча, забываетъ все на свѣтѣ, кромѣ добычи; взволнованный неудачею, казакъ, нисколько не думая о послѣдствіяхъ, въ тотъ же мигъ кидается въ воду, чтобъ поймать и бѣглянку и утерянный багоръ, если, разумѣется, ледъ около него такъ разобьютъ и искрошатъ пешнями, что откроется достаточная полынья. Двадцать градусовъ морозу казаку нипочемъ. Палимый жаждой добычи, онъ, стоя въ одной рубахѣ и въ холщевыхъ шароварахъ, вовсе не чувствуетъ холоду; но окунувшись въ рѣкѣ и потерявъ изъ виду сгинувшаго съ глазъ осетра, снова выскакиваетъ на ледъ и, не перемѣняя бѣлья, опять принимается за прежнюю работу, зная напередъ, что рубаха у него не обледенѣетъ, что она скоро сама на немъ высохнетъ. А обледенѣетъ — такъ и это не бѣда: стоитъ пробить двѣ-три проруби, да управиться съ двумя-тремя рыбками — казакъ какъ разъ согрѣется.

Иному счастливцу вездѣ удача и счастье, а иной что ни запуститъ багоръ, то пустышъ да пустышъ! Такая ужь полоса бездольная выдастся иному человѣку, что какъ ты ни бейся—все нѣтъ ничего! Бросаясь съ одного мѣста на другое, то тутъ, то тамъ безпрестанно пробивая проруби, безталанный казакъ нигдѣ не находитъ удачи; хоть бы на смѣхъ какая ни на есть рыбка на багоръ нацѣпилась: просто, хоть волкомъ вой. И точно: взвоетъ казакъ, разкручинится на безсчастье и съ досады, да съ отчаянья начинаетъ рвать на себѣ волосы. А тутъ вокругъ него ревмя-реветъ народъ, поджигая пособщиковъ, и разрѣшая взволнованную грудь радостнымъ хохотомъ, смѣшаннымъ съ бранью.

Но богатые казаки составляютъ у себя артели изъ работниковъ, которыхъ иные имѣютъ человѣкъ по сороку, и которымъ платятъ отъ 25 до 50 и даже до ста рублей, считая на ассигнаціи. Такъ-какъ въ этихъ случаяхъ багры и прочія принадлежности лова составляютъ собственность хозяина, то и весь уловъ отдается ему же, а работники довольствуются выговоренною платою.

— Язви тебя окаянный!.. Не видишь? Скорѣй! скорѣй подбагрь... кричитъ разсвирѣпѣлый казакъ, обращаясь къ товарищу.

— Живо, Митро, живо! не загуби моей душеньки!.. хватай его, хватай! молвитъ другой, подбивая пріятеля.

— Ой, братцы, помогите: не въ моготу пришло! кричитъ третій, расправляясь съ бѣлугой и ногой подшибая сосѣда, чтобъ хоть на немъ вымѣстить досаду, что самъ совладать съ рыбой не можетъ.

— Подбагри, Антипъ!.. Подбагри, Антонъ!.. Эва-на, каковъ звѣрь-отъ ползетъ! раздаются голоса со всѣхъ сторонъ.

Всѣ просятъ, кричатъ, бранятся, умоляютъ другъ друга и никто не слышитъ, да и слышать не хочетъ чужаго зову на помощь, когда у самого полонъ ротъ дѣла.

— Батюшка! — Слышь ты: отецъ!.. экъ онъ оглохъ, что ли? Эй, батька, тебѣ кричатъ: подбагри!.. Вишь, рыло-то воротитъ! Эй, батюшка!.. а, батюшка!.. да пособи жь, подбагри!..

Новички въ рыболовствѣ, казачьи малолѣтки, въ первый разъ на своемъ вѣку поддѣвши багромъ рыбу, приходятъ въ совершенное изступленіе. И радость-то, и страхъ упустить добычу, и необходимость посторонней помощи, до такой степени помрачаютъ въ нихъ въ эти минуты сознаніе своихъ отношеній къ самому близкому для нихъ человѣку, что, прося пособія, они, къ обычному крику, частенько присовокупляютъ такія выраженія, какихъ въ другое время, при другихъ обстоятельствахъ, имъ и въ умъ не пришло бы произнести. Но сказанное слово не воробей: его не воротишь; и часто плачется, и горько плачется молодой казакъ послѣ, раскаяваясь въ словѣ, сгоряча сорвавшемся съ языка.

Если вообще рыбы ловится мало, то «баграчеи» бросаются въ сани, скачутъ на другія мѣста, внизъ или вверхъ отъ неудачнаго участка, но непремѣнно въ чертѣ даннаго рубежа, пробиваютъ новыя проруби, и ищутъ новаго счастья. Тысячи народу распалены здѣсь одною мыслью, дышутъ одною надеждою, живутъ одною увѣренностью, что вся удача зависитъ отъ ихъ быстроты, смѣтливости, умѣнья, спѣшности и силы. При такомъ нравственномъ напряженіи и раздраженіи, въ казакѣ, частенько, притупляются всѣ самыя лучшія человѣ-

ческія чувства. Въ минуты горячей работы, это не люди, это какое-то скопище звѣроподобныхъ дикарей, которымъ чуждо все, что можетъ напоминать о ближнемъ, и которыхъ всѣ мысли устремлены лишь на наживу, на добычу. Добрые сами по себѣ, люди эти дѣлаются въ короткія минуты лова настоящими звѣрьми... но кинемъ ли мы первые въ нихъ камень? вспомнивъ о самихъ себѣ, о томъ, что насъ самихъ окружаетъ, обольемъ ли мы желчнымъ упрекомъ лихихъ, но подъ часъ терпящихъ нужду Уральцовъ, и отвернемся ли отъ нихъ съ негодованіемъ? Нѣтъ; поглядѣвъ кругомъ себя, мы только вздохнемъ, быть можетъ горько улыбнемся, и повторимъ вѣчно избитую, но примирительную фразу: «человѣкъ вездѣ человѣкъ!»

Трудно пріискать довольно словъ, чтобъ въ настоящемъ свѣтѣ представить полную картину общаго движенія народа при багреньѣ. Перегонка казаковъ при пушечномъ выстрѣлѣ; быстрота и стремительность, съ которою «войско» разсыпается между берегами; безпрестанное перебѣганіе тѣхъ, кому мало удачи, съ одного мѣста на другое, безчисленное множество маленькихъ прорубей, все болѣе и болѣе превращающихся въ большія полыньи; лѣсъ багровъ, опущенныхъ въ воду и колышущихся въ воздухѣ; обильные потоки крови, которая, вытская изъ раненой рыбы, окрашиваетъ снѣгъ и ледъ пурпуровымъ цвѣтомъ; безъумолчное, но звучное трепетаніе страшной массы рыбъ, скачущихъ на льду, прыгающихъ, и тщетно расширяющихъ огромныя жабры и челюсти, въ непривычной для нихъ средѣ, подъ ударами, недостаточно еще тяжкими для того, чтобы лишить ихъ послѣдняго дыханія — все это такъ развлекаетъ вниманіе, что не найдешься, растеряешься въ разнообразіи впечатленій, не знаешь на что упорнѣе направить взгляды.

На небольшомъ пространствѣ рубежа, вся рѣка покрыта толпами казаковъ: тутъ кишитъ кучами тысячь семь и больше, даже десять тысячь народу. Ледъ гнется подъ этою массою; въ иныхъ мѣстахъ подламывается, въ иныхъ просто грузнетъ, такъ, что баграчеи работаютъ, стоя на четверть въ водѣ. Иногда около казака, товарищи до такой степени искрошатъ ледъ пешнями, что ловецъ, помѣстившись на небольшой

льдинѣ, еле-еле на ней держится, почти со всѣхъ сторонъ окруженный пространною полыньей. Наконецъ и его льдинку, всего въ какую-нибудь сажень, отрываетъ, или и самъ онъ ее отобъетъ и, по незамерзшему пространству, переплываетъ на ней далѣе, внизъ по рѣкѣ. Завидѣвъ на пути мелькнувшую въ струяхъ рыбу, онъ мигомъ пускаетъ въ нее багоръ. Багоръ впивается около тёшки—но рыба встрепенулась и либо опустилась ниже, либо убѣжала вдаль. Жаль казаку разстаться съ добычей; онъ крѣпко держится за багоръ, но рыба не подается и идетъ все дальше. Льдина, на которой стоитъ казакъ, отъ этого грузнетъ; съ ней вмѣстѣ грузнетъ и казакъ, сначала по щиколотку, потомъ по колѣна, потомъ по-поясъ, потомъ по грудь; случается, что его и совсѣмъ свернетъ со льдины въ рѣку — но казакъ не теряетъ присутствія духа, ему нельзя, ему не слѣдъ теряться; въ рыбѣ онъ долженъ видѣть насущный кусокъ хлѣба, въ рыбѣ всѣ его надежды; нужда, тяжелая нужда нудитъ его владѣть собою всюду и всюду быть безстрашнымъ, русскимъ богатыремъ, подъ часъ истиннымъ героемъ. Конечно, любопытно, интересно, радостно видѣть передъ собою такіе подвиги безстрашія и молодечества.

Чтобъ не отвлекаться отъ предмета, скажемъ однако, что казаку надо родиться слишкомъ ужь подъ несчастной звѣздой, чтобъ при багреньѣ остаться совершенно съ пустыми руками: при багреньѣ, счастье, конечно, много значитъ, но оно не составляетъ еще исключительной причины большаго залова, а за то быстрота, сметливость и отвага играютъ тутъ самую главную роль. Рыбы здѣсь такая пропасть, она такъ легко поддается, такъ безхлопотно сама идетъ казаку въ руки, что если новичку, казачьему малолѣтку, случится выбагрить добрую рыбку, то никто изъ товарищей или родныхъ не скажетъ о немъ, что именно онъ поймалъ рыбу, а непремѣнно выразится, что рыба его поймала.

Какъ только первый пылъ въ войскѣ пройдетъ и заранѣе подмѣченная, или всѣмъ извѣстная ятовь будетъ разба́грена, очищена, выловлена, казаки начинаютъ расходиться и отправляются либо дальше внизъ, либо назадъ вверхъ по Уралу, въ чертѣ назначеннаго къ разбагриванью на тотъ день простран-

ства. Избравъ тутъ удобное мѣсто, казаки начинаютъ, цѣлою массою, пробивать въ линію проруби, впускаютъ туда по два багра и поджидаютъ рыбы. Должно замѣтить, что рыба, особенно бѣлуга, отъ шума на ятови, уплываетъ, иногда вверхъ по рѣкѣ, но больше всего бѣжитъ внизъ по теченію. Не забудемъ того обстоятельства, что до всполоха, рыба сгрудилась на ятови огромными стадами и находилась почти въ совершенномъ оцѣпенѣніи. Спасаясь отъ грозящей опасности, рыба, натурально, не съ разу можетъ возвратить себѣ прежнюю свободу и энергію движеній; поэтому-то, тронувшись съ мѣста, она по неволѣ должна бываетъ подчиниться естественному теченію рѣки и уплываетъ ниже. По этому и случается, что тѣ казаки, которые, въ пылу увлеченія, слишкомъ далеко разскакались впередъ, внизъ отъ присмотрѣнной ятови, вылавливали рыбы гораздо болѣе, чѣмъ сколько изловили бы ее въ самомъ логовищѣ.

Багренье у Уральцевъ начинается тѣмъ, что первая добыча этого лова повергается къ подножію Монаршаго престола. Это —«багренье на презентъ», или какъ въ народѣ говорится, «на первый кусъ», или «на царскій кусъ».

Уральцы доселѣ пользуются издревле Всемилостивѣйше дарованною войску привиллегіей представлять къ Высочайшему двору рыбу и икру. Желая, чтобъ икра эта была доставлена во дворецъ сколько возможно ранѣе, напримѣръ къ зимнему Николѣ (6 декабря), войско, при малѣйшей тѣни на возможность успѣха, начинаетъ багрить, по весьма тонкому льду, на ближайшей къ городу Уральску ятови; нерѣдко, по недостатку снѣга, презентъ отправляютъ изъ Уральска въ Петербургъ не на саняхъ, а на телѣгахъ: до такой степени казаки торопятся презентомъ. Въ тотъ же день, какъ поймаютъ рыбу, выдѣлываютъ изъ нея икру и въ тотъ же день все это отправляютъ въ Петербургъ. Излишне я думаю, повторять, что депутація, съ презентною икрой отъ войска, летитъ къ Царю по-курьерски. Кто на презентномъ багреньѣ поймаетъ рыбу, тотъ, въ вознагражденіе расходовъ на багры и прочее, получаетъ отъ войсковаго начальства, за каждую пойманную рыбу — за яловую по рублю, за икряную по два рубля серебромъ.

Ту рыбу, которая, по породѣ или по маловѣсности своей, не должна быть допущена къ отправкѣ къ Царскому столу— черезъ недѣлю, или черезъ двѣ, послѣ багренья, продаютъ * и, на вырученныя этою продажею деньги, покупаютъ, уже во время большаго багренья, по существующимъ цѣнамъ, лучшихъ яловыхъ осетровъ и вторично отправляютъ ихъ, въ концѣ декабря, или въ январѣ, въ Петербургъ, тоже ко Двору. Означенная продажа производится черезъ недѣлю или черезъ двѣ съ тою цѣлью, чтобы купившій рыбу не могъ доставить ее въ столицу для частной распродажи и чтобы «царскій кусъ» войсковаго добра былъ именно первымъ кусомъ.

Во время производства «малаго багренья», всѣ казаки располагаются ночевать невдалекѣ отъ предполагаемой на завтра къ разбагриванью ятови, по форпостамъ и хуторамъ, у родственниковъ, у знакомыхъ, или даже у незнакомыхъ, но гостепріимныхъ товарищей по оружію. Домохозяинъ кормитъ постояльца и безвозмездно даетъ сѣно его лошади. Казакъ считаетъ неприличнымъ, даже грѣшнымъ дѣломъ взять деньги съ товарища за то, что тотъ у него переночевалъ, или поѣлъ хлѣба-соли.

На «большое багренье», по отдаленности рубежей отъ города Уральска и по продолжительности лова, казаки отправляются съ полнымъ запасомъ продовольствія, для себя и для лошадей. Тутъ еще и та причина, что ниже Бударинскаго форпоста хуторовъ нѣтъ; форпосты маленькія, селенія не большія; хлѣбъ тамъ дорогъ. Поэтому очень немногіе пристаютъ къ близкимъ роднымъ и знакомымъ; большею же частью войско располагается на ночлегъ вблизи селеній, въ «кибиткахъ» и джулами́йкахъ; а у кого нѣтъ ни того, ни другаго, тотъ и та́къ ложится, просто подъ открытомъ небомъ. Казаки располагаются «табором», то есть станомъ, лагеремъ; разводятъ огни, навѣшиваютъ на ко́злы котлы, варятъ вариво изъ мяса, либо изъ рыбы; а сами толпятся и грѣются около костровъ, просушивая рукавицы, сапоги и иное прочее.

Поспѣетъ вариво — казаки закусятъ чѣмъ Богъ послалъ, за-

* Напримѣръ, въ 1849 году выручено продажею рыбы и икры, оставшихся отъ „презента“. 9,806 руб. серебромъ.

пьютъ зеленымъ виномъ, а не то и чистой водой, смотря по залову: много рыбы, такъ и вино будетъ; а неудача вышала — казакъ и безъ вина живъ будетъ. Покончивъ такимъ образомъ день, казакъ ложится спать, подкинувъ подъ себя войлокъ и укрывшись войлокомъ же, либо тулупомъ. Сонъ быстро сомкнетъ казаку вѣжди и вдоволь натѣшитъ казацкую душу разными видѣніями и сладкими, только во снѣ сбыточными, мечтами.

Но казакъ не поддается этимъ навожденіямъ. Сонъ его коротокъ и чутокъ; заботы не даютъ ему покоя долгаго и ненарушимаго. Уралецъ не одинъ разъ ночью проснется, да вскочитъ съ своего жесткаго ложа, да побѣжитъ заглянуть: есть ли у лошади овса, довольно ли у нея сѣна?

На зарѣ всѣ поднимаются. Одни ведутъ коней на водопой, другіе варятъ кашу. Таборъ въ полномъ движеніи. Къ разсвѣту все утихаетъ; лагерь снимается; войско ѣдетъ дальше, на новую ятовь. И опять день проходитъ по вчерашнему, въ трудѣ и въ суматохѣ; опять казакъ цѣлый день въ одной рубахѣ на холоду, на стужѣ, и опять, покончивъ день, ложится онъ на опочивъ, подъ открытымъ и морознымъ небомъ.

Казакъ морозу не боится, да некогда ему о немъ и думать. Частенько, при морозѣ, снѣжная мятель проберется казаку подъ зипунъ и всего его засыплетъ во время ночлега: но до мятелей ли, до бурановъ ли казаку, когда онъ спитъ и видитъ, и во снѣ и наяву грезитъ объ одной только рыбѣ, думаетъ объ одной только добычѣ, этомъ необходимомъ условіи его домашняго благосостоянія?

Вотъ, другое дѣло, когда багренье кончится, когда ужь нечего думать о рыбѣ, когда казакъ, возвращаясь домой безлѣсною голою степью, вдругъ, недуманно-негаданно, въ расплохъ, будетъ застигнутъ буранами и собъется съ дороги — вотъ тогда можно и о непогодѣ подумать, можно приложить попеченіе, чтобы не отморозить рукъ ли, ногъ ли, носу, либо уха. Такого рода бѣды случаются рѣдко: казакъ одаренъ способностью какъ-будто предъугадывать погоду. Заволокётъ небо, подуетъ вѣтерокъ, посулитъ онъ мятелицу — казакъ либо на форпостѣ пріютится, либо, пустившись въ путь, выбираетъ дорогу луговою стороной, такъ-какъ здѣсь

вѣрнѣе можно укрыться отъ мятелицы, то тутъ, то тамъ подъ стогомъ сѣна.

Продажа пойманной на багренномъ рыболовствѣ рыбы производится на мѣстѣ добычи. Купцами бываютъ тутъ либо своя братья-казаки, капитальные торговцы, либо иногородцы, наѣзжающіе сюда къ этому времени и неоставляющіе баграчéевъ ни на минуту. Во время багренья, войско идетъ походомъ, отъ рубежа до рубежа — купецъ слѣдомъ идетъ за нимъ по пятамъ; войско остановилось — купецъ не двинется дальше; войско начинаетъ рыбачить — купецъ ужь тутъ и стережетъ добычу.

Не успѣетъ казакъ вытащить на багрѣ рыбу, какъ ее тутъ же и покупаютъ, не выжидая конца дѣйствія, прежде еще чѣмъ казакъ выхлестнетъ рыбу на ледъ. Рыба еще въ водѣ, еще и не знать: какая она такая?—а купецъ ужь торгуется и зоркимъ взглядомъ впивается въ глаза казаку, какъ бы желая, по блеску ихъ, допытаться: матёрая ли или не матерая рыба подъ багоръ ему подвернулась?

Но казакъ хитеръ. Онъ смастеритъ такую гримасу, что довѣрчивый человѣкъ навѣрное подумаетъ, что ему прямо кладъ теперь дается. Взглянуть на казака, такъ по всему видно, что его томитъ грузная бѣлуга, или гигантскій осетрище. Простакъ-купецъ сулитъ цѣну; хитрый казакъ заламываетъ втрое, напрягаетъ мускулы лица и придаетъ своей физіономіи значительнѣйшее выраженіе. Купецъ съ-дуру вѣритъ, начинаетъ горячиться, мечтая о славныхъ барышахъ, сдается на приманку, соглашается въ цѣнѣ, въ попыхахъ самъ казаку подбагриваетъ — и, вмѣсто саженнаго осетрища, вытаскиваетъ аршиннаго осетренка. На томъ ужь свѣтъ стоитъ, что на легковѣріи однихъ устраивается выгода тѣхъ, у кого больше снаровки; а не рискнуть купцу — тоже нельзя, тоже кусочекъ хлѣбца повкуснѣе хочется и ему.

При этой распродажѣ происходятъ, едва ли не въ значительнѣйшей степени, нежели при другихъ случаяхъ, и покупка рыбы на глазъ, а не на-вѣсъ, и метаніе жеребьевъ между купцами, и распредѣленіе между ними «отсталаго», о чемъ мы уже имѣли случай разсказать раньше и подробнѣе; прибавимъ здѣсь только то, что при багреньѣ происходятъ самыя

горячія покупки: войско едва только достигаетъ конца рубежа, а дѣло по продажѣ давно ужь покончено.

Добыча цѣлаго войска въ тотъ же день вся раскупается, и вся эта операція длится никакъ не долѣе какихъ-нибудь двухъ-трехъ часовъ времени. А надо замѣтить, что по устному свидѣтельству весьма свѣдущихъ, въ этомъ дѣлѣ людей войсковаго сословія, ежедневно, при удачѣ, вылавливается триста, триста-пятьдесятъ, даже четыреста, даже пять сотъ возовъ рыбы (вѣсъ воза свѣжей рыбы полагается не менѣе 25, не болѣе 30, среднимъ числомъ въ 27½ пудовъ). Разумѣется, это бываетъ не сплошь и кряду, а очень рѣдко; но все-таки это показаніе важно, чтобъ осязательнѣе представить себѣ богатства Урала.

Купленную рыбу купцы тотчасъ же складываютъ въ сани и вывозятъ на сосѣдственные форпосты и хутора *; а тамъ ужь ее и раздѣлываютъ, то есть—изъ икряной приготовляютъ икру и выдираютъ клей только; самая же рыба, какъ поротая, такъ и яловая, колодкою замораживается (натуральнымъ образомъ, безъ обливанія водою и безъ обсыпанія снѣгомъ). Такъ-какъ покупка происходитъ ежедневно на разныхъ мѣстахъ по рубежамъ, а рыба развозится купцами по разнымъ селеніямъ, то она тамъ и остается, до тѣхъ поръ, пока багренье совсѣмъ не окончится и пока войско, а съ нимъ вмѣстѣ и купцы и прасолы, не станутъ возвращаться съ низу на верхъ, по пути къ Уральску. По мѣрѣ этого обратнаго движенія, прибываютъ изъ форпостовъ и возы съ рыбой и икрой, присоединяются къ казачьимъ подводамъ и все это, громаднымъ обозомъ, направляется въ Уральскъ (а иногда идетъ туда и прямо съ форпостовъ) для распродажи капитальнымъ партіоннымъ купцамъ и для разсылки во внутрь Россіи. Въ

* Иногда купленную рыбу увозятъ и не на форпосты, или хутора, а просто на указанное хозяиномъ, заранѣе избранное, на льду рѣки, мѣсто, гдѣ, на случай проживанія работниковъ, ставится кибитка, въ которой постоянно подлерживается огонь. Вотъ въ эту, такъ-называемую кошару, или и на форпостъ, или въ хуторъ, икряная рыба доставляется съ мѣста лова, укрытая войлоками. Вынутыя изъ этой же, икряной рыбы (потому-что яловая рыба не порется) клеины замораживаютъ; весной ихъ оттаиваютъ и тогда уже приготовляютъ клей, извѣстнымъ изъ предъидущаго способомъ

самомъ Уральскѣ значительнѣйшія партіи продаются по домамъ; на базарѣ же торгуютъ изъ мелочей.

Въ покупкѣ выбагренной рыбы, на самыхъ рубежахъ, самое дѣятельное участіе принимаютъ мелкіе капиталисты, даже такіе, которые еле-еле могутъ сколотить рублей двѣсти или триста серебромъ. Случается, что и того у нихъ не бываетъ; очень часто они прибѣгаютъ къ займамъ этой суммы у постороннихъ лицъ, платя, за самое короткое время, только за періодъ багренья, весьма значительные проценты.

Скупивъ на эти денжишки товару, мелочные скупщики спѣшатъ распродать его значительнѣйшимъ торговцамъ, чтобъ и капиталъ воротить, и получить на него какіе-нибудь барышишки. Если не выйдетъ полоса, если выгодно сейчасъ же сбыть рыбу прасолу не удастся—онъ торопится поскорѣй самъ приготовить икру: придержавшись только сутки, даже полсутки, онъ, этою задержкою, непремѣнно заставитъ покупщика отыскать его самаго и заплатить за одну рыбу, безъ икры, выгодную цѣну. Товаръ у прасола не залежится; онъ сбудетъ его непремѣнно, къ ближайшей отправкѣ возовъ, въ ту же ночь, или и въ слѣдующее утро, на ранней зарѣ (днемъ «дѣловъ» никакихъ не дѣлается и къ рашему обѣду всѣ счеты кончаются). Но день на день не всегда приходится. Иной разъ нѣтъ удачи; торгъ идетъ плохо, надежды не сбываются и прасолъ, по неволѣ, довольствуется тѣмъ, чтобъ сбыть товаръ по состоявшимся цѣнамъ. Бываетъ, что эти мелкіе торгаши выручаютъ, во время багренья, процентовъ пятьдесятъ и больше на свой капиталъ: а бываетъ и такъ, что они теряютъ изъ своего, или позаимствованнаго капитала, процентовъ пятьдесятъ, и больше: все — дѣло случая.

Рыбу и икру купцы отправляютъ въ Москву и въ Петербургъ, въ Казань и въ Ярославль и, отчасти, въ ближайшія сосѣдніе города.

Рыба первой ловли шлется исключительно въ столицы и преимущественно на тройкахъ: а потомъ ужь товаръ отправляютъ съ обыкновенными извощиками.

XI.

Неводныхъ рыболовствъ у Уральцевъ два, осеннее и зим-

нее. Названіе свое эти виды рыболовства получили отъ времени производства и отъ способа лова рыбы неводами.

Осеннее рыболовство производится одновременно съ плавённымъ; а такъ какъ при плавенномъ рыболовствѣ казаки вылавливаютъ всю красную рыбу до того, что ея въ рѣкѣ не остается почти вовсе, то неводчикамъ, то есть тѣмъ, кто рыбачитъ неводами, остается только довольствоваться крохами — ловить одну черную рыбу разныхъ сортовъ: сазана, судака, леща, же́реха (или жерёху) и другихъ. Но и эта добыча все-таки такъ значительна, что ее нельзя не отнести къ капитальнымъ операціямъ казаковъ на рѣкѣ Уралѣ.

Способъ производства рыболовства съ неводами общеизвѣстенъ: мы уже прежде имѣли случай сказать объ этомъ нѣсколько словъ, говоря о подобномъ же способѣ лова по Узенямъ и по чернымъ рѣчкамъ. Казаки рыбачатъ тутъ вмѣстѣ съ рабочими и занимаютъ мѣста по своему выбору; однако самыя операціи они производятъ по командѣ опредѣленнаго къ этому рыболовству атамана. Атаманъ распоряжается всѣмъ и командуетъ: какъ и когда начать ловъ, когда его покончить и когда сдѣлать дневку.

Осеннее рыболовство начинается отъ урочища «Тройная-Яма», между форпостами Редýтскимъ и Кандаýровскимъ и оканчивается у Гурьева-городка; а иногда продолжается и далѣе, въ морѣ, въ правую сторону отъ устьевъ Урала, отъ Маячнаго до Пороховóннаго бугра, а также въ рѣчкахъ Солёной, Баксаѣ и въ прилегающихъ къ нимъ ильменяхъ.

Урочище «Тройная-Яма», на рѣкѣ Уралѣ, славилось прежде такою глубиной, что казаки, участвовавшіе въ плавённомъ рыболовствѣ, при добычѣ здѣсь рыбы, подвязывали къ своимъ «ярыгамъ», то есть сѣтямъ особаго вида, тройныя сторожи. «Сторожемъ», или сторóжей» называется мочальная веревка, сажень въ десять или двѣнадцать длины: къ одному ея концу прикрѣпляютъ ярыгу, а за другой конецъ казакъ-промышленикъ держится руками. Въ «Тройной-Ямѣ», въ старые годы, столько бывало рыбы, то есть она «грудúлась» тутъ такъ плотно и густо, что казаки вылавливали ее сперва просто ярыгами съ одними сторожами: потомъ, по мѣрѣ вылавливанія верхнихъ рядовъ рыбы, они находились вынужденными

подвязывать вторыя сторожи. Когда и этимъ способомъ вылавливали всю рыбу и все-таки не всю ее извлекали, потому что ярыги не достигали до самой глуби — то подвязывали третьи сторожи: ярыги, по этому, опускали глубже и тогда только ятовь совершенно очищалась отъ послѣднихъ рядовъ таившейся тамъ рыбы. По увѣренію Уральцевъ, мѣсто это теперь обмелѣло и совсѣмъ обезрыбѣло.

Зимнее неводное рыболовство производится одновременно съ «большимъ ба́греньемъ»; большое багренье оканчивается у Калёновскаго форпоста, а зимнее неводное—начинается гораздо ниже отсюда, именно у форпоста Реду́тскаго; однакожь здѣсь, на пространствѣ отъ Редутскаго до Гурьева-городка, уловъ бываетъ такъ ничтоженъ, что про эту мѣстность и говорить бы не стоило, еслибъ она не занимала, по счету, перваго мѣста въ числѣ участковъ, на которые раздѣляется все пространство, проходимое войскомъ съ неводами.

И такъ, первый участокъ, бѣдный, простирается отъ форпоста Редутскаго до Гурьева-городка.

Второй участокъ, или «перетаскной», тянется отъ Гурьева-городка до Сухой-Подстёпки, давно обмелѣвшаго устья Урала.

Третій участокъ, называемый «брандвахтенскимъ», начинается отъ Сухой-Подстёпки и оканчивается на взморьѣ.

Четвертый и послѣдній участокъ, называемый «золотинскимъ», оканчивается у Золоти́нскаго (именно восточное) устья Урала.

Во время этого рыболовства, казакамъ случайно попадаются бѣлуги, осетры и севрюги, но не много; преимущественно же ловятся черныя, простыя породы рыбъ: сазанъ, судакъ, лещъ, окунь, бершъ, обла, чехоня; также щука; изрѣдка попадаются бѣлая-рыбица и лососи.

Въ каждый участокъ опредѣляется особый атаманъ; казаки, желающіе рыбачить артелями или компаніей, заявляютъ объ этомъ атаману и записываются въ любой участокъ: выловленная компанейщиками рыба поступаетъ въ общую массу и дѣлится по-ровну. Но что касается до беззбруйныхъ пайщиковъ, то, въ отношеніи къ нимъ, здѣсь соблюдаются всѣ тѣ

же правила и обычаи, какіе существуютъ и на рыболовствѣ въ Черха́льскомъ-морцѣ, о чемъ мы уже говорили.

При осеннемъ неводномъ рыболовствѣ, казаки-ловцы сами раздѣлываютъ рыбу и солятъ ее въ малосолъ, считая по четыре пуда соли на возъ. Распродажа производится въ Уральскѣ. На зимнемъ неводномъ рыболовствѣ рыба продается на самыхъ мѣстахъ лова прасоламъ и отправщикамъ — красная, которой не много, на вѣсъ, а черная, составляющая тутъ главный товаръ, по-счету, или чо̀хомъ. Она, разумѣется, не раздѣлывается, а только замораживается: въ такомъ видѣ ее укладываютъ въ сани и отправляютъ прямо въ Уральскъ.

Хотя мы и не совсѣмъ еще покончили исчисленіе и описаніе всѣхъ видовъ уральскаго рыболовства, однакожь, уже того, что до сихъ поръ было сказано, читатель могъ въ видѣть и, изъ скудныхъ, неполныхъ, но по силѣ и возможно-изъ сти тщательно собранныхъ свѣдѣній, догадаться, что уральскихъ водахъ рыбы ловится страшное множество.

Дѣйствительно, слова нѣтъ, что ежегодный уловъ рыбы у Уральцовъ громадный, но, въ сравненіи съ каспійскимъ рыболовствомъ, производимымъ въ морѣ и въ устьяхъ рѣкъ Волги, Кумы, Терека, Самура, Куры, Эмбы и другихъ — уральское рыболовство должно показаться почти ничтожнымъ. Несмотря, однакожь, на это относительное ничтожество, я, съ своей стороны, полагаю, что ежегодную добычу разнаго рода рыбнаго товару, добываемаго Уральцами, надо опредѣлить, по-крайней-мѣрѣ, въ два милліона рублей серебромъ. Если присоединить сюда милліонъ рублей, составляющій стоимость обыкновенныхъ ежегодныхъ затратъ на уловъ рыбы, на ремонтъ и покупку всѣхъ принадлежностей рыболовства, то, полагаю, мы не сдѣлаемъ большой ошибки, сказавши, что сумма всѣхъ оборотовъ по уральской рыбопромышленности простирается до трехъ милліоновъ рублей серебромъ. А если взять въ разсчетъ всю массу капиталовъ, переходящихъ изъ рукъ въ руки, начиная отъ торговца привозящаго на Уралъ пеньку въ дѣлѣ и лѣсной матеріалъ, присоединивъ сюда заработки и барыши казаковъ, рабочихъ и мелкихъ торговцевъ и прасоловъ, до того времени какъ разсчеты о рыбномъ товарѣ будутъ покончены съ капи-

тальными торговцами, то очень понятно, что взятый нами за основу капиталъ возрастетъ, по бѣдной мѣрѣ, до пяти милліоновъ рублей серебромъ. До какихъ же изумительныхъ выводовъ дошли бы мы, если бы были въ возможности привесть въ извѣстность массу капиталовъ, обращающихся во всей каспійской рыбопромышленности?

Такіе выводы должны насъ радовать: они несомнѣнно докажутъ намъ, что наша внутренняя торговля въ этомъ краѣ, которую многіе почти отвергаютъ, отзываясь о ней съ совершеннымъ пренебреженіемъ, дѣйствительно существуетъ и имѣетъ огромное, блестящее значеніе для нашихъ внутреннихъ, экономическихъ отношеній.

Въ производствѣ уральской рыбопромышленности насъ должна радовать и та образцовая стройность операцій, какую мы въ другомъ мѣстѣ рыболовства тщетно бы старались отыскивать. У Уральцовъ на первомъ мѣстѣ стоятъ выгоды цѣлаго войска: всѣ способы придумываются тутъ именно для того, чтобы въ дѣлѣ добычи и обогащенія промышленниковъ, поставить бѣднаго сколь возможно ближе въ уровень съ богатыми. Разумѣется, полное разрѣшеніе этой мудреной задачи — дѣло рѣшительно невозможное, совершенно превышающее человѣческія силы; очень старая истина нашихъ предковъ гласитъ, что овому дался талантъ, овому два, а овому и нѣтъ ничего: бѣдность и богатство положены въ основаніе жизни общества еще отъ начала вѣковъ, и гдѣ бы мы ни появились съ изслѣдованіями о ровновѣсіи человѣческаго рода, всюду найдемъ и относительно богатыхъ и относительно бѣдныхъ людей.

Обращаясь отъ человѣка къ рыбѣ, мы опять-таки должны преклониться на сторону Уральцовъ въ томъ отношеніи, что у нихъ не существуетъ тѣхъ усовершенствованныхъ способовъ добычи, посредствомъ которыхъ воздвигаются начала конечнаго уничтоженія всего рыбьяго поколѣнія. У Уральцовъ употребленіе крючковъ и самоловныхъ снастей не существуетъ; оно строго исключено; запрещеніе на нихъ поддерживается не приказаніями, а насущными требованіями, насущными выгодами самаго населенія, которое само убѣждается, и убѣдилось уже, во вредѣ этихъ снастей и для рыбы и для народа, и

которое такъ заботливо охраняетъ всѣ преданія и обычаи, упрочивающіе стройность системы общественныхъ рыболовныхъ добычъ. Вотъ причины, почему мы съ такою подробностью и съ крайнимъ нашимъ разумѣніемъ пускаемся въ такъ-называемыя мелочи и такъ заботливо хлопочемъ ознакомить читателя съ характеристическими чертами уральскаго рыбаченья.

Намъ остается теперь сказать нѣсколько словъ о плавня́хъ.

XII.

«Рыбачить по севрюгѣ» казаки отправляются въ буда́рахъ, то есть въ однодерёвкахъ: это родъ большихъ челноковъ, поднимающихъ груза столько же, сколько полагается и на возъ, да кромѣ того человѣкъ двухъ-трехъ пассажировъ.

Севрюжное рыболовство носитъ это званіе потому, что изъ всѣхъ родовъ ловимой тутъ рыбы, главнѣйшую и преимущественную добычу составляетъ одна севрюга. Мѣста, гдѣ рыба «грудится», гдѣ она въ это время сбирается для вымётыванія икры (потому-что въ этотъ періодъ времени однѣ породы рыбъ идутъ вверхъ по теченію, а другія, особенно севрюга, останавливаются выбивать икру), въ отличіе отъ мѣстъ, гдѣ рыба собирается на зимнія логовища, называются уже не «ятовями», а «наборами». Наборы эти извѣстны казакамъ, которые постоянно высматриваютъ рыбу и сторожатъ за всѣми ея движеніями, отъ самаго входа изъ моря.

Вёшняя плавня́, или севрюжное рыболовство начинается немедленно по вскрытіи льда на рѣкѣ Уралѣ, что́ бываетъ въ первыхъ числахъ апрѣля, и продолжается до конца мая, а иногда и до половины іюня. Начинается это рыболовство у самаго Уральска и, ру́бежами, точно такъ же, какъ и при ба́греньѣ, идетъ вплоть до Каспійскаго моря; а потомъ плавятъ и въ самомъ морѣ, невдали однакожь отъ береговъ и только на сажённой глубинѣ.

Такимъ образомъ, между «плавнёй» и «ба́греньемъ» чрезвычайно много сходства; разница лишь та, что на ба́греньѣ казаки рыбачатъ пѣши, при помощи багровъ, а при плавнѣ они разъѣзжаютъ на бударкахъ и ловятъ рыбу сѣтьми.

Вёшняя плавня имѣетъ два подраздѣленія.

Отъ города Уральска до Кругловскаго форпоста (на пространствѣ 230 верстъ), рыболовство это называется «удáрнымъ», или «харчевы́мъ». Ударнымъ оно называется потому, что дѣйствіе лова происходитъ отъ рубежа до рубежа (верстъ 15—20) «съ удáру», или «удáрами», когда войско, по командѣ атамана надъ рыболовствомъ, все, однимъ разомъ, «ударится», кинется въ перегонку, внизъ по рѣкѣ, чтобъ занять лучшія мѣста впереди, на-никѣмъ еще незанятыхъ «наборахъ». «Харчевы́мъ» это рыболовство называется оттого, что въ прежніе годы добыча рыбы, вслѣдствіе непривычки, или новости дѣла, или какихъ-нибудь особенныхъ, недознанныхъ еще причинъ, была въ этихъ мѣстахъ, столь незначительна, что весь уловъ обращался не на продажу; а только на внутреннее продовольствіе самихъ казаковъ, имъ «на харчи́». Называется оно еще и «ростовы́мъ», оттого, что попадающіеся въ добычу осетры, бѣлуги и шипы, оставшіеся не выловленными послѣ багренныхъ рыболовствъ, составляютъ какъ бы нежданный «ростъ», выгоду, приложеніе къ обыкновенно ловимой тутъ севрюгѣ.

Во время этого ударнаго севрюжнаго рыболовства, казаки ловятъ рыбу «ярыгами», небольшою сѣтью опредѣленныхъ размѣровъ, въ шесть сажень длины и въ четыре глубины. По войсковымъ постановленіямъ одна такая ярыга должна находиться при двухъ бударкахъ: это называется «связкой»; больше одной ярыги при двухъ бударкахъ имѣть никто не вправѣ. Но, безъ сомнѣнія, здѣсь запрещеніе наложено только на употребленіе ярыги въ дѣло во время лова и казакамъ вовсе не запрещается имѣть, сколько имъ угодно, запасной збруи, на всякій случай, напримѣръ, если ярыга разорвется, или утратится, или что-нибудь такое. Составляются тутъ и компаніи —«артели», по пяти и по десяти «связокъ», то есть по десяти и даже по двадцати бударокъ, при половинномъ, по положенію, числѣ ярыгъ: хозяйство, хлопоты и дѣлёжка у компанейщиковъ—общія.

При этомъ рыболовствѣ, начинающемся по словесной командѣ атамана (безъ пушки) съ восьми часовъ утра, и оканчивающемся часу въ третьемъ послѣ полудня, казаки снозаран-

ку собираются на бударкахъ по серединѣ рѣки и выжидаютъ пока атаманъ не сга́ркаетъ. Какъ только онъ явится, еще и рта не разинетъ — а ужь все войско дрожитъ отъ ожиданія, держа ухо востро́ и насторожившись и весла и ярыгу и всего себя такъ, чтобъ не упустить ни одного мгновенія. Раздастся команда—и войско, съ-удару, летитъ по рѣкѣ стрѣлой; каждая связка старается обогнать другую, выбраться напередъ и занять заранѣе присмотрѣнное мѣстечко. Кормщикъ держитъ ярыгу на плаву́, выбрасываетъ ее на наборѣ и, когда она наполнится, собираетъ ее и извлекаетъ добычу.

Начиная съ Кру́гловскаго форпоста, и дальше внизъ, ударовъ не бываетъ. Казаки рыбачатъ съ береговъ, растянувшись отъ рубежа до рубежа, на пространствѣ верстъ двадцати. Связокъ и ярыгъ тутъ тоже нѣтъ: каждая бударка имѣетъ право на одну сѣть, и сѣти эти бываютъ сажень въ двадцать пять длины и сажени въ двѣ ширины.

Занявъ съ самой зари мѣста, войско выжидаетъ сигналу. Казакъ стоитъ въ бударкѣ у берега, на готовѣ, чтобъ тотчасъ же приступить къ лову. Такъ-какъ народъ разбросанъ на большомъ протяженіи, то, естественно, голосъ атамана и не можетъ быть всюду услышанъ. Для поданія команды, начальникъ рыболовства имѣетъ при себѣ одно орудіе: пушкой онъ ежедневно открываетъ начало лова, пушкой же его и оканчиваетъ. Съ первымъ выстрѣломъ, казакъ откидывается отъ берега на середину рѣки, разметываетъ сѣть поперёкъ Урала и начинаетъ плавить. Съ грохотомъ пушки послѣ полудня всѣ, кто «на верху», то есть на верху рѣки, выше форпоста или урочища, назначеннаго рубежемъ, останавливаются, прекращаютъ дальнѣйшее движеніе сѣтью и съѣзжаютъ на берегъ.

Осеннее рыболовство, по преимуществу называемое «плавённымъ», начинается въ концѣ сентября, длится въ-теченіе всего октября и оканчивается въ началѣ ноября мѣсяца. Оно, точно также какъ и севрюжное, производится ударами, ру́бежами отъ форпоста до форпоста, при пособіи ярыгъ. Начинается оно съ Калёновскаго форпоста и доходитъ вплоть до моря, за исключеніемъ пространства отъ Редутскаго форпоста до Гурьева-городка, незначительнаго, почти ничтожнаго

чространства, предоставляемаго, въ это время, участникамъ осенняго неводнаго рыболовства.

Такъ какъ осенью дни коротки, то осенняя плавня происходитъ ежедневно съ восьми часовъ утра и вплоть «до-ночи», то есть до самыхъ глухихъ сумерекъ, съ соблюденіемъ однакожь назначаемыхъ атаманомъ днёвокъ. Во время осенней плавни «наборовъ» уже не бываетъ: казаки хлопочутъ около ятовей, такъ-какъ въ это время рыба собирается на зимовку.

Во время севрюжнаго рыболовства «ударнаго», то есть до Кругловскаго форпоста, больше всего попадается бѣлуга. Изъ бѣлуги, на мѣстѣ добычи, продается одна икра, какъ она есть, совсѣмъ съ жилами, неприготовленная, не пробитая черезъ грохотки. Продается она пудами и ужь сами покупщики окончательно приготовляютъ ее, какъ слѣдуетъ, либо тутъ же на берегу, либо на ближайшемъ форпостѣ (изъ пуда такой сырой икры выходитъ тридцать фунтовъ наюсной). Что же касается до самой бѣлуги, то она, тотчасъ же по вынутіи икры, солится въ возѣ, то есть прямо въ телѣги, и оставляется до времени на форпостахъ: казакъ съ войскомъ продолжаетъ рыбачить внизъ по рѣкѣ, и когда онъ окончитъ плавню, то, возвращаясь домой, понемногу отбираетъ свое добро отъ тѣхъ, у кого его берёгъ, привозитъ въ Уральскъ, и продаетъ тутъ свой товаръ «отправщикамъ». Не мѣшаетъ присовокупить къ этому слѣдующую хозяйственную замѣтку: если бѣлуга велика, то вынутую изъ нея вязигу, казаки разрѣзываютъ на-четверо, чтобъ она походила на севрюжью: вкусъ совершенно одинъ и тотъ же, но севрюжья вязига почему-то дороже цѣнится; кажется, причину этого надо искать въ наружномъ, пріятномъ для глазъ видѣ тоненькой севрюжьей вязиги.

Внизъ отъ Кругловскаго ловится осетръ, шипъ и особенно много севрюги. Осетръ и шипъ, точно также какъ и бѣлуга, не продаются постороннимъ купцамъ: а все это солится самими казаками на мѣстѣ и самими ими отправляется въ Уральскъ, для тамошнихъ капитальныхъ скупщиковъ и отправщиковъ. Впрочемъ, во время ловли, и наличнымъ прасоламъ продается изъ икряной рыбы икра, но одна лишь она, и не пудами, а по счету, «изъ десятка»: изъ этой сырой икры сами уже по-

купщики приготовляютъ паюсную икру и везутъ въ Уральскъ. Но вязигу и клей казаки вынарываютъ сами, сами и выдѣлываютъ и продаютъ особо.

Изъ выловленной рыбы распродается, на мѣстѣ добычи, только одна севрюга, счетомъ, сотнями: та рыба, которая, отъ глаза до краснаго-нера, меньше аршина—считается недомѣркомъ: такихъ двѣ штуки считаются за одну: а если выберется матерая, больше аршина длины, то это ужь счастье покупателя; впрочемъ и ловцу хорошо: кто покрупнѣе изловитъ, тотъ дороже и продастъ. Для посола севрюги, въ продолженіе вешняго плавеннаго рыболовства, соли идетъ по семи пудовъ на возъ, то есть на сотню рыбъ; соль употребляется индѣ́рская. Во время осенней плавни, соли нужно не болѣе четырехъ пудовъ на возъ, потому-что рыба въ это время приготовляется малосоломъ. Малосоломъ же приготовляютъ и икру, извѣстнымъ уже намъ изъ предъидущаго способомъ, совершенно схожимъ съ тѣмъ, какой употребляется и при багреньѣ, и при аханномъ рыболовствѣ, съ тою только розницею, что такъ какъ во время плавни́ погода бываетъ теплѣй, чѣмъ во время багренья, морозовъ не бываетъ и, стало быть, только одна соль и можетъ поддержать свѣжесть икры — то тутъ ее солятъ немножко круче, чѣмъ зимою, именно, вмѣсто одного—кладутъ два фунта соли на пудъ икры. Другихъ особенностей нѣтъ.

На плавни́ сбирается очень много народу, особенно на осеннюю; богачи запасаются порядочнымъ обозомъ: у инаго пять, у инаго десять, у инаго пятьнадцать подводъ наготовлено для склада ожидаемой въ добычу рыбы. Можно себѣ представить, каково́ должно быть тутъ движеніе, когда до шести тысячъ человѣкъ, стройною массою, летятъ на бударкахъ внизъ по рѣкѣ. Но кромѣ этихъ шести тысячъ, огромное множество народу, одновременно съ ловцами, слѣдитъ за ними берегомъ.

Въ то время, когда промышленики-казаки ѣдутъ рѣкой на своихъ «посудинкахъ», многочисленные обозы, съ провизіей и съ запасами, пробираются, стороной, берегомъ, до того форпоста, который, на тотъ день, назначенъ рубежемъ. У послѣдняго, самобѣднѣйшаго участника въ плавнѣ, хоть одна телѣга—да есть въ запасѣ для склада въ ней улова. Этотъ обозъ до-

вѣряется въ охраненіе или сыну, или внуку, или племяннику промышленика, или другому, близкому для него человѣку. Такіе присмотрщики называются «становщика́ми». Для того, чтобъ каждый хозяинъ вѣрнѣе опозналъ свою телѣгу, становщики безпрестанно перекликаются съ ними, или, какъ Уральцы выражаются, «зѣваютъ» во всю глотку, подавая крикомъ условные голоса и маяча разными сигналами. Маякомъ у телѣги служитъ обыкновенно шестъ съ какой-нибудь отмѣтиной: кто флюгерокъ прикрѣпитъ, кто вздѣнетъ на него шапку, кто сапогъ, кто пещеро́къ, кто камышу пучокъ — что̀ попадется подъ руку—все къ дѣлу годно. Казакъ съ бударки слышитъ голосъ становщика, или видитъ замѣтку, обозначающую его подводу; въ противномъ случаѣ самъ начинаетъ голосить, чтобъ направить становщика ближе къ себѣ и дать ему случай поровняться съ бударкой.

Прогремитъ пушка, кончится ловъ — казакъ пристаетъ къ берегу, вытаскиваетъ на отмелину бударку, чтобъ не снесло ее водой, но не причаливаетъ, не привязываетъ ее ни къ чему, а просто та́къ оставляетъ, и идетъ отыскивать свои подводы.

Тогда открывается огромный полу-воинскій станъ и начинается новая, неменѣе прежней оживленная дѣятельность, особенно при днёвкахъ—самая кипучая. Все это происходитъ постоянно, пока войско не «расплаваетъ послѣдней ятови», и постоянно весь таборъ превращается въ огромный базаръ.

Лодки густой массой унизываютъ побережье. На прибрежномъ песочкѣ, рядами и по сортамъ, выкладывается вся доставшаяся въ добычу рыба. За этимъ импровизованнымъ торжищемъ, саженяхъ въ пятьнадцати отъ рѣки, прямою, параллельною съ берегомъ линіей, разбиваются походныя палатки изъ «канифасу» (то есть, изъ паруснаго полотна и равентуха) и кошары́, джуламейки и кибитки: это временныя жилища временнаго населенія базара, казаковъ, ихъ домочадцевъ и работниковъ и съѣхавшихся сюда, безпрестанно, отъ самаго Уральска и вплоть до моря слѣдящихъ за промышленниками, торговцевъ и прасоловъ. Позади этой линіи помѣщеній вытянуты въ струнку всѣ подводы и повозки, съ поднятыми къ верху оглоблями; сзади повозокъ — лошади. Но лошадей пу-

скаютъ «въ поле», то есть, ихъ загоняютъ дальше въ степь, на подножный кормъ. Лошади пасутся подъ наблюденіемъ «кося́шника», рѣдко иногороднаго работника, чаще всего роднаго человѣка и, обыкновенно, двѣнадцати, или четырнадцати лѣтняго мальчишки-Уральца, съ дѣтскихъ лѣтъ навычнаго къ дѣлу. Отрокъ-Уралецъ бодро переноситъ осеннія вьюги и непогоды; голодъ и холодъ знакомы ему съ измалѣтства и отпасываніе конскихъ косяко́въ служитъ ему, для будущаго, доброю школой; въ ней онъ учится многое переносить и терпѣть, твердо вѣря въ правдивость старой пословицы: «терпи казакъ — атаманомъ будешь»! А ужь плохой тотъ казакъ, которому не доведется въ жизни ниразу побывать атаманомъ, при томъ или при другомъ видѣ рыболовства.

Горячо проработавши весь день-деньско́й, казакъ весело отдыхаетъ въ палаткѣ. Если «хорошо было въ залѣ́вѣ», то есть, если въ этотъ день счастлива была добыча—хорошо казакъ ее и отпируетъ: и ушицу сваритъ съ доброй рыбкой, и барашка изготовитъ себѣ вкуснаго, и винца хватитъ съ пріятелемъ добрую красоулю, и распотѣшитъ себя въ компаніи пѣсенкой. Житье презавидное, особливо если при днёвкахъ, на базарѣ, хорошо торгъ состоится. Тутъ-то пойдетъ настоящее пированье: ѣдятъ много, пьютъ того больше: водки ли, вина ли какого — все есть, всего въ волю: и чай, и вино, и ромъ, и закуски. Это ли не веселье? другихъ развлеченій и ждать тутъ нельзя, развѣ койгдѣ преферансикъ составится, и то только для людей съ высшими потребностями, съ высшими взглядами на человѣка и на окружающую его природу. Но у истаго казака столько въ это время бываетъ матеріальныхъ хлопотъ и заботъ, столько физическаго утомленія, что и реакціи онъ ищетъ только физической, матеріальной.

Много сходства, или проще сказать — тожества найдемъ мы въ манерѣ производства торга и при плавняхъ, что́ и при багреньѣ: тѣже прасолы, тѣже жеребьи, тѣже уловки и таже сметливость на взглядъ угадать цѣнность товара.

XIII.

Второй основной источникъ благосостоянія Уральцевъ со-

ставляютъ бараны, которыми всѣ обитатели войсковой земли производятъ весьма значительный торгъ. Предполагаютъ, основываясь на самыхъ скромныхъ разсчетахъ, что Уральцы, въ теченіе года, распродаютъ, по крайней мѣрѣ, тысячъ триста головъ мелкаго скота. Можетъ быть это такъ, а можетъ быть, и не такъ, потому-что узнать дѣйствительную цифру рѣшительно нѣтъ никакой возможности.

Это оттого происходитъ, что Уральцы производятъ первоначальный скупъ барановъ у двухъ своихъ сосѣдей: на сѣверо-западѣ области у Букеевскихъ Киргизовъ, а за Ураломъ—у за-уральскихъ Киргизовъ. Обороты съ этими послѣдними могутъ еще быть извѣстны таможнямъ, потому-что состоятъ въ прямой отъ нихъ зависимости: но торговля Уральцевъ съ Букеевскими Киргизами, обитающими въ предѣлахъ Астраханской губерніи, рѣшительно не можетъ подлежать, да и не подлежитъ, никакому учету, или контролю, какъ многіе предметы нашей внутренней торговли.

Конечно, и въ Букеевской-ордѣ ведутся вѣдомости объ общемъ итогѣ промѣна скота на двухъ ярмаркахъ, бывающихъ въ селеніи Ставкѣ (прежде бывшей Ханской-ставкѣ) осенью и особенно весною, въ маѣ мѣсяцѣ: но свѣдѣнія эти не могутъ намъ служить ни къ чему, при опредѣленіи степени участія тутъ Уральцевъ, потому во-первыхъ, что на этихъ ярмаркахъ, вмѣстѣ съ киргизскимъ, продается множество калмыцкаго скота (прямыхъ торговъ съ астраханскими Калмыками Уральцы не имѣютъ): во вторыхъ, потому-что на этихъ ярмаркахъ, кромѣ Уральцевъ, бываетъ множество и другихъ скупщиковъ; а въ-третьихъ, потому-что самые значительные закупы у Букеевскихъ Киргизовъ Уральцы совершаютъ не въ ихъ землѣ, и не во время ярмарки, а въ собственной своей области, на степяхъ которой нѣкоторые роды Букеевскихъ Киргизовъ, обдѣленные прежними своими ханами, при раздѣлѣ подъ выгоны поземельныхъ участковъ, принуждены пасти свои стада за опредѣленные въ пользу казаковъ денежные взносы (кажется, по 15 копѣекъ ассигнаціями съ барана). Эти хозяйственныя столкновенія Уральцевъ съ Букеевскими Киргизами носятъ опредѣленный и весьма выразительный терминъ—«пере-

пускъ скота», потому именно, что казаки перепускаютъ чужой скотъ, для пастьбы, на свои земли.

Если присовокупить къ этимъ главнымъ основаніямъ еще и ту причину, что Уральцы обладаютъ и собственнымъ, довольно значительнымъ скотоводствомъ, избытки котораго тоже идутъ на продажу, то всякій согласится, что я имѣлъ самое логическое, самое законное основаніе сказать о невозможности представить точныя цифры оборотовъ по торговлѣ баранами.

Въ степь, за-уральскую или и къ Букеевскимъ Киргизамъ, уральскіе торговцы рѣдко ѣздятъ сами: они вымѣниваютъ свои товары (издѣлія фабрикъ и заводовъ *) и, преимущественно, хлѣбъ тѣмъ Киргизамъ, которые изъ-за Урала сами подкочевываютъ къ Линіи, а изъ Букеевской степи отгоняютъ свои стада для «тебенёвки» къ Гурьеву-городку и на Узени.

Хлѣбъ у Уральцевъ отчасти свой, отчасти покупной; свой —пшеница, покупной—ржаная мука. Свой расходится по войску, мѣняется Киргизамъ и отсылается на продажу въ Самару: а покупной приходитъ двумя путями: въ Гурьевъ-городокъ изъ Астрахани, а въ Уральскъ изъ Илецкаго-городка, изъ Бузулука и даже изъ Уфы и Бугуруслана. Этотъ ржаной хлѣбъ расходится въ значительныхъ количествахъ въ Гурьевѣ: одна часть его распродается Киргизамъ; а другая развозится вверхъ по Уралу, недалѣе однакожь верстъ полутораста, или двухъ сотъ.

Киргизамъ хлѣбъ всегда мѣняется на скотину и, преимущественно, на барановъ. Операціи эти совершаются съ конца августа по самый мартъ мѣсяцъ: лѣтомъ, Киргизы, уже не нуждаясь въ хлѣбѣ, не приходятъ къ Уральцамъ. Когда съ осени, Киргизы не очень еще много находятся въ зависимости отъ продавцовъ, то барановъ продаютъ они больше на на-

* Послѣ этихъ главныхъ статей торговли съ Киргизами, уральскіе купцы вымѣниваютъ имъ юфть, плохія сукна, металлическія издѣлія, отчасти чай и сахаръ. Собственно для потребленія Уральцевъ, самарскіе колонисты привозятъ «саржинку»; она идетъ на рубахи и продается по 25 коп. сер. за аршинъ. Иногородные купцы доставляютъ глиняную и деревянную посуду, и всѣ предметы, нужные какъ для обыденной жизни, такъ и на потребности роскоши; но эти статьи не составляютъ ничего капитальнаго.

личныя деньги; зимой сбываютъ ихъ по мелочи, поштучно и десятками на хлѣбъ и другіе нужные для нихъ предметы; но сильный разгаръ торговли баранами производится весною — тутъ ихъ продаютъ гуртами и большими партіями.

Бараны зимуютъ на Уральскихъ земляхъ; «тебенюютъ», т. е. питаются подножнымъ кормомъ зимой близъ Гурьева городка и на р. Узеняхъ. Случается даже, что они и сѣномъ кормятся; но этимъ цѣннымъ кормомъ продовольствуются они преимущественно по самому Уралу, а въ прочихъ мѣстахъ, въ сторонѣ отъ рѣки, стада укрываются и ищутъ пищи въ камышовыхъ заростяхъ: здѣсь они спасаются отъ вѣтру, холоду и непогоды: здѣсь же находятъ и не взыскательный для себя кормъ.

Плохо баранамъ приходится только въ бури и мятелицы, если они, во время тебеневки, зайдутъ въ открытое, ничѣмъ незащищенное мѣсто. Отъ рѣзкаго холода несчастную скотину кидаетъ въ ознобъ, а сильными вѣтрами цѣлое стадо уноситъ дальше и дальше, безъ устали подгоняетъ по открытой степи и гонитъ его до-тѣхъ-поръ, пока бараны не выбьются изъ послѣднихъ силъ, или пока не припретъ ихъ бураномъ къ оврагамъ или не отброситъ въ солончаки; тутъ ихъ мятелицей и заноситъ: бараны гибнутъ тысячами, десятками, даже сотнями тысячъ, по цѣлой степи.

Самой дурной зимой, хотя бы и безъ бурановъ, считается та, когда въ началѣ или въ половинѣ зимы сдѣлается оттепель, а нерѣдко, при югозападномъ вѣтрѣ, хлынетъ и дождикъ; а потомъ вдругъ, даже послѣ маленькаго морозца, вся степь обледенѣетъ: при такихъ обстоятельствахъ бѣдное животное, своимъ слабымъ копытомъ, не въ силахъ уже пробивать ледяной коры и изъ-подъ нея доставать себѣ корму: тутъ опять бараны гибнутъ цѣлыми стадами. Чтобъ предупредить такое несчастье, тѣ хозяева, которымъ обстоятельства благопріятствуютъ, при первой же оттепели выгоняютъ стада изъ камышей и «отпасываютъ» ихъ на степное мѣсто, перегоняютъ отъ урочища къ урочищу, по дорогѣ къ Уральску.

Съ открытіемъ весны, барановъ со всѣхъ «зимовокъ» гонятъ къ Уральску. По большей части, на пол-пути, именно въ Калмыковской крѣпости, бываетъ продажа стадъ иногород-

нымъ купцамъ, для окончательнаго отгона ихъ во внутреннюю Россію. Непроданныхъ въ Калмыковой барановъ, а также и вновь вымѣненныхъ здѣсь, у Киргизовъ, гонятъ къ самому Уральску, для сбыта капитальнымъ торговцамъ, которые, впрочемъ, сами выѣзжаютъ на встрѣчу гуртовщикамъ; въ Уральскѣ же остаются и выжидаютъ барановъ самые, что̀ называется, жосткіе купцы, входя въ торговыя сдѣлки тоже съ кремешками-продавцами. Скупщики барановъ или оставляютъ свои гурты для «нагула» (то-есть для «нажировки») на войсковыхъ земляхъ, выше Уральска (такихъ барановъ рѣжутъ по большей части въ самомъ Уральскѣ), или отправляютъ «живьемъ» въ Самару, нагуливая ихъ въ бузулуцкомъ уѣздѣ, на насмныхъ пастбищахъ, болѣе питательныхъ, чѣмъ скудная войсковая земля. Кромѣ Самары, гурты отгоняютъ въ Балаково, въ Саратовъ, Сызрань, въ Мо́ршу (т. е. въ Моршанскъ), въ Арзамасъ, въ Саранскъ; въ этихъ мѣстахъ и рѣжутъ. Са́ми Уральцы и даже Киргизы не мастера скотъ нажировать, да и времени на то не имѣютъ: лучшими нагульщиками считаются Курчане, Нижегородцы и пастухи самарскіе, тамбовскіе и моршанскіе. Гурты́ барановъ, при отправкѣ во внутреннія губерніи, раздѣляются на равные «табуны́», въ каждомъ 600 — 700 головъ барановъ. Въ Гурьевѣ-городкѣ барановъ не рѣжутъ, потому-что тамъ барана лѣтомъ нагулять невозможно, т. е. ему тамъ нечего ѣсть, не съ чего жиру набраться.

Настоящій нагу́лъ, хорошая нажировка барановъ происходитъ только по степямъ лѣвой стороны Волги; а за Волгой, дальше, гурты́ гонютъ уже не полями, а дорогами и кой-какъ: тутъ они не могутъ уже сильно отъѣдаться: вся забота пастуховъ, чтобъ бараны не совсѣмъ спали съ жиру.

Уральцы раздѣляютъ барановъ на два вида: ада́евскіе, т. е. за-уральскіе (скупаемые у Киргизовъ рода Ада́и), и буке́евскіе изъ Внутренней-Орды. Адаевскій баранъ низокъ ногами, а букеевскій, по выраженію Уральцевъ, будетъ «поприроднѣе», и лучше смотритъ онъ и ноги у него длиннѣе; но зато адаевскій баранъ бодрѣе и тверже выдерживаетъ стужу, а букеевскій чувствителенъ къ холоду и слабъ на переходы.*

* Бараны у торговцевъ имѣютъ, по возрасту, разныя названія: выпоротокъ, кургашекъ сосупокъ), кунанъ (годовалый), дюненъ (двугодовалый), секъ

Уралецъ, скупившій, или, лучше сказать, вымѣнявшій у Киргизовъ на хлѣбъ барановъ, рискуетъ всѣмъ своимъ капиталомъ: три-четыре дня продолжительной, противъ обыкновеннаго, зимы, нежданый бура̀нъ, нежданная оттепель, прохваченные пото́мъ морозомъ — и всѣ его бараны пали, и весь капиталъ его погибъ безвозвратно, не смотря на то, что «баранъ противъ всякой скотины крѣпче».

Чтобъ предотвратить такія потери, зажиточные гурьевцы, въ своихъ зимовкахъ, то есть въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ скотъ находится на зимнихъ пастбищахъ, устроиваютъ такъ-называемые въ иныхъ мѣстахъ — «базы́», въ другихъ мѣстахъ — «куры́» — нѣчто въ родѣ хлѣвовъ, въ которыхъ укрываютъ скотъ въ ненастье и въ холодное время, и въ которыхъ поддерживаютъ его сѣномъ. Но всякій поймет, что запастись сѣномъ въ Гурьевѣ, и для такого огромнаго количества барановъ, какое тамъ накупаютъ — рѣшительно невозможно: по этому-то во всей Уральской землѣ, у Гурьева ли, по морскому ли берегу, или на Узеняхъ, скотъ зимой просто пасется на степи, гдѣ сѣна не нужно, или гдѣ оно очень дорого, и гдѣ его хорошо замѣняетъ камышъ.

И продажа и покупка скота больше всего бываетъ весной: въ это время Уральцы однихъ барановъ сбываютъ купцамъ, другихъ сами покупаютъ у Киргизовъ; но это не препятствуетъ промышленникамъ, впродолженіе цѣлаго лѣта, прикупать барановъ, гдѣ случится и какъ случится. дѣло и задача вся въ томъ, чтобъ умѣть за́-зиму сберечь и выкормить барановъ, чтобъ къ веснѣ съ выгодой самимъ ихъ сбыть купцамъ.

Зимой за бараномъ уходъ тяжелъ, хлопотливъ и утомителенъ: въ работники, для этого, Уральцы нанимаютъ Киргизовъ за очень дешевую плату, которою степнякъ все-таки до-

(трехъгодовалый) и челаузъ (старый); въ продажу на сало идутъ только годовалые и двугодовалые бараны.

Дороже адаевскаго цѣнятся тазларскіе бараны (принадлежащіе Киргизамъ рода Тазларъ); а выше ихъ — алачинскіе; бараны пригоняемые къ Оренбургу считаются равными въ достоинствѣ съ букеевскими баранами. Разница въ цѣнахъ зависитъ не отъ разности породъ, а отъ большей или меньшей питательности кормовъ на тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ тотъ или другой киргизскій родъ кочуютъ съ своими стадами.

рожитъ, потому-что безъ заработковъ у Русскаго онъ пропадетъ съ голоду. Но пріютившись у Уральца, Киргизъ частью съ-глупа, а частью и не съ-глупа, не упуститъ случая обмануть хозяина: онъ съѣстъ у казака лучшаго барана, и зная, что хозяинъ не станетъ потакать такому самовольству, постарается его увѣрить, что баранъ палъ, захилѣвъ болѣзнью: а для лучшей видимости, принесетъ ему на-показъ либо снятую съ барана овчину, либо отрѣзанное ухо.

Киргизъ нигдѣ не упуститъ случая потѣшить самого себя, хотя бы пришлось, при этомъ, обмануть хозяина. Киргизъ хоть и Киргизъ, а все же человѣкъ, все же онъ не лишенъ человѣческихъ чувствъ и слабостей: ему тоже любовь не невѣдома, у него тоже бываетъ своя зазнобушка, онъ тоже сознаетъ потребность чѣмъ-нибудь угодить предмету страсти: и вотъ этотъ дикарь, безъ зазрѣнія совѣсти, таскаетъ у хозяевъ кургашка за кургашкомъ: онъ одѣляетъ ими свою возлюбленную, въ надеждѣ поправить ея обстоятельства; а подъ веселый часъ изготовитъ вкусный ужинъ, къ которому поджидаетъ степную дульцинею, снова обманувъ хозяина выдуманными приключеніями.

Барановъ Уральцы больше всего продаютъ гуртами въ Самару: сами мало ихъ рѣжутъ, не больше двадцати-пяти или тридцати тысячъ головъ въ годъ. Въ послѣднемъ случаѣ, вытопленное казаками сало все-таки идетъ въ Самару, гдѣ происходитъ окончательное его «сдабриванье» и разливка въ бочки, для отправленія на С.-петербургскую биржу (черезъ нижегородскихъ скупщиковъ, которые, во время нижегородской ярмарки, «обзадачиваютъ» салотоповъ). Овчина, какъ съ этихъ барановъ, такъ и добытая мѣной отъ Киргизовъ, оставляется частью въ Уральскѣ, для приготовленія тулуповъ и полушубковъ, но болѣе всего отсылается въ знаменитыя своею спеціальностью села Богородское, Мурашкино и другія, въ Нижегородской губерніи. Что касается до бараньихъ тушъ, на которыхъ послѣ снятія жира, почти ничего, кромѣ однихъ костей, не остается, потому что мяса на нихъ бываетъ очень мало, — туши эти тоже не кидаются зря и не пропадаютъ по напрасну; казаки солятъ ихъ и, въ этомъ видѣ, а иногда замороженными, продаютъ купцамъ. Это «ба-

ранье мясо» потребляется бѣднѣйшими казаками въ краѣ, и расходится въ огромныхъ количествахъ по Волгѣ, между бурлаками. Такъ-какъ извѣстно, что для расходованія сала внутри Имперіи и для отсылки его за границу, у насъ рѣжутъ ежегодно по нѣскольку милліоновъ головъ барановъ, то соленыя бараньи туши составляютъ одну изъ довольно замѣчательныхъ статей нашей внутренней торговли, расходясь между низшими классами народонаселенія повсюду, отъ береговъ Прута до золотыхъ пріисковъ восточной Сибири.

Приготовленіе тулуповъ въ казачьей землѣ находится въ рукахъ иногородныхъ шубниковъ. До новаго-года эти промышленики обшиваютъ все войско, а съ новаго года начинаютъ заготовлять товаръ для нижегородской ярмарки, для которой каждый хозяинъ запасаетъ отъ восьмисотъ до тысячи штукъ тулуповъ *. Продажа овчинъ происходитъ на уральской ярмаркѣ — въ сентябрѣ ничтожной, но въ іюнѣ весьма важной для края.

Рогатый скотъ покупается Уральцами больше всего у зауральскихъ Киргизовъ, иногда и у своей братьи-казаковъ, но эти продаютъ уже по мелочи и по нуждѣ. Время для покупки рогатаго скота то же, что и для покупки барановъ, съ августа по мартъ; вымѣнъ производится тоже на хлѣбъ. Быковъ ведутъ «прогóномъ» до Волги, гдѣ ихъ и нагуливаютъ; за Волгой и водопои и корма́ бѣдные: скотъ много спадаетъ съ жиру и только кое-какъ поддерживается; отъѣдается онъ, прійдя уже на мѣсто, по назначенію, внутрь Россіи или въ Петербургъ, гдѣ, смотря по качеству, лучшая скотина поступаетъ въ разрядъ такъ-называемаго «черкасскаго» скота.

Кожи съ убитыхъ въ уральской землѣ быковъ, равно какъ и кожи коневьи, доставляемыя Киргизами, продаются скупщикамъ этого товара исключительно въ городѣ Уральскѣ. Онѣ назначаются для выдѣлки на юфть и на сыромять; коневьи кожи идутъ въ городъ Кузнецкъ (Саратовской губерніи).

* Саксачьихъ тулуповъ приготовляется немного, потому-что они не такъ носки, хотя и очень теплы; они могутъ хорошо служить только года два; ергаковъ, то-есть тулуповъ изъ выдѣланной конской шкуры, шьется тоже немного.

Уральцы отопляютъ свои домы и мазанки камышомъ и кизякомъ; только зажиточные люди могутъ топить дровами, которыя сплавляются въ Уральскъ изъ Башкиріи черезъ Оренбургъ. Оттуда же сплавляется и лѣсъ для построекъ; но и лѣсомъ этимъ, не смотря на всю дешевизну, могутъ пользоваться только зажиточные казаки: большинство же привыкло къ мазанкамъ, въ которыхъ жить и тепло и привольно.

Къ числу мѣстныхъ произведеній надо присовокупить «армячи́ну» — тонкую ткань, выдѣлываемую въ Илецкомъ-городкѣ изъ верблюжьей шерсти и имѣющую сходство съ хорошимъ стамедомъ: армячи́на употребляется на лѣтнюю мужскую одежду.

Бабы и ребята, всюду по уральской землѣ, занимаются добываніемъ солодковаго корня, который въ изобиліи произрастаетъ всюду и по Линіи, и на степи, и въ «Обчемъ», (то-есть въ склонахъ Общаго-Сырта), и въ Индёрскихъ-горахъ, за Ураломъ. Когда водой обмоетъ берега и яры, то женщины и дѣти, гдѣ пѣши, а гдѣ и на лодкахъ, напримѣръ по рѣкѣ, въ озерахъ, или въ посмныхъ мѣстахъ, высматриваютъ высунувшіеся изъ слоевъ почвы корни, выкапываютъ ихъ и потомъ, ко времени іюньской ярмарки, свозятъ въ Уральскъ тысячами пудовъ. Въ Уральскъ народъ съѣзжается для покупки хлѣба и потому каждый, у кого есть свой запасъ солодковаго корня, сбываетъ его тутъ за безцѣнокъ прасоламъ, а прасолы перепродаютъ пріѣзжимъ купцамъ.

Несмотря на безъинтересность, отрывочность и краткость этихъ свѣдѣній, собранныхъ нами на мѣстѣ, мы не могли не помѣстить ихъ здѣсь, для очистки совѣсти, въ связи съ другими статьями, характеризующими промышленый бытъ Уральцевъ.

XV.

Уральцы любятъ свой родной Уралъ, прежде прозывавшійся Яикомъ, и доселѣ еще съ наслажденьемъ распѣваютъ заунывнымъ напѣвомъ, и на старинный ладъ и съ гнусеньемъ, давно сложенную про него стариками пѣсенку:

Яикъ ты, Яикушка,
Яикъ сынъ Горыновичъ! (2)

Про тебя, Яикъ Горыновичъ,
Идетъ слава добрая, (2)

Про тебя, Яикъ Горыновичъ,
Идетъ рѣчь хорошая. (2)

Золочёно у Горыновича
Твое было дёнышко. (2)

Серебряны у Горыновича
Твои круты бережки. (2)

Изрылъ же ты, выкопалъ
Всѣ горушки-долушки, (2)

Середи себя повыметалъ
Часты-мелки островы. (2)

Со вершинъ взялся, Горыновичъ,
Бѣжишь вплóть до устьица, (2)

До славнаго до моря
До моря Каспицкаго, (2)

До славнаго до города
Бѣжишь ты до Гурьева. (2)

Выпадалъ за Гурьевымъ,
Батюшка, въ синё море, (2)

До славнаго до острова
До острова Камынина. (2)

На островѣ Камынинѣ
Старцы живутъ старые. (2)

Живутъ старцы старые
Тамъ по девяносту лѣтъ, (2)

Въ ладу старцы старые
Съ ордой покоренною,
Съ золотой-ордой.

Хотя пѣсня эта и намекаетъ о когда-то бывшемъ заселеніи предками нынѣшнихъ Уральцевъ острова Камынина, однакожь подтвержденія этого сказанія мы не находимъ ни въ одномъ изъ доселѣ дошедшихъ до насъ письменныхъ памятниковъ. Древнѣйшее изъ поселеній, заведенныхъ, въ этой сторонѣ, Русскими, былъ только Гурьевъ-городокъ. Уральцы же, по роду своихъ промышленыхъ занятій, вели жизнь полукочевую, и только на зиму располагались осѣдлымъ таборомъ, въ окрестностяхъ нынѣшняго Уральска, на рѣкѣ Чаганѣ, гдѣ у нихъ были зимовья.

Несмотря на эту относительную древность Гурьева, мы все-таки должны отнести его не къ очень старымъ городкамъ. Гурьевъ-городокъ носитъ свое названіе отъ гостя Гурія, который въ 1630 году, «завелъ и устроилъ за моремъ, на рѣкѣ Яикѣ, своими деньгами городъ каменный и для рыбной ловли сдѣлалъ учугъ». Горожанами Гурьева были сначала астраханскіе переселенцы, которые и занимались здѣсь разными промыслами, до тѣхъ поръ, пока городокъ этотъ не перешелъ въ полное обладаніе уральскихъ казаковъ, что было въ половинѣ прошлаго столѣтія.

Ни въ XVII, ни въ XVIII столѣтіяхъ, Уральцы не имѣли въ Гурьевѣ осѣдлости. Въ отношеніи къ уральскому войску, Гурьевъ былъ только аванпостомъ, на который выкомандировывалась, на извѣстные сроки, одна другою смѣняемая казачья стража, содержавшая караулы и охранявшая войсковые рыбные промыслы.

Стража эта была немногочисленна и состояла обыкновенно человѣкъ изъ сорока, рѣдко изо ста казаковъ. Прослуживъ здѣсь указный срокъ, одна партія смѣнялась другою, возвращалась на Линію и расходилась по домамъ. По этой причинѣ, казаки ни осѣдлости здѣсь не имѣли, ни хозяйствомъ не обзаводились, а ловили только рыбу, да торговали баранами. По самой сущности этихъ занятій, Гурьевцы не могли стѣснять себя, чисто изъ экономическихъ причинъ, присутствіемъ женщинъ, которымъ здѣсь и нечего было дѣлать, да и трудно было жить, бросивъ прежніе дома и промѣнявъ родныя мѣста на безотрадное взморье, вѣчно пропитанное сыростью, вѣчно палимое солнцемъ, полное разныхъ гадовъ,

изъ числа которыхъ одни комары, да мошки могли отравить всѣ житейскія наслажденія. Притомъ же безпрестанное сосѣдство съ Киргизами, въ то время еще очень сомнительными друзьями казаковъ, представляло, для семейной жизни, своего рода неудобства. Дѣло въ томъ, что Гурьевъ-городокъ былъ обитаемъ однимъ только мужскимъ и очень нечисленнымъ населеніемъ; въ немъ, какъ въ городкѣ, то-есть какъ въ крѣпости, гдѣ народъ былъ только на временной службѣ, казаки не смѣли имѣть при себѣ женщинъ.

Неудобно было жить семейно, зато одинокому казаку тутъ было полное раздолье. Чего только тутъ ему недоставало. Тутъ и море, полное рыбъ; тутъ и Киргизы, богатые баранами; тутъ и Астрахань, въ которой всякаго добра довольно: все, даже уединенность, даже дальность надзора—все благопріятствовало промышленымъ стремленіямъ молодцовъ казаковъ. Въ концѣ прошлаго столѣтія и въ началѣ нынѣшняго, многіе изъ членовъ войсковаго сословія начали засматриваться на этотъ обиженный природою, а все-таки обѣтованный уголокъ; начали заискивать сюда командировки, начали выпрашивать у начальства дозволенія сначала выстроить домишко, а потомъ просили оставить ихъ, по окончаніи службы, на покой въ Гурьевѣ, гдѣ у нихъ уже заведено было кое-какое хозяйство. Такія разрѣшенія прежніе атаманы, выбиравшіеся изъ природныхъ Уральцевъ, давали весьма охотно, понимая всю важность заселенія такого пункта, каковъ Гурьевъ, для котораго, со временемъ, могла настать блистательная пора, особенно если бы морская торговля на Каспіѣ широко развилась, и если бы Гурьевъ могъ получить значеніе одного изъ важнѣйшихъ здѣшнихъ портовъ. Знаменитый своимъ умомъ и энергіею атаманъ Покатиловъ поощрялъ заселеніе Гурьева, а преемникъ его—Бородинъ совершенно предоставилъ на волю казаковъ упрочиться въ Гурьевѣ полнымъ хозяйствомъ и осѣдлостью. Съ-тѣхъ-поръ и стали въ Гурьевѣ казаки жить съ женами, цѣлыми семьями.

Теперь Гурьевъ хотя и небольшой городокъ, но все-таки въ немъ считается до пятисотъ домовъ, болѣе 125 лавокъ, и до двухъ тысячъ жителей — почти половина на половину и мущинъ и женщинъ. Есть и таможня: стало-быть Гурьевъ имѣетъ значеніе и въ торговлѣ съ Киргизами, кромѣ значенія

одного изъ главныхъ пунктовъ, въ которомъ, какъ мы видѣли, происходятъ значительныя сдѣлки по торговлѣ баранами и по операціямъ рыбопромышленымъ, рѣчной и морской добычи.

Народонаселеніе Гурьева, такими-то обстоятельствами закинутое почти на край свѣта, отовсюду окруженное то степями, то моремъ, то камышами, то Киргизами, то комарами, то рыбою, то баранами, то буранами—очень естественно, должно жить своею жизнью отдѣльною, очень уединенною и обособленною разными однородными случайностями.

Гурьевцы совершенно пропитаны ложно-сознанною идеею національности, хоть большинству самое слово это и незнакомо. Любая гурьевская женщина съ одинаковою ненавистью смотритъ на нѣмецкій чепчикъ, какъ и на киргизское лицо; она безъ ужаса подумать не можетъ объ открытомъ лифѣ платья, объ сотовариществѣ поганаго татарина, или о дымной сигарѣ, съ которой познакомился ея супругъ, въ послѣднюю побывку подъ Варшавой.

Городъ Уральскъ, гораздо меньше славится своею необщительностью: сюда многое занесено казаками изъ столицъ и изъ большихъ городовъ: надо слишкомъ близко познакомиться съ массою простолюдья, чтобъ открыть тожественность Уральска съ Гурьевымъ.

Я провелъ въ Уральскѣ масляницу. Въ этомъ городѣ очень миленькомъ, весьма чистенькомъ, но не обладающемъ тѣми мѣстами развлеченій, которыхъ такъ много у насъ, мудрено разнообразить общественныя удовольствія. Клубовъ нѣтъ, театровъ нѣтъ, балагановъ и качелей не строютъ, маскарадовъ не бываетъ, концертовъ давать некому—все общество, по неволѣ должно ограничиваться безпрестанными визитами знакомыхъ къ знакомымъ. Утро начинается блинами, съ принадлежащими къ нимъ украшеніями: цѣлый день длится въ питьѣ и ѣдѣ: а вечеръ проходитъ незамѣтно въ семейныхъ кружкахъ: праздничное время всякъ по своему разнообразитъ, кто какъ съумѣетъ, и кто чѣмъ сможетъ.

Утромъ ѣздятъ смотрѣть на игру въ городки, а послѣ-обѣда все населеніе Уральска высыпаетъ на превосходную, очень длинную и достаточно-широкую главную улицу. Пуб-

лика размѣщается по обѣимъ ея сторонамъ — на свѣтъ посмотрѣть и себя показать. Казачьи отроки и юноши, въ полномъ блескѣ жизни, молоденькіе урядники и офицеры галопируютъ верхомъ на степныхъ скакунахъ и приглядываются къ прекрасному полу, кто сквозь очки, кто черезъ модную лорнетку. Подражая имъ, гарцуютъ тутъ же и франты-Киргизы, принарядившись въ богатые чапаны и накрывъ головы лисьимъ малахáемъ, съ матерчатымъ верхомъ. Дамы въ дорогихъ шубахъ, съ сожителями и съ родственниками, разъѣзжаютъ въ саняхъ, тянущихся вереницею въ нѣсколько рядовъ: всѣ любуются ихъ экипажами, ухорскими конями, дорогими соболями воротниковъ и чудной бархатной покрышкой шубъ. Розовые волосники, алыя губки, цѣнныя сороки, драгоцѣнные камни, блестящіе взоры, многозначительные взгляды, а подъчасъ и модныя шляпки, съ страусовыми перьями, или съ богатыми блондами — все это привлекаетъ пытливые взоры и молодежи и даже немолодежи.

Но распашная веселость, смѣхъ, игры, говоръ, широкое раздолье, а иногда маленькая, дозволенная себѣ, по случаю праздника, неумѣренность, съ послѣднимъ звукомъ вечерняго колокола послѣдняго прощеннаго дня, мгновенно изчезаютъ, уступая мѣсто самому суровому аскетизму. Въ продолженіе всѣхъ слѣдующихъ недѣль, вплоть до новыхъ праздниковъ, Уральцы не оскверняютъ устъ скоромною пищею; въ теченіе первой, средней и послѣдней недѣли, они не ѣдятъ рыбы; по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ, не употребляютъ ни чего не только горячительнаго, но даже и просто горячаго, —ни ухи, ни постныхъ щей, ни даже чаю, и строго исполняютъ всѣ уставы, предписываемые самою горячею набожностью.

Особеннымъ аскетизмомъ, безъ всякаго сомнѣнія, отличается преимущественно прекрасный полъ. Въ этомъ отношеніи, въ отношеніи всего, что касается до наружнаго исполненія перешедшихъ къ нимъ отъ предковъ нравовъ и повѣрій, Уралки очень строго себя держатъ. Онѣ въ немъ находятъ свое утѣшеніе, при постоянномъ одиночествѣ, въ которое обстоятельства то-и-дѣло ихъ повергаютъ.

Безъ этого утѣшенія, уральская женщина должна бы очень

болѣзненно чувствовать свое положеніе. Мужъ—либо на службѣ, вдали отъ нея, либо на промыслахъ, тоже отъ нея далеко: либо онъ ухаживаетъ около домашняго хозяйства въ степи — и опять-таки отъ нея далеко. Какъ же женѣ не скучать безъ мужа? чѣмъ восполнить пустоту сердечныхъ ощущеній, столь необходимыхъ для нея, по самой натурѣ вещей? Знаетъ-ли Уралка грамотѣ, не знаетъ ли — во всякомъ случаѣ она не станетъ терять времени на произведенія свѣтской литературы: — это вообще у насъ въ массѣ не въ обычаѣ.

Коренная Уралка, рѣдко видающаяся съ мужемъ, безпрестанно занятымъ хлопотами на сторонѣ, лишена даже удовольствія предаваться мечтамъ о новыхъ модахъ. Новыя моды лишены для нея всякаго значенія. Къ чему онѣ ей, да и какъ ей думать о новыхъ нарядахъ? Сарафановъ у ней тма-тмущая; имъ вѣкъ износу не будетъ; всѣ принадлежности ея костюма перешли къ ней, по наслѣдству, кой-что отъ матери, кой-что отъ тетокъ или бабокъ; новаго шить рѣшительно нечего. Уралка подумаетъ-подумаетъ и, со скуки, отъ нечего дѣлать, вырядится въ тотъ сарафанъ, котораго давно не надѣвала и который, кажется, идетъ ей къ лицу очень: подсурмитъ брови, подцвѣтитъ пожелтѣвшія отъ маленькой досады щеки и отправится къ пріятельницѣ побесѣдовать, да полущить сѣмячекъ. У сосѣдки она, навѣрное, повстрѣчается съ сосѣдомъ и, можетъ быть, въ его умныхъ рѣчахъ найдетъ себѣ отраду.

Но эти выходы не могутъ же быть часты, или слишкомъ продолжительны: Уралкѣ все-таки прійдется проскучать. И рада бы она заняться около домашества, но возня и хлопотня съ горшками, съ кочергой такъ кратковременны, что ими не пополнишь цѣлыхъ сутокъ. Усядется ли грустная казачка, поджавъ ручки, подъ окошечко — и тутъ ей мало развлеченья. Она опять скучаетъ и вотъ почему, лишь сумерки настанутъ, молодая женщина торопится ужь лечь въ кровать, чтобы хоть въ сновидѣніяхъ забыться отъ гнетущей ее тоски.

Совсѣмъ другая жизнь ожидаетъ ту женщину, которую благословитъ Господь дѣтьми. Не надо тутъ ни нарядовъ, ни выходовъ къ сосѣдкѣ, ни сладкихъ рѣчей съ посторонними: ими можно довольствоваться исподоволь. Вся забота

у ней въ томъ, чтобы порадовать мужа успѣхами ребенка. Мать холитъ родное дѣтище, заботливо поитъ его и кормитъ, старательно развиваетъ его способности, учитъ его—чему сама умѣетъ и бьется изъ всѣхъ силъ, чтобъ перелить въ его душу тѣже помыслы, тѣже чувствованія, вѣрованія и убѣжденія, которыми сама она пропитана, которыя самой ей переданы матерью.

Выправится ребенокъ въ женской холѣ, подъ материнскимъ крылышкомъ, подъ ободрительнымъ баловствомъ ея пріятельницъ, и развивается дальше, ростетъ и мужаетъ, подъ привѣтливымъ призоромъ старыхъ женщинъ и подъ безпрестанными ласками своихъ сверстницъ и подругъ дѣтства. Но наступаетъ пора, что отецъ отрываетъ его отъ материнскихъ объятій, отъ родственныхъ поцалуевъ сестеръ и знакомокъ и тащитъ съ собою либо въ степь, либо на берега Урала, либо въ открытое море. Тамъ, пріучаясь къ вьюгамъ и непогодамъ, укрѣпляясь въ тяжкомъ трудѣ и развиваясь подъ вліяніемъ дикой и угрюмой природы, юноша долго не можетъ забыть прежней школы, прежняго баловства и прежнихъ радостей, которыя бережно хоронитъ, чтобъ грозный батька не провѣдалъ, но которыя и на яву и во снѣ роятся въ его воспоминаніяхъ. Юноша грустно вздыхаетъ о давно минувшемъ времени и ждетъ-не-дождется, когда покончатся его работы и когда онъ снова свидится съ дорогими его сердцу лицами, такъ много сулящими ему ласкъ въ будущемъ.

Возвратившись домой, юноша съ увлеченіемъ кидается на возобновленіе прежнихъ отношеній съ друзьями, но, оглянувшись кругомъ, онъ видитъ во всемъ перемѣну. Та вышла за мужъ; та выросла и стала настоящею невѣстой; та подурнѣла и на нее ему смотрѣть не хочется; иная такъ разцвѣла и преобразилась къ лучшему, что къ ней подойдти «боязно» и страшно; иная и сама на прежняго товарища глядѣть не хочетъ, какъ онъ ни старается задобрить ее и обратить на себя ея вниманіе. Юноша начинаетъ испытывать сердечныя терзанія и муки, начинаетъ бороться съ препятствіями, начинаетъ хитрить и пускать въ ходъ зародыши талантовъ, существованія которыхъ онъ досель и самъ въ себѣ не подозрѣвалъ. Начинается развитіе скромнаго романа, простаго,

безъискусственнаго, но все-таки романа, въ продолженіе котораго дѣйствующія лица не одинъ разъ ставятъ себя въ самыя драматическія положенія. Проходятъ дни, недѣли, мѣсяцы; дѣла мало-по-малу пріобрѣтаютъ успѣшный оборотъ. Еще бы мѣсяцъ — и юноша готовъ торжествовать. Но вотъ, лишь только онъ задумалъ и рѣшился на важный шагъ, который имъ обсужденъ и уже порѣшенъ, и который долженъ поставить его въ независимое положеніе отъ всѣхъ противорѣчій и препятствій — какъ вдругъ нежданно отецъ снова беретъ его съ собою въ дальнюю прогулку. Дѣйствіе драмы прекращается почти въ самомъ зародышѣ; юноша въ отчаяніи.

Выйдти изъ повиновенія—ему и на мысль не прійдетъ. Скрѣпивъ сердце и придавъ довольный видъ лицу, чтобъ не прогнѣвить отца и не подать повода къ неудовольствію, юноша снова покидаетъ родныхъ и друзей, чтобы въ новыхъ подвигахъ, на степи или на морѣ, укрѣпить свою юношескую мощь, развернуть свои воинскія способности, приглядѣться къ промысламъ, извѣдать многое, отзывающееся горечью, потерпѣть нужду, испытать и голодъ и холодъ, и потрудиться такъ, какъ доброму казаку слѣдуетъ потрудиться.

Эта двойственность воспитанія Уральца дома у матери, и въ степи у отца, эти нежданные переходы отъ баловства и излишествъ къ суровости и лишеніямъ, отъ ласкъ и привѣтливости къ строгости и требовательности самой взыскательной, отъ теплаго домашняго очага къ безпрестаннымъ буранамъ и морознымъ ночамъ подъ открытымъ небомъ, отъ довольства и всегдашней безпечности къ самымъ тяжкимъ испытаніямъ и къ вѣчной оглядкѣ за каждымъ своимъ шагомъ — разумѣется, не остаются безъ вліянія на складъ, на внутреннюю сущность Уральца. Они образуютъ изъ него не односторонняго, преданнаго лишь одному долгу службы казака, суроваго воина, ни о чемъ другомъ, кромѣ войны и добычи не мечтающаго: а превращаютъ его въ полнаго человѣка, сочувствующаго всѣмъ общечеловѣческимъ интересамъ, живущаго и мечтами о воинской славѣ, и поэтическими увлеченіями о семейномъ счастьи, и грезами о любви, и серьезными помыслами объ нравственномъ довольствѣ собою, конечно, въ тѣхъ размѣрахъ и въ тѣхъ понятіяхъ, которыя были доступны сре-

дѣ, съ юныхъ лѣтъ казака окружавшей. Сообразно съ этими правилами, вошедшими въ его натуру съ матернимъ молокомъ, онъ дышетъ человѣколюбіемъ ко всему православному міру, хотя и трудно ему, въ продолженіе цѣлой жизни, отрѣшиться отъ ненависти, по-крайней-мѣрѣ отъ нетерпимости ко всему не-православному, ко всему отзывающемуся ересью и исламомъ.*

Разсматривая Уральца какъ человѣка, мы много, конечно, найдемъ въ немъ слабостей, присущихъ каждому Русскому и сродныхъ каждому смертному, съ неразвитымъ, помощью истиннаго просвѣщенія, сознаніемъ: но въ немъ мы найдемъ и много прекрасныхъ сторонъ. Непоколебимая преданность вѣрѣ, престолу и отечеству — общая черта каждаго Русскаго, а слѣдовательно и Уральца. Отчаянная храбрость, хладнокровіе въ бою, ловкость, сметливость и трезвость ума, непритупленнаго бездною условныхъ, укоренепныхъ лишь привычкою, а не сознаніемъ, понятій — все это неизмѣнныя добродѣтели Уральцевъ, точно также какъ бодрость духа, неутомимое трудолюбіе и безмолвная преданность судьбѣ. Что̀ Богомъ указано, что̀ судьбой установлено, то̀ Уралецъ считаетъ неизмѣннымъ исходомъ дѣлъ. Но онъ не падастъ передъ несчастьемъ и не предается унынію; бодро переноситъ постигшую его бѣду, не перестаетъ хлопотать, чтобъ выпутаться изъ неловкаго положенія, въ которое бываетъ поставленъ разными обстоятельствами, и твердъ, сколько возможно, въ своемъ словѣ.

Совѣстливость, выражающаяся въ Уральцѣ нагляднѣе всего въ аккуратности при платежахъ и въ правильности при торговыхъ сдѣлкахъ съ людьми коммерческими — для Уральца весьма важная статья. Лѣниваго, или незаботливаго плательщика—свой братъ-Уралецъ стращаетъ его же «бѝркой».

* Въ этомъ смыслѣ чрезвычайно важенъ для насъ взглядъ самыхъ Уральцевъ на мухаммеданъ. Чтобъ лучше объяснить себѣ духъ и характеръ обоюдныхъ отношеній Уральцевъ къ сосѣдямъ своимъ Киргизамъ, и къ ровнѣ своей, товарищамъ по оружію, Башкирцамъ, рекомендуемъ весьма любопытныя статьи г. Желѣзнова, помѣщенныя, подъ разными заглавіями, въ «Москвитянинѣ» на 1854 годъ; особеннаго интереса заслуживаютъ «Уральская старина» и «Башкирцы».

— Смотри ты у меня, Ефимъ: не отдашь долгу — ей-ей, срѣжу бирку!

Вотъ самая назойливая и самая злая угроза, какую можетъ сдѣлать Уральцу претендующій на него кредиторъ. Срѣзать бирку—значитъ уничтожить весь долгъ, намѣченный на ней крестами и зарубками, или, другими словами, почислить его безнадежнымъ къ взысканію — а этакого сраму честный Уралецъ ни за что на себя не приметъ.

Конечно, такою аккуратностью Уралецъ не всегда можетъ похвастаться, особенно въ сношеніяхъ съ ордою мусульманскою; но слабости его въ этомъ отношеніи непредставляютъ ничего особенно рѣзкаго: они почти тожественны съ закоренѣлыми слабостями нѣкоторыхъ дѣятелей вообще добраго нашего промышленаго класса.

Уральцы обладаютъ чрезвычайно живымъ характеромъ; надо только умѣть задѣть живую струну, на которую налажены задушевные интересы Уральца, чтобъ заставить его, въ случаѣ нужды, выйдти изъ апатіи, откинуть прочь безстрастіе, или лѣнь, и подвигнуть его на какое-нибудь отважное дѣло, иногда даже, повидимому, невозможное. Вмѣсто какихъ-нибудь воинственныхъ, или почему либо особенно многозначительныхъ анекдотовъ, приведу здѣсь самый обыденный случай во всей его простотѣ.

Однажды дядя и двоюродный племянникъ, плывя по морю въ простой душегубкѣ, были вышиблены изъ нея волною. Надо сказать предварительно, что задолго до этого времени и дядя и племянникъ, молодой малый, оба вмѣстѣ, одинаково старательно ухаживали за молоденькой быстроглазой вдовушкой, которая лишилась мужа въ послѣднюю передѣлку Уральцевъ съ Хивинцами. Дядя былъ позажиточнѣе, племянникъ гораздо бѣднѣе. Разсчетливая красавица смотрѣла на жизнь съ современной точки зрѣнія и, вмѣсто того, чтобъ склониться на жаркія мольбы племянника и сдѣлаться его женою, вышла за старика и стала красивому поклоннику теткой.

Вскорѣ послѣ свадьбы, счастливый, но ревнивый дядя поѣхалъ, вмѣстѣ съ племянникомъ, на морской промыселъ и, въ одну несчастную минуту, выкинутъ былъ бурей изъ посудинки. Онъ сталъ было бороться съ волнами, но обезсилѣніе

ли послѣ тяжелой гребли, отчаяніе ли и безнадежность положенія въ открытомъ морѣ, или какія нибудь другія причины, только дядя сталъ теряться и началъ тонуть.

Племянникъ всѣми силами души старался какъ бы спасти дядю, поминутно ободрялъ его и поминутно кричалъ:

— Эй, дядя: теперь недалеко! Смотри-ко, эвона судно-то близехонько: рукой подать... путка, дядя, подбавь еще, хвати-ко-сь, хвати хорошенько... да по-молодецки!

Но изнеможенный старикъ чуть было совсѣмъ не упалъ духомъ. Силы его съ каждой минутой видимо ослабѣвали. Дядя былъ близокъ къ гибели; племянникъ, отдѣленный отъ него волнами, не имѣлъ средствъ ничѣмъ пособить ему, кромѣ утѣшеній и ободреній. Работая умомъ, онъ изыскивалъ малѣйшія средства, чтобы хоть чѣмъ-нибудь вдохнуть въ старика энергію и тѣмъ спасти его отъ неминуемой смерти. Ничто не помогало; дядя выбивался изъ силъ и гибнулъ.

— Эй, дядя, не накупайся на бѣду!—нежданно вскричалъ ему племянникъ, барахтаясь въ водѣ — смотри утонешь, вѣдь тетка-то Харитина поди-что и мнѣ достанется!

— Врешь ты, песъ; не достанется она тебѣ!—съ сердцемъ откликнулся въ мгновеніе разсвирѣпѣвшій дядя и, отрезвѣвъ отъ истомы, собралъ послѣднія силы и бодро принялся бороться съ волнами.

Племяннику только-то и нужно было: черезъ нѣсколько минутъ они оба благополучно подплывали къ виднѣвшейся расшивѣ, откуда уже отправлена была къ нимъ помощь.

Уралецъ видимо гордится своею отважною наружностью и богатырскимъ складомъ и съ какою-то торжественностью напоминаетъ при случаѣ о своемъ званіи. Однажды «къ Макарью» (такъ Уральцы до селѣ называютъ нижегородскую ярмарку) прислана была, по почтѣ, значительная сумма денегъ, на имя одного только-что прибывшаго на ярмарку торговаго казака. Чтобъ получить деньги изъ почтовой конторы, Уральцу надлежало представить о себѣ удостовѣреніе мѣстнаго полицейскаго начальства.

Въ скромномъ чекменѣ явился казакъ куда слѣдовало, съ словесною просьбою о выдачѣ ему свидѣтельства, что онъ дѣйствительно тотъ Уралецъ, на имя котораго присланы извѣст-

ные капиталы. Чиновникъ полиціи не зналъ заѣзжаго казака лично; а такъ-какъ онъ былъ человѣкъ обстоятельный, радѣтельный и осмотрительный, особенно въ такомъ важномъ дѣлѣ, то и нарядъ и борода гражданскаго казака были для него очень недостаточными ручательствами въ правильности требованія просителя.

— Ты бы, любезный, потрудился сослаться, въ видѣ удостовѣренія, на кого-нибудь изъ знакомыхъ тебѣ здѣшнихъ гражданъ: тогда бы я не затруднился — сказалъ онъ казаку.

— Да я, ваше благородіе, здѣсь никого не знаю: какъ есть одинъ, только и всего.

— Ну, такъ погоди, братецъ, денёкъ-другой; я соображу хорошенько обстоятельства и соберу надлежащія справки.

— Да этакъ, ваше благородіе, долго будетъ; а мнѣ время дорого; непремѣнно нужно сегодня.

— Да нельзя же, братецъ, такъ: я и радъ бы душой, но ты самъ видишь какое это дѣло; надо все порядкомъ устроить...

— Да мнѣ только видъ, ваше благородіе...

— Какъ же я тебѣ сейчасъ дамъ видъ, коли я тебя не знаю и никто изъ здѣшнихъ тебя не знаетъ; Богъ вѣсть еще и самъ то ты кто таковъ.

Гордо пріосанился проситель, тряхнулъ бородой, надменно окинулъ глазами толпу другихъ просителей и, хлопнувъ себя по груди, съ чувствомъ произнесъ:

— Али я не Уралецъ, ваше благородіе? Да вы только взгляните на меня: я ли самъ не «докумéнтъ»? Да вотъ вамъ и войсковая бумага — присовокупилъ онъ, вынувъ изъ кармана паспортъ, выданный ему изъ войска, на свободное путеслѣдованіе.

— Такъ ты бы съ того и началъ, любезный! отвѣчалъ осторожный чиновникъ — и дѣло, разумѣется, черезъ минуту было кончено.

Нѣсколько лѣтъ тому, Коканцы разграбили нашихъ Киргизовъ около Уш-ургй. Киргизы принесли жалобу. Велѣно было поймать грабителей, догнать ихъ, отнять у нихъ кражу и уничтожить ихъ скопище. Нѣсколько пѣхотинцевъ съ горстью казаковъ, сопровождаемые охотниками изъ Киргизовъ,

пустились за Коканцами въ погоню; но тѣ бѣжали и заперлись въ крѣпостцѣ Кошъ-Курганѣ. Отрядъ обложилъ ее: надо было наказать хищниковъ и взять крѣпостцу.

Но вотъ бѣда: у крѣпостцы стѣны высокія, а у отряда лѣстницъ нѣтъ: можно ли было предполагать, что дѣло дойдетъ до штурма? А нечего дѣлать, надо штурмовать, надо приказъ исполнить. Какъ тутъ быть? Отрядный офицеръ вызвалъ охотниковъ и сталъ допытываться совѣтовъ.

— Да чего тутъ, ваше благородіе, толковать? Есть приказъ, такъ взять нужно.

— Это, братецъ, я и безъ тебя знаю, да какъ тутъ возьмешь: вишь, стѣна!

— А мы стѣну-то, ваше благородіе, перелѣземъ.

— Да какъ ее перелѣзешь: смотри какая вышина.

— А мы подставимъ лѣсенку.

— Да гдѣ взять-то ее?

— А мы ее сдѣлаемъ.

— Да вѣдь лѣсу на сто верстъ кругомъ нѣтъ ни палки.

— А мы какъ-нибудь безъ лѣсины обойдемся, ваше благородіе.

— Нужны лѣстницы.

— Нужны, ваше благородіе, оченно нужны.

— Гдѣ жъ мы возьмемъ бревенъ?

— А Киргизы-то на что, ваше благородіе?

— Какъ, Киргизы?

— Да такъ же-съ! Мы Киргизовъ, вмѣсто лѣстницъ, къ стѣнѣ приставимъ!

— Браво!.. чудная мысль! Валяй, ребята, живо!

Уральцы мигомъ смастерили живую лѣстницу: Киргизовъ, къ стѣнѣ приставили на плеча имъ поставили пѣхотинцовъ, оставшихся въ излишкѣ, и по этой, на живую руку импровизованной постройкѣ, охотники взошли на крѣпостную стѣну, бросились на Коканцевъ и одержали блестящую побѣду, не оставивъ и слѣдовъ укрѣпленія.

Въ числѣ отряда Уральцовъ, находящихся на внѣшней выкомандировкѣ по сыръ-дарьинской линіи, есть одинъ лихой казакъ, породой чистый Калмыкъ, а именемъ Мантыкъ. Человѣкъ этотъ замѣчателенъ особеннымъ пристрастіемъ къ тиг-

ровой охотѣ; а тигровъ, чистѣйшей породы (tigre royal), въ камышахъ, по Сыръ-дарьѣ, довольно. Мантыкъ ходитъ на тигровъ одинъ-на-одинъ, просто съ винтовкой, и подвигами своими, по этой части, составилъ себѣ маленькую извѣстность. Нынче, минувшей зимой, онъ вкусилъ новое удовольствіе, убивъ на повалъ осьмаго этакого звѣря и въ добавокъ еще тигрицу.

Найдись такой Мантыкъ между Французами, вѣдь какъ бы о немъ протрубили по цѣлому міру! А нашъ Уралецъ, какъ говорятъ казаки — «и ухомъ не ведетъ»; онъ даже и не воображаетъ, что является достойнымъ соперникомъ прогремѣвшаго славою по цѣлому свѣту, знаменитаго tueur des lions Жерара.

Статья была бы неполна, если бы мы, по мѣрѣ возможности не познакомили читателей съ пѣснями, сдѣлавшимися на рѣкѣ Уралѣ достояніемъ всей массы казаковъ, большихъ охотниковъ пѣть пѣсни при всякомъ удобномъ случаѣ. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

I.

Вечоръ ко мнѣ, дѣвушкѣ,
Соловушка прилеталъ,

Соловушка прилеталъ —
Молодецъ въ гости пришелъ.

Звалъ онъ, манилъ дѣвушку,
Уговаривалъ съ собой:

Поѣдемъ-ко дѣвушка
Во чисто́ поле гулять.

Во чисто поле гулять,
На высокій на курганъ.

Возьмёмъ-ко мы, дѣвушка,
Полотнянъ-бѣлой шатеръ,

Ложись, ложись, мо́лодецъ,
Дай въ головкѣ поискать,

Въ головушкѣ поищу,
Русы кудри разчешу.

Уснулъ, уснулъ мо́лодецъ,
У дѣвушки на рукѣ,

У дѣвушки на рукѣ,
На кисейномъ рукавѣ.

Всталъ-проснулся мо̀лодецъ —
Ни дѣвушки, ни коня,

Ни дѣвушки, ни коня,
Нѣтъ ни бѣлаго шатра.

Заставила дѣвушка
Въ полѣ пѣшимъ быть:

Въ полѣ пѣшимъ ходить,
Поджавъ рученьки бродить.

II.

Какъ одинъ-то, одинъ,
У отца, у матери,
Все одинъ — единый сынъ:
Какъ его-то беруть, разудаленькаго,
Берутъ въ службу царскую,
По указу берутъ его, разудаленькаго,
Берутъ государеву.
Какъ со вечера ему, доброму мо́лодцу,
Ему приказъ отданъ былъ;
Съ полу-то ночи, душа добрый мо́лодецъ,
А онъ собираться сталъ;
На бѣлой-отъ зарѣ, душа добрый мо́лодецъ,
А онъ сталъ коня сѣдлать;
На восходѣ-то солнца краснаго
Сталъ онъ со двора съѣзжать.
Провожаютъ его, его разудалаго,
Его всѣ — отецъ и мать;

Провожаетъ его, его разудалаго,
Его молода жена;
Провожаютъ еще его разудалаго
Его весь и родъ и племень.

III.

Доселева про Кіянь-море не слыхано,
А нонычe на Кіянь-море сбираются
Суцкой, Пруцкой, Новоторженской.
Собирали они тридцать кораблей безъ еднаго.
Про себя они украшали соколъ-корабль:
Деревцо становятъ кипаризово,
На немъ снасточки — бичевочки шелковыя.
Они на̀ корму сажаютъ Илью Муромца,
А на носъ посажаютъ Добрыню Никитьевича.
Ильюшенька-Добрынюшка рѣчь возговорилъ:
Ты отваливай-ко отъ бережку отъ крутаго,
Ты отваливай-ко отъ песочка отъ сыпучаго.
Вдругъ несчастьице надъ корабличкомъ прилучилося,
Что садiился на де́ревцо сизо́й орелъ,
Потопляилъ онъ корабличекъ во синё морё.
Какъ на то ли нашъ Ильюхонько разсержаился,
Онъ тугòй лукъ своей рученькой натягивалъ,
Калену̀ стрѣлу на тетивочку онъ накладывалъ,
Онъ убилъ орла во бѣлую грудь, въ ретивò сердце,
Онъ упалъ, нашъ сизòй орелъ, во синё море.

IV.

Изъ-за лѣсику было, лѣсу темнаго,
Изъ-за горъ было, горъ высокiихъ,
Выѣзжалъ-то тутъ Дюкъ Степановичъ, добрый мòлодецъ,
На своемъ-то на добромъ конѣ, въ буромъ бахматѣ.
Подъ нимъ добрый конь, что лютый звѣрь, разъиграется.
Самъ сидитъ онъ на добромъ конѣ, какъ ясенъ соколъ;
За плечами-то у него крѣпкiй лукъ-колчанъ,
Во колчанѣ-то у него немало стрѣлъ,

Что кажиная быстра стрѣлочка во пятьсотъ рублей,
А тремъ стрѣлочкамъ завѣтнымъ и цѣны-то нѣтъ,
Во ушахъ у нихъ перышки орлиныя —
Не тѣхъ орловъ, орловъ турскіихъ, все заморскіихъ,
Что вилися на синемъ морѣ, на Кіянь-морѣ,
Да роняли свои перышки во Кіянь-море,
Собрали то эти перышки корабельщики
Привозили они эти перышки въ каменну Москву,
Добрымъ молодцамъ эти перышки въ калены стрѣлы,
Краснымъ дѣвушкамъ да молодушкамъ на диковинку.
Вотъ поѣхалъ онъ, Дюкъ Степановичъ, во чисто поле,
Онъ натягивалъ тугой лукъ крѣпкой ручкою,
Онъ накладывалъ на тетивочку калену стрѣлу,
Онъ по днямъ стрѣлялъ, по ночамъ сбиралъ свои стрѣлочки,
Гдѣ стрѣла стоитъ, тутъ свѣча горитъ воску яраго.

V.

Какъ по морю было, морю, по еврейскому,
Какъ тутъ плыли-выплывали тридцать кораблей,
Какъ одинъ корабль напередъ бѣжитъ, что соколъ летитъ.
У кораблика носъ, корма по-звѣриному,
Водяные бока по-змѣиному.
На этомъ корабличкѣ раскрашенъ чердакъ,
На этомъ чердачкѣ все дубовые столы,
Возлѣ столика-то стулъ раздвижной,
А на стулѣ сидитъ пруцкой король,
Передъ нимъ стоятъ два невольничка,
Два невольничка, два донскіе полковничка,
Во рукахъ держутъ золотой подносъ,
На подносѣ стоитъ рюмочка серебряна,
Въ серебряной во рюмкѣ сладка водочка.
Ты изволь-ка соизволь пруцкой король,
Соизволь принять да выкушать,
Изъ неволюшки насъ выпустить.

VI.

Какъ во-далече, по-далече, во чистомъ полѣ,
Выросталъ тутъ, батюшка сыръ-матёрый дубъ.

У сыра̀ дуба кореньице булатное,
У сыра дуба коринушко жемчужное,
У сыра̀ дуба суьчя-вѣточки хрустальные,
На сыро́мъ дубу̀ листоченьки бумажные.
На сыро́мъ дубу было гнѣздышко соколиное,
Подъ сырымъ дубо́мъ было стоильце коневее.
Не ясёнъ соколъ надъ добрымъ конемъ насмѣхаться сталъ:
Ужь ты кляча ли, моя кляча, сивый рѣзвый конь!
На тебѣ ли, сивый рѣзвый конь, шерсть ослиная (оленяя)
А черно мясо на рѣзвомъ конѣ что воронее!
За обидушку то добру̀ коню показалося.
Не ясёнъ соколъ со добрымъ конемъ позаспорились,
Они спорились не на сто рублевъ, не на тысячу,
Заложилися о своихъ буйныхъ о головушкахъ:
Достовалося соколу̀ летѣть чрезъ синё море,
А коню бѣжать приводилося кругъ синя̀ моря.
Обѣга̀илъ онъ, сивый рѣзвый конь, кругъ синя̀ моря,
Добѣгаилъ онъ до мѣстичка до урочнаго —
А ясна̀го буйна сокола и въ-поя̀ви нѣтъ —
Напившись онъ, наѣвшись онъ во стойло сталъ.
Прилета̀илъ ясенъ со́колъ ко добру̀ коню,
Во кохтяхъ держаилъ бѣлую лебедушку.
Коню рѣзвому ясёнъ соко́лъ извиняился,
Говорилъ ему рѣчи ласковы со повинною:
Ужь лета̀илъ я, ясёнъ соко́лъ, чрезъ синё море,
Ужь видаилъ я гусей, лебедей, сѣрыхъ утицевъ,
Увидаилъ я лебёдушку, лебедь бѣлую,
У лебёдушки увидаилъ я гого́льчика:
У меня, со́кола, очи ясныя завидчивы —
Вотъ за тѣмъ-то я, ясёнъ соко́лъ, и замѣшкался!

Считаю излишнимъ прибавлять, что пѣсни эти записаны слово въ слово, такъ какъ ихъ поютъ сами Уральцы: я не дозволилъ себѣ нималѣйшихъ измѣненій, никакихъ поправокъ, хотя многое, очевидно, подверглось тутъ произволу самихъ пересказывателей.

ПАВЕЛЪ НЕБОЛЬСИНЪ.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. №
..... 193 г.

4